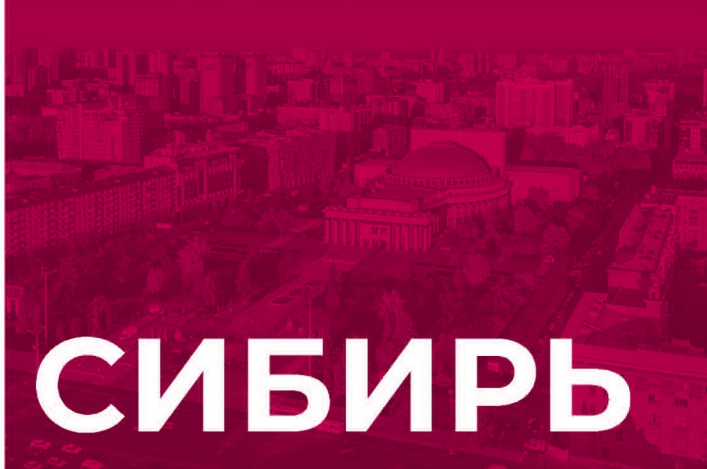

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ**
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

НОВОСИБИРСК

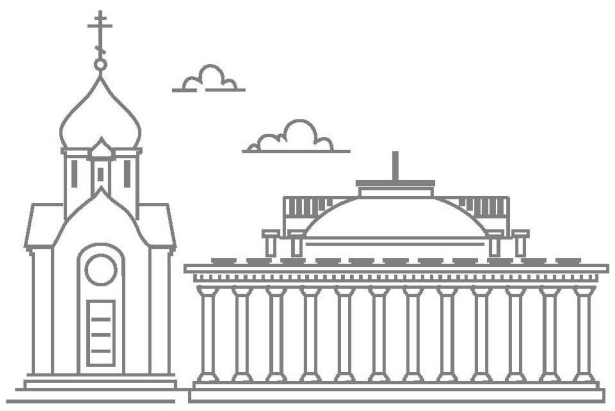

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2025 №2 (10)
ISSN 2949-1568

SIBERIA

HUMANITARIAN

2025

№ 2 (10)

Scientific-practical journal
Published 4 times a year

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of Philological sciences, professor, Republic of Turkey, Istanbul
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Andrei I. Savin, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Moscow
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *N.A. Zolotenina*, *N.A. Vnukova*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The Journal is included in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Register. Register number and date of registration: *III № ФС77-83738 dated August 5, 2022.*

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 27.06.2025. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 13,65. Publisher's signature 14,82. Edition of 500 copies. Order 5.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

2025

№ 2 (10)

Научно-практический журнал
Выходит 4 раза в год

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Турецкая Республика, Стамбул
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Москва
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Белая*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина, Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата регистрации: *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 27.06.2025. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 13,65. Уч.-изд. л. 14,82. Тираж 500 экз. Заказ 5.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Emrah Gaznevi

Doctor of Philological Sciences, Professor, Associate Professor, Republic of Turkey, Istanbul

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philological Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Vladimir N. Shaidurov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of Historical Sciences, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Газневи Эмрах

доктор филологических наук, доцент, Турецкая Республика, Стамбул

Дённингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шайдуров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург

Шкодич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
CURRENT ISSUES OF THE SECOND WORLD WAR	10
Shulga D.P., Yarchenko Yu.V.	
Relevance of Studying the Wars of the Second Quarter of the 20th Century in Asia	10
THE FIGHT AGAINST FASCISM IN THE USSR AND THE RESISTANCE	
MOVEMENT IN EUROPEAN COUNTRIES	24
Ivanov V.A.	
K.N. Popandopulo and L.D. Stetsenko in the Activities of the Sevastopol	
Underground During the Great Patriotic War.....	24
Sorokina M.Yu.	
Return to the Homeland: Life in the USSR of Participants in the Resistance	
Movement I.N. Golenishchev-Kutuzov and Yu.B. Bek-Sofiev.....	32
Talalay M.G.	
The Italian Resistance Movement against Nazifascism: Context, Origins, Soviet	
Participants	43
Zivanovic M.	
Russian Emigrant Doctors — Participants in the Resistance Movement	
in Yugoslavia.....	51
Lombardi M.-M., Talalay M.G.	
Died in the Fight for the Liberation of Italy: Soviet Partisan Gennady Aglamov	66
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	76
Djordjevich A.	
Memories of Russian émigrés — Participants of the Yugoslav Resistance: based	
on the Diary of Vladimir Dedijer.....	76
Chernobay O.L., Chernobay G.K.	
Payment (Pension) Files of Participants and Invalids of the Great Patriotic War	
as a New Type of Historical Sources	90
PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN TRACE.....	99
Bykova A.S.	
From Tsarskoe Selo to Ireland: Elizaveta Nikolaevna Kuris's Memories	
of Her Last Year in Russia.....	99
CONFERENCES, EXPEDITIONS.....	125
Sorokina M.Yu.	
Book of Memory Presentation at the International Academic and Educational	
Conference “Russian Heroes of the European Resistance during the Second	
World War 1939—1945”	125
PERSONALITIES	128
Mendikulova G.M.	
Malbagar Mendikulov: Victories in War and in Peaceful Life.....	128
MEMORY ARCHIVE	135
In Luhansk region, a memorial to soldiers who died during the Civil and Great	
Patriotic Wars has been restored.....	135
Immortal Regiment.....	137
AUTHOR AFFILIATIONS	151
INFORMATION FOR AUTHORS	152

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	10
Шульга Д. П., Ярченко Ю. В. Актуальность изучения войн второй четверти XX в. в Азии.....	10
БОРЬБА С ФАШИЗМОМ В СССР И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ	24
Иванов В. А. Участие К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко в деятельности севастопольского подполья в годы Великой Отечественной войны.....	24
Сорокина М. Ю. Возвращение на Родину: жизнь в СССР участников движения Сопротивления И. Н. Голенищева-Кутузова и Ю. Б. Бек-Софиева.....	32
Талалай М. Г. Итальянское движение Сопротивления против нацифашизма: контекст, истоки, советские участники.....	43
Живанович М. Русские врачи-эмигранты — участники движения Сопротивления на территории Югославии	51
Ломбарди М.-М., Талалай М. Г. Пал в борьбе за освобождение Италии: советский партизан Геннадий Агламов	66
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	76
Джорджевич А. Воспоминания о русских эмигрантах — участниках югославского Сопротивления: по материалам дневника Владимира Дедиера	76
Чернобай О. Л., Чернобай Г. К. Выплатные (пенсионные) дела участников и инвалидов Великой Отечественной войны как новый вид исторических источников.....	90
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД.....	99
Быкова А. С. Из Царского Села в Ирландию: воспоминания Елизаветы Николаевны Курис о ее последнем годе в России	99
КОНФЕРЕНЦИИ, ЭКСПЕДИЦИИ.....	125
Сорокина М. Ю. Презентация Книги памяти на международной научно-просветительской конференции «Русские герои европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны 1939—1945 гг.».....	125
ПЕРСОНАЛИИ	128
Мендикулова Г. М. Малбагар Мендикулов: победы на войне и в мирной жизни.....	128
АРХИВ ПАМЯТИ	135
В Луганской области восстановлен мемориал воинам, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войн	135
Бессмертный полк	137
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	152

От редакции

2025 год — юбилейный год окончания Второй мировой войны, одной из самых кровавых войн в истории человечества. Борьба с фашизмом шла на территории СССР и многих других оккупированных нацистами странах. Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь к Федеральному собранию, отмечал: «Мы гордимся поколением победителей, чтим их подвиг, и наша память — не только дань огромного уважения героическому прошлому, она служит нашему будущему, вдохновляет нас, укрепляет наше единство».

Значительную роль в противодействии нацизму и приближении победы над фашизмом в период Второй мировой войны сыграло движение Сопротивления. Спектр деятельности участников движения широк: от антифашистской пропаганды и помощи преследуемым лицам до саботажа, диверсий и партизанской борьбы. Авторы статей очередного номера журнала исследуют борьбу против фашизма на территории Италии, Югославии, в том числе участие в ней советских граждан, а также бывших россиян, оказавшихся в эмиграции; рассматривают жизнь участников движения Сопротивления в Советском Союзе после войны. Исследователи вносят вклад в изучение источников личного происхождения, вводят в научный оборот новые виды исторических источников, исследуют архивные материалы о деятельности подпольщиков на оккупированной территории Крыма. Историком из Казахстана представлена статья о жизни основоположника архитектурной науки в Казахстане, героя Великой Отечественной войны М. М. Мендикулова.

Мы помним о героях Великой Отечественной войны. Фотографии и краткая информация об участниках войны — лишь малая толика памяти потомков о тех, кто сражался и погиб за Родину, а также о тех, кто дошел до конца войны и стал свидетелем Победы советского народа. Фотоархив включает документы, которые историки могут использовать в качестве источника для своих исследований.

В третьем номере журнала мы предлагаем обсудить следующие проблемы:

- история государственной службы;
- история международных отношений и внешней политики;
- взаимоотношения Российской Федерации и стран СНГ;
- проблемы молодежной политики;
- проблемы советской и современной национальной политики;
- этнокультурные вопросы;
- история государства и права;
- история, развитие отечественной и современной российской системы образования;
- историография и источниковедение.

В очередном номере могут быть представлены на обсуждение читателями и иные вопросы, а также материалы из семейных архивов памяти. Традиционна рубрика «Сохранение исторической памяти». Кроме того, мы публикуем информацию о прошедших конференциях, новых изданиях, а также приглашаем исследователей к публикации на страницах журнала сообщений о прошедших защитах диссертаций.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

CURRENT ISSUES OF THE SECOND WORLD WAR

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 10—23.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):10—23.

Актуальные проблемы Второй мировой войны

Научная статья
УДК 355.48(5)"1925/1950"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-10-23
EDN OLLXYC

Актуальность изучения войн второй четверти XX в. в Азии

Даниил Петрович Шульга^{1✉}, Юлия Витальевна Ярченко²

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, shulga-dp@ranepa.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

² Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация, july-248@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6744-5774>

Аннотация. Вторая мировая война в Азии в отечественной историографии традиционно представлено куда скромнее, чем европейский театр боевых действий. Такой подход обусловлен вовлеченностью Советского Союза в борьбу за выживание с Германией, по сравнению с которой противостояние с Японией меркнет. Однако современные условия так называемых новых войн ставят на повестку дня изучение вооруженных конфликтов 1920 и 1930-х гг. (бои на КВЖД, эра милитаристов в Китае, конфликты на о. Хасан и р. Халхин-Гол, походы РККА в Синьцзян), которые происходили в условиях нечетких границ между территориями, де-факто появившимися после распада империи Цин. Как и в современных военных операциях за пределами страны, участвующие контингенты нередко маскировались. Скажем, красноармейцы в Синьцзяне и советские летчики в Центральном Китае официально позиционировались как белогвардейские формирования и могли получать оплату от союзных Москве центров силы в Поднебесной (что отчасти роднит их с современными ЧВК по всему миру). Войны в Китае второй четверти XX в. часто велись непосредственно частными армиями, и даже войска достаточно централизованной Японии нередко действовали по приказу квантунских генералов без согласования с правительством в Токио. Как и в современных военных конфликтах на Ближнем Востоке, одни и те же высокопоставленные деятели могли успеть несколько раз сменить свою позицию в ходе ситуативно образующихся союзов.

Ключевые слова: Китай, Вторая мировая война, Япония, эра милитаристов в Китае, Гоминьдан, Компартия Китая, СССР, гражданская война, сепаратизм
Для цитирования: Шульга Д. П., Ярченко Ю. В. Актуальность изучения войн второй четверти XX в. в Азии // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 10—23. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-10-23. EDN OLLXYC.

Current issues of the Second World War

Original article

Relevance of Studying the Wars of the Second Quarter of the 20th Century in Asia

Daniil P. Shulga^{1✉}, Yuliia V. Yarchenko²

¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, shulga-dp@ranepa.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

² Pryazovskyi State Technical University, Mariupol, Russian Federation, july-248@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6744-5774>

Abstract. The Second World War in Asia is traditionally presented in Russian historiography in a much more modest way than the European theater of military operations. This approach is due to the involvement of the Soviet Union in the struggle for survival with Germany, in comparison with which the confrontation with Japan takes less relevance. However, the modern conditions of the so-called new wars put on the agenda the study of armed conflicts of the 1920s and 1930s (battles on the CER, the era of militarists in China, conflicts on Hasan Island and the Khalkhin Gol River, the Red Army campaigns in Xinjiang). They occurred in conditions of unclear borders between territories that de facto appeared after the collapse of the Qing Empire. As in modern military operations outside the country, the participating contingents were often disguised. For example, the Red Army soldiers in Xinjiang and the Soviet pilots in Central China were officially positioned as White Guard formations and could receive payment from Moscow-allied centers of power in the Tianxia (which partly makes them similar to modern PMCs around the world). Wars in China in the second quarter of the 20th century were often waged directly by private armies, and even the troops of fairly centralized Japan often acted on the orders of Kwantung generals without coordinating with the government in Tokyo. As in modern military conflicts in the Middle East, the same high-ranking figures could change their position several times in the course of situationally formed alliances.

Keywords: China, World War II, Japan, the era of militarists in China, Kuomintang, Communist Party of China, USSR, civil war, separatism

For citation: Shulga D.P., Yarchenko Yu.V. Relevance of Studying the Wars of the Second Quarter of the 20th Century in Asia. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):10—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-10-23>. <https://elibrary.ru/ollxyc>.

Современные вооруженные конфликты кардинально отличаются от боев Второй мировой войны (и Великой Отечественной как ее важнейшей составляющей). Противостояние 1939—1945 гг. закономерно привело к формированию концепции «тотальной войны», в рамках которой национальные экономики максимально переходили на военные рельсы, а союзники пытались постоянно поддерживать друг друга необходимыми ресурсами и техникой, активно

исследовались технологии замены недостающих материалов. Нынешние военные кампании куда меньше отражаются на жизни основной массы граждан, особенно если мы говорим о заокеанских экспедициях США в Югославию, Ирак, Сирию или Афганистан либо гражданских войнах вроде ливийской, где ведущие державы действуют в местах конфликтов через своих союзников.

Если в Великой Отечественной войне военачальники командовали массовыми армиями, сформированными на основании призыва, то сейчас на поле боя доминируют сравнительно малочисленные группы, укомплектованные профессиональными контрактниками, и ополченцами из местных жителей. Вторая мировая в Европе сопровождалась переходом международно признанных границ¹ и объявлением войны (пусть и не всегда непосредственно в момент нападения). Нынешние боевые действия зачастую ведутся без формальных дипломатических процедур и даже не влекут расторжения деловых контрактов².

Важной особенностью современных международных конфликтов, наконец, является их максимальное переплетение с внутренними. Крушение колониальных империй 1950—1970 гг., распад СССР в конце XX в. привели к появлению на карте большего количества независимых государств. Во многих из них внутренняя стабильность оказалась весьма хрупкой, начали вспыхивать гражданские войны различного свойства³. Естественно, что крупные державы для удовлетворения своих интересов избрали опробованный еще в годы холодной войны путь поддержки своих прокси. Следует отметить, что подобный подход не так уж нов. В 1936—1939 гг. во время гражданской войны в Испании советские военные впервые столкнулись со своими противниками из нацистской Германии и фашистской Италии. Для европейского «преддверия Второй мировой» Испания была скорее исключением⁴, в то время как в Восточной Азии того време-

¹ Целый ряд границ между государствами к 1939 г. был сформирован в результате распада Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. Несмотря на то, что данные рубежи были признаны международным сообществом, сохранялся потенциал для новых конфликтов на этнической или идеологической почве. Противостояние могло начинаться и по экономическим причинам. Так, одной из причин агрессии Гитлера против Чехословакии было желание занять промышленные мощности, что позволило бы существенно увеличить выпуск винтовок, а также нарастить производство танков.

² Украина и Российская Федерация так и не объявили друг другу войну ни в 2014 (когда ряд националистических сил в Киеве заявили о «русско-украинской войне» на Донбассе), ни в 2022 г. До конца 2024 г. два государства находились в рамках сделки по прокачке природного газа в Европу.

³ В новейшее время гражданские войны явно распадаются на несколько типов. Целью одних является захват (или удержание власти) на всей территории государства (например, в России в 1918—1922 гг.), в ходе других ведется борьба за право выхода части из состава целого. Впрочем, данная классификация весьма примерна. Так, в нынешней гражданской войне в Сирии есть силы, стремящиеся к обособлению (курды и друзы) и борющиеся за гегемонию в масштабах всей страны. Похожие процессы наблюдаются в Мьянме. Подобный сценарий имел место в Китае в 1927—1949 гг., что в итоге привело к фактическому обособлению Тайваня (до 1971 г. представителя в ООН всего Китая), а затем появлению на острове сильного сепаратистского политического крыла («Большая зеленая коалиция»). Особняком стоит понятие национально-освободительной войны. Обычно его применяют к конфликтам, в рамках которых пытается отделиться территория (нередко заморская), в культурном отношении слабо связанная с метрополией. Классический пример — движения за отделение от Португалии в Африке и Азии. Возможный сценарий здесь — отделение от одного государства с целью присоединения к другому, культурно близкому, без претензий на независимость. Яркий пример XX в. — переход Гоа к Индии.

⁴ Войны на европейском театре Второй мировой войны велись между государствами и их блоками. Новые государства, вроде Словакии или Хорватии, образовывались не вследствие вооруженной внутренней борьбы, а по указанию из Берлина уже после ликвидации центрального правительства (в Праге и Белграде соответственно).

ни сложные конфликты на руинах империи Цин обладали массой признаков современных гибридных войн [1].

Вторая мировая война в Европе стала определяющей для совершенствования бронетехники, а также тактики и стратегии применения танков и САУ [2]. Даже сильнеешие из воюющих армий подошли к концу 1930-х гг. с машинами Т-26, М2 или Рз. II [3, с. 30—40]. Уже в 1945 г. на параде в Берлине был представлен ИС-3 и сопоставимые с ним западные машины, которые по всем характеристикам превосходили любой танк предвоенного периода. Кроме этого, в ходе Второй мировой войны произошло перевооружение воевавших в Европе армий пистолетами-пулеметами, вытеснив винтовки.

Процессы модернизации техники и выработка эффективных военных стратегий совершенно обошли стороной восточноазиатский театр военных действий [4]. Местная специфика складывалась из множества факторов, главным стал фактический «полураспад» Китая. Некоторые национальные окраины бывшей империи Цин обособились от Поднебесной временно (Тибет) или навсегда (Тува и Монголия). Оставшиеся территории, хотя и считались формально объединенными после 1928 г., де-факто представляли из себя конфедерацию, где Чан Кайши признавался лидером лишь как *primus inter pares*¹. Кроме прочего, это не способствовало индустриализации страны. Наиболее прозорливые военные лидеры на местах создавали собственное производство вооружений. При этом локальные особенности причудливо влияли на выбор изготавливаемого оружия. Так, Янь Сишань в Шаньси наладил массовое производство пистолетов Маузер С96. Одной из причин такого предпочтения была слабая подготовка пехотных частей, которые имели очень мало стрелковой практики [6]. Ввиду этого преимущества винтовки в точности и массе патрона для подобных солдат были совершенно неочевидны. А вот самозарядный пистолет с отъемным магазином с 10 и более (до 40 в некоторых модификациях) патронами позволял добиться скорострельности, компенсирующей недостаток меткости. Еще одним нововведением стал перевод маузеров на патрон 45 АСР. Причиной тому стала, кроме прочего, попытка унифицировать патрон для маузеров и производимых здесь же пистолетов-пулеметов Томпсона. Иными словами, Янь Сишань стремился добиться автаркии и вооружить свое не слишком профессиональное воинство «эрзац-винтовкой», достаточно простой в производстве и не слишком тяжелой для низкорослых вчерашних крестьян².

С танкостроением у Китая дела обстояли весьма посредственно. Правительство Чан Кайши понимало важность создания бронетанковых сил, рассматривая возможность производства эрзац-танков на собственных мощностях³ и закупки иностранных образцов.

¹ В силу этого говорить о китайской нации [5] для данного периода можно лишь с существенной осторожностью.

² В 1929 г., когда было налажено производство шаньсийской реплики Маузера под наименованием «Тип 17», в войска активно начали поступать лица, родившиеся около 1910 г., т. е. в канун Синьхайской революции. Детство таких призывников нередко было достаточно тяжелым, потому они отличались низкорослостью.

³ Наиболее известным был так называемый Скунс Саттона, предложенный одним из бывших советников Чжан Цзолиня, Фрэнсисом Артуром Саттоном (1884—1944), руководству Национальной революции

В 1929—1930 гг. представители Чан Кайши, как и советские специалисты, обратили внимание на «Виккерс шеститонный» [3, с. 9 ; 6]. Впрочем, если в СССР после нескольких лет упорного труда и решения массы производственных задач удалось наладить к 1931 г. выпуск и постепенную модернизацию Т-26¹ [3, с. 58—63], то Китай подобную задачу выполнить не мог.

Основной противник Национально-революционной армии, Японии, также весьма своеобразно (с точки зрения синхронных процессов в Европе) подходил к механизации армии [7]. Например, стандартная пехотная дивизия «Оцу» в 1940 г. имела по штату 20 000 военнослужащих, 7 500 лошадей и всего 50 грузовиков. В усиленных пехотных дивизиях («Ко») автомобилей было больше: 502 на 29 408 военнослужащих. В ходе войны усиленные дивизии усовершенствовались, сократив численность до 24 600 человек, 7 930 лошадей и 284 автомобиля. Возьмем для сравнения итальянскую армию, которая во всех совместных с вермахтом кампаниях подвергалась критике за малое количество автотранспорта. В 1941 г. Итальянский экспедиционный корпус в СССР насчитывал: 62 тыс. солдат и командиров, 60 танкеток, 83 самолета, 4 600 лошадей и мулов, 5 500 грузовиков, 1 550 мотоциклов. Таким образом, на 100 тыс. бойцов японской императорской армии приходилось максимум 1 600 грузовиков, в то время как у итальянцев (относительно не самых передовых в плане моторизованности [3, с. 47]) этот показатель был примерно в семь раз выше². Даже если учесть, что на СССР Рим отправил наиболее укомплектованные части, то все равно превосходство над Токио по количеству автомобилей на подразделение очевидно.

Что касается танков, то ни по объему выпуска, ни по качеству бронетехники Страна восходящего солнца не могла сравниться с теми державами, с которыми вступала в конфликты [6]. Достаточно сказать, что в СССР только три типа легких танков (предвоенный Т-26, спешно сконструированный в начале Великой Отечественной войны Т-60 и его глубокая модернизация — Т-70) были выпущены суммарно в количестве около 25 тыс. ед. [3, с. 78—85]. В Японии примерно за это же время наиболее ходовых моделей Ха-Го, Чи-Ха и Шинхото Чи-Ха³ изготовили всего около 5 тыс. ед. [8, с. 36—62]. Для сравнения были взяты именно эти машины по двум причинам.

онной армии. Идея заключалась в том, чтоб выкупить выставленные американской армией на продажу гусеничные тягачи ПМВ и на китайских арсеналах обшить их броней и снабдить пулеметами в передней части корпуса и минометом в задней.

¹ Следует отметить, что даже с учетом уже имевшегося в Советском Союзе опыта танкостроения (в 1928—1931 гг. было выпущено около 960 экземпляров Т-18), первый год выпуска Т-26 оказался провальным: из запланированных 500 машин РККА приняла только 100, так как проблемы заключались в качестве металла, двигателях, коробке передач и т. д.

² До конца 1944 г. корпорация *Toyota Motor* выпустила для японской армии свыше 40 тыс. различных видов автотехники. За время Второй мировой войны было выпущено не менее 37 тыс. грузовиков семейства FIAT 626, основных средних грузовиков итальянской армии. Если учесть, что императорская армия начала активные боевые действия на 10 лет раньше Италии, которая в 1943 г. де-факто вышла из войны и насчитывала в полтора раза больше бойцов, то мы также убеждаемся, что даже «отстающие» на европейском театре военных действий оставляли далеко позади «передовиков» военного дела в Азии.

³ Чи-Ха и его модернизированная версия с новой башней, мыслимые японцами как средние танки, но по массе скорее тяготеющие к легким (вес 16 т) [8, с. 56—62], лишь незначительно превосходили советский БТ-7М (14,56 т) и почти в два раза уступали среднему танку РККА Т-34-76 (27 т), и в полтора — немецкому Pz.Kpfw. III Ausf. J. (21,5 т).

Во-первых, серийных тяжелых танков Япония не выпускала вовсе. Во-вторых, все машины разрабатывались и производились в сопоставимое время. Ха-Го (1936) поступил на вооружение на четыре года позже Т-26 (1931), но Чи-Ха (1938) примерно на тот же срок «опередил» Т-60 (1941). Все эти модели прекратили производить в 1943 г. [3, с. 162—170]

Необходимо признать, что и описанных выше объемов производства хватало, особенно на первом этапе полномасштабной японо-китайской войны (1937—1939). Более того, довольно эффективным в тот период был первый танк собственно японской разработки — Тип 89. Эта медленная (до 25 км/ч по шоссе) машина с противопульным бронированием (до 17 мм) по многим параметрам была сопоставима с советским Т-18 [8, с. 58—61].

Таким образом, с одной стороны, японские сухопутные силы оказались сильнее всех региональных формирований Китая (НРА Гоминьдана, НОАК Компартии Китая, армии локальных милитаристов). С другой стороны, армия Страны восходящего солнца была существенно слабее любой из тройки крупнейших армий Второй мировой войны (Германии, СССР и США), находясь за счет большей численности и мотивации бойцов где-то на уровне итальянских сил. Интересно, что и внешнюю агрессию страны начали почти одновременно. Перед началом полномасштабной Второй японо-китайской войны Рим в 1936 г. аннексировал Эфиопию [3, с. 45].

Не лучше дела обстояли с прогнозированием и стратегическим планированием операций на всех уровнях, здесь также допускались фантазмагорические просчеты [9]. Вопиющий случай имел место в 1931 г., когда Квантунская армия под командованием Хондзё Сигэру начала наступление на Маньчжурию без ведома премьер-министра Вакацуки Рэйдзиро и военного министра Минами Дзиро. Однако последний поддержал «инициативу снизу» и сумел пролоббировать одобрение операции в верхах. В целом начавшаяся агрессия против Китая была Токио по силам. Не завершив военные действия в Поднебесной, Япония начала агрессию против СССР (летом 1938 г. — на озере Хасан, через год — на реке Халхин-Гол), а в конце 1941 г. вступила в полномасштабную войну с США. И СССР, и США по своему промышленному и ресурсному потенциалу были несравнимо сильнее Страны восходящего солнца. Напомним, что, осознав необходимость формирования танковых войск де-факто с «чистого листа»¹ [3, с. 89—94], американская администрация смогла наладить выпуск десятков тысяч машин весьма современных для своей эпохи моделей (около 23 тыс. М3 Stuart, 49 тыс. М4 Sherman). США, как морской державе, еще нужно было задействовать промышленные мощности для строительства и ремонта кораблей. Фактически, развязывая войну, стратеги в Токио делали ставку на весьма маловероятный вариант, что страна, которой они не могут нанести ощутимого урона в метрополии, почему-то пойдет на унижительный мир.

Японской армии и флоту удалось на несколько лет утвердить свою власть в бывших азиатских колониях Соединенного Королевства

¹ Танкостроение в США до Второй мировой войны находилось на невысоком уровне из-за сложной игры лоббистов в армии и военной промышленности.

и Франции [10] в значительной степени благодаря сложностям европейских государств на начальном этапе войны с Германией. Однако успех Токио носил временный характер. К моменту нападения на Перл-Харбор уже захлебнулось немецкое наступление на Москву и, хотя исход борьбы на советско-германском фронте оставался неясным, стало понятно, что война будет долгой, т. е. Гитлер не сможет оперативно осуществить высадку на Британские острова. Следовательно, британцы попытаются вернуться, несмотря на катастрофические поражения в Малайе и Бирме [8, с. 150—154]. Оккупация Филиппин и вовсе задевала интересы США, которым ни Третий рейх, ни Страна восходящего солнца не могли нанести решающего и невосполнимого поражения.

Как мы уже отмечали, Поднебесная второй четверти XX в. представляла собой скорее регион, чем полноценное государство. На ее территории существовал ряд сравнительно устойчивых режимов, с которыми другие державы вступали в контакты, если не официально, то фактически. Самым авторитетным был центр власти в Нанкине, подконтрольный Чан Кайши. Многие местные лидеры, метко именуемые в англоязычной литературе *warlords*, выражали ему внешнюю лояльность. Ситуация была весьма текучей. Одни и те же деятели могли в 1928 г. признать главенство Гоминьдана, а в 1929—1930 гг. вести с Чан Кайши Войну центральных равнин¹, потери в которой исчислялись десятками тысяч. Поэтому не стоит удивляться тому, что руководство в Нанкине решило сдать вторгшимся японцам Маньчжурию, сферу влияния одного из бывших союзников Чжана Сюэляна, не ввязываясь в полномасштабную войну. Впрочем, данная фигура еще напомним о себе, арестовав в декабре 1936 г. Чан Кайши и принудив генералиссимуса к союзу с коммунистами против японцев [11]. Мотивацию огорченного потерей «вотчины» Чжана вполне можно понять. На современном Ближнем Востоке различные группировки после «арабской весны» точно так же пребывают в состоянии постоянных ситуативных союзов, реагируя на сигналы извне.

Отдельно нужно выделить четыре государства на руинах бывшей империи Цин, которые находились под серьезным влиянием соседних держав. СССР определял политику Монголии и Тувы, Япония установила свои марионеточные режимы в Маньчжоу-го и Внутренней Монголии (Мэнцзян). Именно на границах этих не вполне суверенных политических образований вспыхивали конфликты с участием РККА и императорской армии Японии [3, с. 143—146]. Солдаты из МНР сражались против монголов-баргутов, лояльных маньчжурскому императору Пу И. Последний, успевший в детстве формально процарствовать три года, мог хотя бы номинально претендо-

¹ Есть основания полагать, что ряд локальных военных лидеров, особенно Фэн Юйсян, получили поддержку от СССР перед началом своего выступления в 1929 г. Интерес Москвы был вполне прозрачен: при восстановлении своего контроля над КВЖД было необходимо исключить возможность того, что Чан Кайши придет на помощь «молодому маршалу» Маньчжурии Чжан Сюэляну. Еще примечательнее, что «лил воду на советскую мельницу», отвлекая нанкинские войска, и милитарист Бай Чунси, за два года до этого активно истреблявший коммунистов по приказу Чан Кайши. Иными словами, принципы идеологии и личной преданности отходили на второй план, когда необходимо было решать вопросы реальной политики.

вать на все земли бывшей Цин. Все перечисленное делало ситуацию в регионе (от Алтая до Владивостока) весьма сложной с этнической, военной и политической точек зрения. Сейчас опору на частично признанные государства, границы которых еще не устоялись, назвали бы элементом гибридной или прокси-войны.

Наконец, существовала Коммунистическая партия Китая (КПК), ее политические и военные образования. Хотя ее руководство и было связано с Москвой [4], степень самостоятельности здесь была несоизмеримо выше, чем в Монголии. Будучи важным игроком дальневосточной политики, подчас опираясь на нелегальные, с точки зрения Нанкина, источники дохода [12], руководство КПК само решало свои насущные вопросы¹. Например, в 1932 г. Китайская Советская Республика, контролировавшая юго-восточную часть страны, объявила войну Японии. В 1934—1936 гг. Гоминьдану удалось выдавить «красных» на север, в район г. Яньань, по пути часть колонн КПК были разгромлены. Надо отметить, что, хотя в среде коммунистов единство было устойчивее [13], чем у «вассалов» Чан Кайши, без партийных распри не обходилось (яркий пример — конфликт Мао Цзэдуна и Чжан Готао). Несмотря на лучшие (в сравнении с Гоминьданом) идеологическую подготовку и методы мобилизации, значительная часть командного состава коммунистов не владела даже базовой грамотностью [14].

Западная часть Китая, сравнительно малонаселенная и имевшая сильный мусульманский компонент (уйгуры, хуэй², казахи и др.), фактически была предоставлена сама себе. Здесь огромную роль в военных конфликтах играла конница, а безопасность владельцев обеспечивали гвардейские отряды из белоэмигрантов. Несмотря на эхо Гражданской войны, советское руководство нередко сотрудничало с бывшими идеологическими противниками и маскировало под них отряды РККА, призванные не допустить в приграничье нарушения сложившегося порядка [4]³.

Вооружались местные армии весьма пестро, так как получали снаряжение из разных центров. В 1930-е гг. китайцы решили подготовиться к расширению японской экспансии, внешние державы усилили поставки вооружения в Поднебесную [6]. Зачастую отправке в Китай подлежали отнюдь не самые передовые образцы. Объясняется это рядом причин. Во-первых, японская армия до конца войны имела довольно ограниченные силы, а основной состав был вооружен винтовками Арисака, разработанными еще перед Первой мировой войной. Поэтому для сопротивления такому врагу китайцам отправляли устаревшие для войны в Европе типы стрелкового оружия, освобождая тем самым склады⁴. Во-вторых, новые вооружения были

¹ Примерно так же сейчас существуют непризнанные государства в Мьянме, например Ва.

² Нередко данную этническую общность применительно к Китаю первой половины XX в. называют дунганями. Однако авторы считают более обоснованным именовать живущих в Поднебесной ее представителей хуэй, а переселившихся в Среднюю Азию — дунганями.

³ В войнах второй половины XX — начала XXI в. практика использования ведущими державами подразделений инкогнито постоянно развивалась, что, кроме прочего, привело к формированию феномена частных военных компаний (ЧВК).

⁴ После завершения Второй мировой войны США начали массово передавать трофейное оружие своим сателлитам, в том числе Южной Корее и Гоминьдану. Советский Союз передавал захваченное в Маньчжурии вооружение китайским коммунистам, позже — трофеи Великой Отечественной войны

необходимы самим воюющим державам (Великобритании, США и СССР). В-третьих, коррупция и взаимное недоверие Гоминьдана и КПК [11] заставляло их откладывать часть оружия для будущей борьбы за власть после победы над Японией. Также китайцам было трудно поддерживать сложную технику в рабочем состоянии, особенно после захвата Страной восходящего солнца прибрежных китайских мегаполисов.

Именно в такой обстановке Япония целое десятилетие (1931—1941 гг.)¹ фактически один на один воевала с Китаем. Между завершением Маньчжурского вторжения в 1932 г. и началом полномасштабной войны в июле 1937 г. происходил ряд военных столкновений на севере, например кампания во Внутренней Монголии 1933—1936 гг. (отдельные столкновения были и в начале 1937 г.). Уже тогда проявилась малая эффективность подразделений, набранных из коллаборационистов. Так, в ходе Суйюаньской кампании октября—декабря 1936 г. войска НРА смогли наголову разгромить прояпонские силы монголов из Мэнцзяна и китайских коллаборационистов, сведенных в Великую ханьскую справедливую армию. После начала полномасштабной войны, несмотря на многочисленные успехи, коренного перелома японцам добиться не удавалось. Стратегическая инициатива была в их руках, но малое количество автотранспорта и танков делало императорскую армию принципиально неспособной к молниеносной войне [8, с. 139—142]. Недооценка противника приводила к тактическим поражениям, которые растягивали кампанию. Основным политическим силам Поднебесной удалось примириться². Японская армия не смогла продвинуться к новой столице Гоминьдана — Чунцину, оказавшись не в состоянии выиграть битву за перевал Куньлунь (декабрь 1939 г. — январь 1940 г.). Плохая разведка японцев в наступившем 1940 г. привела к срыву плана по пресечению пути поставок из СССР через Западный Китай (в том числе г. Ланьчжоу). Силы Восьмой армии под началом Компартии Китая оказались в несколько раз многочисленнее, чем казалось японцам [15]. В итоге нарушить логику НРА не получилось. Напротив, китайцы временно освободили обширный район с населением в 5 млн человек. Вскоре японцам удалось вернуть часть утраченных земель, на которых они все больше разворачивали политику террора, что ставило крест на любых попытках замирения с населением [16]. Японо-китайская война дает колоссальный материал для изучения партизанской войны в сельской местности, ведущейся в условиях внутренних противоречий (между Гоминьданом и КПК), временно сглаженных наличием общего врага [11].

из Германии, а также собственное устаревшее военное имущество (винтовки, ПП, бронетехника) передавались дружественным режимам (Африка, Индокитай). Поэтому вплоть до настоящего времени во Вьетнаме на вооружении береговой охраны стоят СУ-100. В Сирии до 2017 г. активно появлялись кадры использования немецкого автоматического оружия StG. В Йемене в ходе боев группировок периодически возникают силуэты танков Т-34-85.

¹ В качестве точки отсчета выступает вторжение в Маньчжурию, в качестве финальной — атака на Перл Харбор. В это же время происходили масштабные вооруженные столкновения с СССР, но они имели место к северу от основных боев за Китай. К тому же РККА всякий раз удовлетворялась изгнанием интервентов в Маньчжоу-го и не проводила операций преследования.

² Подобные примеры временного объединения мы видим и в различных современных нестабильных регионах при появлении общего врага (например, террористической ИГИЛ на Ближнем Востоке).

Как и в 1931 г., в 1940 г. японская армия на местах откровенно игнорировала приказы премьер-министра из Токио (на тот момент пост занимал Фумимаро Коноэ). Вопреки запрету генералы приказали оккупировать север Французского Индокитая, дабы контролировать путь в Китай и полностью пресечь любые поставки. Результат был обратным: США увеличили финансовую помощь Гоминьдану, а британцы возобновили поставки по Бирманской дороге. Летом 1941 г. Страной восходящего солнца была оккупирована и южная часть бывших владений Франции. Вскоре США дополнили введенные ранее антияпонские санкции запретом на поставки нефти (эмбарго на металл было установлено ранее).

Как мы понимаем, санкции (в том числе заморозка активов) являются весьма частым средством давления одних стран на другие. Ответом зачастую становится громкая риторика, попытки найти альтернативные источники необходимых ресурсов, развитие собственного производства, а в некоторых случаях — начало опосредованного военного давления на «авторов санкций». Скажем, Иран и КНДР в ответ на санкции США сотрудничают в военной сфере с Россией, например через поставки вооружений и комплектующих. Но Япония в итоге избрала иной путь. Если правительство Коноэ, пусть и не всегда последовательно, пыталось создать с Вашингтоном взаимно приемлемый план¹, то часть армейских кругов готовила военный ответ на американское эмбарго. В итоге именно они, несмотря на противодействие ряда членов правящей династии и гражданских чиновников, убедили императора Хирохито нанести удар по Перл-Харбору. В 1941 г. в Токио верили, что решительный удар по базе США заставит Вашингтон пойти на переговоры, разморозить активы и снять эмбарго. А Япония в это время завоюет Восточную Азию, создав под своей гегемонией «сферу взаимного процветания», получив необходимые ресурсы [1]. Однако, как говорилось выше, такой сценарий был абсолютно нереалистичен. Также важно отметить, что японцы продолжили проводить репрессивную политику, начатую в Китае [10] и в других регионах. Это отталкивало от них даже изначально готовых к сотрудничеству местных лидеров (яркий пример — Аун Сан в Бирме).

Япония и во второй половине войны все еще была способна проводить масштабные кампании в Поднебесной. Яркий пример — операция Ити-Го (апрель—декабрь 1944 г.) [2]. Одной из причин столь долгого срока проведения стала уже упомянутая выше нехватка автомобилей и бронетехники в японских подразделениях. Целью операции стало создание сквозного коридора снабжения с севера на юг (до границ бывшего Французского Индокитая, т. е. севера нынешнего Вьетнама), ибо коммуникации по морю уже были затруднены действиями ВМС США. Этого, казалось бы, удалось добиться, также получилось ликвидировать американские воздушные базы,

¹ Один из вариантов предполагал, что Чан Кайши признает Маньчжоу-го, откажется от перемирия с компартией, а Япония выведет войска с Центральной равнины Китая. Важным требованием дипломатов Рузвельта был выход Японии из альянса с Германией. Похожие планы и сейчас очень активно создаются по любому из действующих конфликтов (Сирия, Украина, Мьянма и т. д.). Как и в начале 1940-х гг., принципиальная проблема таких инициатив — неспособность части воюющих сил на местах выполнять принятые обязательства.

рассеять сотни тысяч солдат НРА в регионе. Китай оказался рассечен пополам¹. Однако к тому времени Япония воевала не только с Чан Кайши. Вскоре успехи американцев на Филиппинах, а британцев — в Бирме превратили Ити-Го в стратегически малоэффективную трату ресурсов.

Несмотря на невысокий уровень технического обеспечения, именно сложное столкновение интересов китайских группировок с Японией не позволило последней развернуть наступление на восточные рубежи СССР в период Великой Отечественной войны. В то же время силы США и Соединенного Королевства вынуждены были вести операции на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии в ущерб действиям против Гитлера в Европе и Африке. Наконец, из азиатских событий 1931—1945 гг. вырастает целый ряд конфликтов холодной войны и современности (Вьетнамская и Корейская войны, внутренние противостояния в Бирме и Камбодже, а также появление ряда других горячих точек).

Таким образом, модель взаимодействия с отдельными центрами власти в условиях войны (и их признание, если не де-юре, то де-факто) является чрезвычайно актуальной в рамках современных продолжающихся конфликтов, например в Сирии, Ливии или Мьянме. Кардинальная смена сторон в данном случае вполне укладывается в исторический опыт, как мы продемонстрировали на примере событий в Китае 1930-х гг. В один и тот же момент война может вестись на принципиально разном техническом уровне. В современном Йемене используется техника и вооружение Второй мировой войны. Также и японо-китайская война в 1940-е гг. велась зачастую средствами, разработанными еще в Первую мировую войну. Использование своих прокси на местах, наделение их вооружением (в том числе устаревающим по меркам крупной державы), неофициальная высылка им на помощь собственных военных (под тем или иным прикрытием) — это совершенно не новая практика. Подобное с большим размахом применялось не только в эпоху холодной войны, но и в ходе событий второй четверти XX в. в Китае.

Список источников

1. Жиликов О. И., Арешин Д. Н., Игнатович В. В. Об изменении оценок исторического значения сражений Японо-китайской войны 1937—1945 годов в КНР // Наука и военная безопасность. 2022. № 2 (29). С. 88—92.
2. Зимонин В. П., Ионов В. В. Европейский и азиатский театры Второй мировой войны: контрасты 1944 года // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 4 (109). С. 142—149.
3. Барятинский М. Б. Легкие танки Второй мировой. М. : Коллекция : Яуза : ЭКСМО, 2007. 176 с.
4. Мамаева Н. Л. Китайская политика Советского Союза в годы широкомасштабной японо-китайской войны // Исторические события в жизни Китая : материалы V Все-

¹ Само по себе разделение контролируемой Чан Кайши территории на две части еще не было катастрофой. Восточный регион был меньше по площади, но довольно густонаселен. Западный — обширен, но с меньшим числом жителей. Если бы у Японии были силы для методичного продвижения в сторону побережья с оккупацией территорий и зачисткой сопротивления, то операция Ити-Го могла бы стать ключом к победе в Восточной Азии. Но в 1944 г. такой сценарий был нереалистичен.

- рос. науч. конф. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. М. : ИДВ РАН, 2019. С. 63—106.
5. Галенович Ю. М. Нация Китая в борьбе против японской агрессии 1930—1940 гг. // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 71—81.
 6. Ци Сяолин. Чжуанбэй, цзишу, чжаньшу цзи цзочжань сяонэн: бай туань дачжань чжун дэ балуцзюнь [齐小林. 装备、技术、战术及作战效能:百团大战中的八路军 // 抗日战争研究. 2016. № 2] = Оснащения, технологии, военное искусство и боевая эффективность // Исследование антияпонской войны (Канжи чжаньчжэн яньцзю). 2016. № 2. С. 50—70.
 7. Гринюк В. А. За что воевала Япония? // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 34—48.
 8. Федосеев С. Л. Японские танки Второй Мировой. М. : ВЭРО Пресс : Яуза : ЭКСМО, 2010. 192 с.
 9. Дин Цзэцин. Бай туань дачжань цян хуабэй жицзюнь дуй чжун гун ли лян дэ жэньши хэ дуйцэ [丁则勤. 百团大战前华北日军对中共力量的认识和对策 // 抗日战争研究. 1997. № 3] = Восприятие японскими войсками в Северном Китае потенциала КПК перед Битвой ста полков // Исследование антияпонской войны (Канжи чжаньчжэн яньцзю). 1997. № 3. С. 67—83.
 10. Казаков В. А. Японо-китайская война как фактор, способствующий появлению и проявлению японского нацизма // Научный старт — 2023 : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Пермского речного училища, 300-летию г. Перми в рамках Десятилетия науки и технологий. Пермь : ПНИПУ, 2023. С. 17—21.
 11. Мо Юэюнь Го Те. Шилунь гогун лян дан дихоу канжи юцзичжань дэ гуаньси [莫岳云、郭铁. 试论国共两党敌后抗日游击战的关系 // 抗日战争研究. 1997. № 1] = О взаимоотношениях Гоминьдана и Коммунистической партии в антияпонской партизанской войне в тылу врага // Исследование антияпонской войны (Канжи чжаньчжэн яньцзю). 1997. № 1. С. 173—187.
 12. Чэнь Юнфа. Яньань дэ гэмин япянь: Мао Цзэдун дэ мими уци [陳永發. 延安的革命鴉片 : 毛澤東的秘密武器 // 二十一世紀雙月刊. 2018. Вып. 168] = Яньаньский революционный опиум: секретное оружие Мао Цзэдуна // Журнал «XXI век» (Эрши и шицзи шуан юэ кань). 2018. Вып. 168. С. 43—70.
 13. Ван Лунфэй. Гайцзао дунюань: Тайхань гэньцзюди дэ цзю цзо [王龍飛. 改造動員 : 太行根據地的糾左 // 近代史研究所集刊. 2018. № 99] = Изменение в мобилизации: левые тенденции на базе сопротивления в горах Тайхан // Журнал Института современной истории (Цзиньдай ши яньцзю со цзикань). 2018. № 99. С. 47—78.
 14. Жилыков О. И., Арешин Д. Н., Игнатович В. В. Китайский Чапаев: судьба маршала Хэ Луна // Наука и военная безопасность. 2023. № 4. С. 157—162.
 15. Цзоу Чэн. Цзай кань бай туань дачжань [邹钺. 再看百团大战 // 抗日战争研究. 2016. № 4] = Еще один взгляд на «Битву ста полков» // Исследование антияпонской войны (Канжи чжаньчжэн яньцзю). 2016. № 4. С. 128—143.
 16. Танака Хитоси. Жичжун чжаньчжэн цянцзи дэ хуабэй нунцунь юй чжунго гунчаньдан хэбэй шэн лайюань сянь дэ ба бай жи [田中仁. 日中战争前期的华北农村与中国共产党河北省涞源县的“800日” // Discussion Papers in Contemporary China Studies. 2015. № 3] = Сельские районы Северного Китая в начале японо-китайской войны и «800 дней» Коммунистической партии Китая в уезде Лайюань провинции Хэбэй // Discussion Papers in Contemporary China Studies. 2015. С. 1—21.

References

1. Zhilyakov O.I., Areshin D.N., Ignatovich V.V. Ob iz-menenii ocenok istoricheskogo znacheniya srazhenij Yaponno-kitajskoj vojny' 1937-1945 godov v KNR [On the Change in Assessments of the Historical Significance of the Battles of the Sino-Japanese War of 1937-1945 in the PRC], *Nauka i voennaya bezopasnost` [Science and Military Security]*, 2022, no. 2 (29), pp. 88-92.

2. Zimonin V.P., Izonov V.V. Evropejskij i aziatskij teatry` Vtoroj mirovoj vojny`: kontrasty` 1944 goda [European and Asian theatres of World War II: Contrasts of 1944], *Izvestiya Rossijskoj akademii raketny`x i artillerijskix nauk [Bulletin of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences]*, 2019, no. 4 (109), pp. 142-149.
3. Baryatinskij M.B. Legkie tanki Vtoroj mirovoj [Light tanks of World War II]. Moscow, Kollekcija, Yauza, E`KSMO, 2007, 176 p.
4. Mamaeva N.L. Kitajskaya politika Sovetskogo Soyuza v gody` shirokomasshtabnoj yapon-kitajskoj vojny` [The Chinese policy of the Soviet Union during the large-scale Sino-Japanese war], *Istoricheskie soby`tiya v zhizni Kitaya [Historical events in the life of China]*, materialy` V Vseros. nauch. konf. Centra novejshej istorii Kitaya i ego otnoshenij s Rossiej Instituta Dal`nego Vostoka RAN. Moscow, IDV RAN, 2019, pp. 63-106.
5. Galenovich Yu.M. Naciya Kitaya v bor`be protiv yapon-skoj agressii 1930-1940 gg. [The Chinese Nation in the Struggle against Japanese Aggression 1930-1940], *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, 2018, no. 1, pp. 71-81.
6. Ci Syaolin`. Chzhuanbe`j, czzishu, chzhan`shu czzi czzochzhan` syaone`n: baj tuan` dachzhan` chzhun de` baluczyun` = Osnashheniya, texnologii, voennoe iskusstvo i boevaya e`ffektivnost` [Equipment, Technology, Military Art and Combat Efficiency], *Issledovanie antiyaponskoj vojny` (Kanzhi chzhan`chzhe`n yan`czzyu)[Research on the Anti-Japanese War (Kanzhi Zhanzheng Yanjiu)]*, 2016, no. 2, pp. 50-70.
7. Grinyuk V.A. Za chto voevala Yaponiya? [What did Japan Fight for?], *Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]*, 2015, no. 3 (89), pp. 34-48.
8. Fedoseev S.L. Yaponskie tanki Vtoroj Mirovoj [Japanese tanks of WWII]. Moscow, VE`RO Press, Yauza, E`KSMO, 2010, 192 p.
9. Din Czze`cin`. Baj tuan` dachzhan` czyan` xuabe`j zhiczzyun` duj chzhun gun li lyan de` zhe`n`shi xe` dujze = Vospriyatie yaponskimi vojskami v Severnom Kitae potenciala KPK pered Bitvoj sta polkov [Japanese Troops in Northern China's Perception of the CCP's Potential Before the Battle of the Hundred Regiments], *Issledovanie antiyaponskoj vojny` (Kanzhi chzhan`chzhe`n yan`czzyu) [Research on the Anti-Japanese War (Kanzhi Zhanzheng Yanjiu)]*, 1997, no. 3, pp. 67-83.
10. Kazakov V.A. Yapon-kitajskaya vojna kak faktor, spo-sobstvuyushhij poyavleniyu i proyavleniyu yaponskogo nacizma [The Sino-Japanese War as a Factor Contributing to the Emergence and Manifestation of Japanese Nazism], *Nauchny`j start - 2023 [Scientific Start - 2023]*, materialy` V seros. nauch.-prakt. konf., posvyashhennoj 110-letiyu Permskogo rechnogo uchili-shha, 300-letiyu g. Permi v ramkax Desyatiletija nauki i texnologij. Perm`, PNIPU, 2023, pp. 17-21.
11. Mo Yue`yun` Go Te. Shilun` gogun lyan dan dixou kanzhi yueczechzhan` de` guan`si = O vzaimootnosheniyax Gomin`dana i Kommunisticheskoy partii v antiyaponskoj partizanskoj vojne v ty`lu vruga [On the Relationship between the Kuomintang and the Communist Party in the Anti-Japanese Guerrilla War Behind Enemy Lines], *Issledovanie antiyaponskoj vojny` (Kanzhi chzhan`chzhe`n yan`czzyu) [Research on the Anti-Japanese War (Kanzhi Zhanzheng Yanjiu)]*, 1997, no.1, pp. 173-187.
12. Che`n` Yunfa. Yan`an` de` ge`min yapyan`: Mao Czze`dun de` mimi uci = Yan`an`skij revolyucionny`j opium: sekretnoe oruzhie Mao Czze`duna [Yan'an Revolutionary Opium: Mao Zedong's Secret Weapon], *Zhurnal "XXI vek" (E`rshi i shiczi shuan yue` kan`) [Magazine "XXI Century" (Ershi and Shiji Shuang Yue Kan)]*, 2018, issue 168, pp. 43-70.
13. Van Lunfe`j. Gajczzaodunyan`: Tajxan` ge`n`czziyudi de` czzyu czzo = Izmenenie v mobilizacii: levy`e tendencii na baze soprotivleniya v gorax Tajxan [Change in Mobilization: Leftist Tendencies Based on Resistance in the Taihang Mountains], *Zhurnal Instituta sovremennoj istorii (Czzin`daj shi yan`czzyu so czzikan`) [Journal of the Institute of Contemporary History (Jindai shi yanjiu suo jikan)]*, 2018, no. 99, pp. 47-78.
14. Zhilyakov O.I., Areshin D.N., Ignatovich V.V. Kitajskij Chapaev: sud`ba marshala Xe` Luna [Chinese Chapaev: the Fate of Marshal He Long], *Nauka i voennaya bezopasnost` [Science and Military Security]*, 2023, no. 4, pp. 157-162.
15. Czzou Che`n. Czzaj kan` baj tuan` dachzhan` = Eshhe odin vzglyad na "Bitvu sta polkov" [Another Look at the "Battle of the Hundred Regiments"], *Issledovanie antiya-*

ponskoj vojny` (*Kanzhi chzhan`chzhe`n yan`czzyu*) [*Research on the Anti-Japanese War (Kanzhi Zhanzheng Yanjiu)*], 2016, no. 4, pp. 128-143.

16. Tanaka Xitosi. Zhichzhun chzhan`chzhe`n cзыan`ci de` xuabe`j nunczun` yuj chzhungo gunchan`dan xe`be`j she`n lajyuan` syan` de` ba baj zhi = Sel`skie rajony` Severnogo Kitaya v nachale yapono-kitajskoj vojny` i "800 dnei" Kommu-nisticheskoi partii Kitaya v uezde Lajyuan` provincii Xe`be`j [Rural Areas of Northern China at the beginning of the Sino-Japanese War and the "800 days" of the Chinese Communist Party in Laiyuan County, Hebei Province], *Discussion Papers in Contemporary China Studies*, 2015, pp. 1-21.

Информация об авторах

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Ярченко Юлия Витальевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация. E-mail: july-248@yandex.ru

Information about the authors

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Yuliia V. Yarchenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Tourism Department, Pryazovskyi State Technical University, Mariupol, Russian Federation. E-mail: july-248@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

**БОРЬБА С ФАШИЗМОМ В СССР И ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ**
**THE FIGHT AGAINST FASCISM IN THE USSR
AND THE RESISTANCE MOVEMENT IN EUROPEAN COUNTRIES**

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 24—31.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):24—31.

Борьба с фашизмом в СССР и движение Сопротивления
в европейских странах

Научная статья
УДК 356.15: 94(47)"1941/1944"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-24-31
EDN SMVSRK

**Участие К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко
в деятельности севастопольского подполья
в годы Великой Отечественной войны**

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация, slavik1855@gmail.com

Аннотация. В статье на основе архивных материалов доказано участие К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко в деятельности Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН) в оккупированном Севастополе в годы Великой Отечественной войны. Автор повествует о том, как К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко, одни из многих неизвестных героев войны, присоединились к севастопольскому подполью, выполняли задания организации. Также говорится об их судьбе после раскрытия и разгрома КПОВТН в марте—апреле 1944 г. Автор констатирует, что деятельность подпольщиков заключалась в агитационно-пропагандистской работе (распространение листовок), в установлении контактов с партизанами Крыма и командованием Красной армии, а также в добыче оружия для подготовки вооруженного восстания. Отмечен вклад подпольщиков в общее дело антифашистской борьбы и создание условий для освобождения полуострова от немецко-румынской оккупации весной 1944 г. Статья написана на основании впервые вводимых в научный оборот источников из фондов Государственного архива Республики Крым. Также в статье использованы материалы советской периодической печати и отечественные публикации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Крым, Севастополь, К. Н. Попандопуло, Л. Д. Стеценко, Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев (КПОВТН), антифашистское сопротивление, советское подполье, партизаны

Для цитирования: Иванов В. А. Участие К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко в деятельности севастопольского подполья в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 24—31. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-24-31. EDN SMVSRK.

The fight against fascism in the USSR and the Resistance movement in European countries

Original article

K.N. Popandopulo and L.D. Stetsenko in the Activities of the Sevastopol Underground During the Great Patriotic War

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation, slavik1855@gmail.com

Abstract. The article, based on archival materials, proves the participation of K.N. Popandopulo and L.D. Stetsenko in the activities of the Communist Underground Organization in the Rear of the Germans (KPOVTN) in occupied Sevastopol during the Great Patriotic War. The author tells how K.N. Popandopulo and L.D. Stetsenko, ones of many unknown heroes of the war, joined the Sevastopol underground and carried out the organization's tasks. It also talks about their fate after the discovery and defeat of KPOVTN in March-April 1944. The author states that the underground workers' activities involved agitation and propaganda work (distribution of leaflets), establishing contacts with Crimean partisans and the command of the Red Army, as well as obtaining weapons to prepare an armed uprising. The article underlines the underground workers' contribution to the common cause of the anti-fascist struggle and developing conditions for the liberation of the peninsula from the German-Romanian occupation in the spring of 1944. The article is based on the sources from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea, which are being introduced into academic circulation for the first time. The article also uses materials from the Soviet periodical press and domestic publications.

Keywords: Great Patriotic War, USSR, Crimea, Sevastopol, K.N. Popandopulo, L.D. Stetsenko, Communist Underground Organization in the Rear of the Germans (KPOVTN), anti-fascist resistance, Soviet underground, partisans

For citation: Ivanov V.A. K.N. Popandopulo and L.D. Stetsenko in the Activities of the Sevastopol Underground During the Great Patriotic War. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):24—31. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-24-31>. <https://elibrary.ru/smvsrk>.

В 1941—1944 гг. территория Крыма была оккупирована нацистской Германией и Румынией. Деятельность севастопольского подполья в 1942—1944 гг. рассматривалась в научной и научно-популярной литературе как советского, так и российского периода, однако даже спустя 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны проблема разработана недостаточно. Специальных научных исследова-

ний, посвященных антифашистской борьбе Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН), в частности повседневности подпольщиков, участию конкретных лиц в подполье и их вкладу в освобождение Крыма, крайне недостаточно. Участников антифашистского сопротивления в Крыму было немало. Каждый из безвестных ныне героев вносил свой вклад в дело освобождения родной страны. Сколько их было? Каков их вклад в победу? На эти вопросы еще предстоит ответить историкам. Но ни один герой Великой Отечественной войны не должен быть забыт. Осветить судьбы героев-подпольщиков — цель данного исследования. В основу статьи легли ранее не изученные исследователями материалы из архивов Республики Крым о двух участниках севастопольского подполья. Авторы на материалах Государственного архива Республики Крым, периодической печати и отечественных публикаций характеризуют организацию и деятельность севастопольского подполья в годы Великой Отечественной войны. Примером героической борьбы за освобождение Севастополя послужила жизнь и судьба героев-подпольщиков К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко.

В оккупированном нацистами Севастополе и его окрестностях в конце 1942 г. стали возникать подпольные патриотические группы [1, с. 45—46]. Исследователь севастопольского подполья Н. Ф. Задорожная особо выделяет среди многих из них подпольные группы П. А. Белова, М. С. Фетисова, сотрудников больниц и поликлиник города, врачей и медсестер санэпидемстанции, жителей Балаклавы, окрестных сел Севастополя (здесь Н. Ф. Задорожная не уточняет имена руководителей подпольных организаций. — *В. И.*), Е. Поцелуевой и Ф. Г. Деева [2, с. 23—27 ; 3, с. 23—27].

Спустя время в Севастополе начали свою деятельность три подпольные группы, возглавляемые инженером П. Д. Сильниковым, бывшим старшиной 18-го гвардейского артиллерийского полка В. Д. Ревякиным и бывшим работником Севастопольского горкома ВКП(б) Н. И. Терещенко. Первые две группы объединились в Коммунистическую подпольную организацию в тылу немцев 19 марта 1943 г. Ее руководителем стал В. Д. Ревякин¹. Позже в нее влилась и подпольная группа Н. И. Терещенко. Организация объединяла около 200 человек, которым помогали жители города [2, с. 35—36 ; 3, с. 49—50 ; 4, с. 145 ; 5, с. 187 ; 6, с. 93, 95 ; 7, с. 119 ; 8, с. 97—101].

Герои нашей публикации также присоединились к антинацистской борьбе в рядах КПОВТН. Константин Николаевич Попандопуло родился в деревне Коджанбак Евпаторийского района. Его отец и мать работали в колхозе [9, л. 2]. Позже семья переехала в деревню Эки-таш Симферопольского района. Отец Константина Николаевича скончался в 1937 г. Начало Великой Отечественной войны К. Н. Попандопуло встретил в Севастополе, приехав в гости к родной тете и оставшись здесь. Его мать эвакуировалась в Краснодар [9, л. 2].

Основная деятельность К. Н. Попандопуло в работе КПОВТН состояла в распространении листовок, сборе оружия и боеприпасов. Он укрывал вещи, принадлежавшие подпольщикам, помогал оборудовать

¹ Василий Дмитриевич Ревякин (1918—1944) — руководитель севастопольской подпольной организации в 1942—1944 гг. В 1965 г. присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

довать подвал для типографии. «И все выполнял безотказно приказы товарища Ревякина», — пишет он о себе [9, л. 2]. Член организации в краткой характеристике на К. Н. Попандопуло 5 ноября 1945 г. напишет следующее: «Молодой, но полный жгучей ненависти к врагу, он вступил в подпольную коммунистическую организацию. Он все время работал связным при штабе подпольной организации, выполнял повседневно задания и поручения т. Ревякина» [9, л. 1].

Руководитель КПОВТН В. Д. Ревякин поручал молодому подпольщику ответственные задания. В июне 1943 г. для установления связи с крымскими партизанами была организована группа, в которую в качестве разведчиков были включены К. Н. Попандопуло (подпольное прозвище «Катофей») и Анатолия Михайловича Лопачука (подпольное прозвище «Америка») [9, л. 1]. Установить связь с действующими партизанскими отрядами для севастопольских подпольщиков было крайне важно. Эта связь обеспечила бы поддержку подпольного движения, успешную борьбу с оккупантами. Группа под началом В. Д. Ревякина пробыла в лесу две недели, пытаясь найти партизан или дорогу к ним, не обнаружив партизан, вернулась в Севастополь [1, л. 1].

По возвращении в Севастополь В. Д. Ревякин незамедлительно начал подготовку помещения для развертывания подпольной типографии. Под его одноэтажным домом № 46 по Лабораторному шоссе подпольщики, в том числе и К. Н. Попандопуло, начали копать подвал. Когда заработала подпольная типография [2, с. 40—43; 3, с. 39—40, 45; 6, с. 94; 7, с. 119; 10, с. 261, 265], стали печатать и распространять по городу газету «За Родину». Рискуя жизнью, самое активное участие в этой деятельности принял К. Н. Попандопуло. Он участвовал в работе КПОВТН вплоть до последних дней оккупации Крыма. В. Осокин в характеристике К. Н. Попандопуло писал: «Товарищ Попандопуло К. Н. у руководителя организации и товарищей по работе, пользовался заслуженным авторитетом и уважением» [9, л. 1].

Судьба другого участника севастопольского подполья Л. Д. Стеценко сложилась трагически. Леонид Денисович Стеценко родился в 1915 г. в Севастополе в семье рабочего. С 1931 по 1936 г. работал в мастерских механиком по ремонту пишущих машин, а с 1936 по 1941 г. трудился в артели «Прогресс» [11, л. 1]. После оккупации Севастополя в 1942 г. Л. Д. Стеценко работал кустарем-одиночкой ювелирных изделий и одновременно ремонтировал пишущие машины [11, л. 1].

Через своего родственника Николая Андреевича Михеева он знакомится с К. М. Анзиным, И. Д. Пивановым и М. И. Пахомовым, бывшими советскими военнопленными, бежавшими из лагеря и укрывшихся у Михеева. Л. Д. Стеценко выполняет различные поручения И. Д. Пиванова (какие именно Стеценко в воспоминаниях не уточняет. — *В. И.*), одновременно вступает в ряды КПОВТН [11, л. 1]. Одним из первых его заданий было сфабриковать документы, крайне необходимые членам подпольной организации. Для выполнения этого задания Л. Д. Стеценко взял в ремонт пишущую машинку с немецким шрифтом и задерживал ее у себя. Вместе со своим братом Зверевым, также членом КПОВТН, хорошо владеющим

немецким языком, он стал печатать справки, удостоверения личности и иные документы [11, л. 1]. В этой работе, а также составлении документов для В. Д. Ревякина им помогал К. М. Анзин [11, л. 1].

Другое задание Л. Д. Стеценко заключалось в изготовлении машинки с русским шрифтом для печатания листовок, воззваний, антифашистских лозунгов, распространяемых среди жителей Севастополя. Выполнив это задание, Л. Д. Стеценко передал ее членам подпольной организации Пиванову и Анзину. Напечатанные на этой машинке листовки и воззвания Леонид распространял по вверенному ему району. Листовки ему передавали Анзин и Пиванов [11, л. 1].

Отпечатанные на пишущей машинке листовки, расклеенные по городу, привлекли внимание фашистских спецслужб. Леонид был взят под наблюдение как единственный механик во всем городе, занимающийся ремонтом пишущих машин. Через несколько дней Л. Д. Стеценко был арестован. На его квартире и в мастерской фашисты произвели тщательный обыск, но найти компрометирующих материалов не смогли [11, л. 2]. Полицией был произведен осмотр всех пишущих машин, имеющихся в учреждениях города Севастополя. С машин с русским шрифтом были взяты образцы шрифта для того, чтобы сличить со шрифтом листовок. Однако и это к желаемым результатам не привело. Собранные полицейскими образцы были иными, нежели шрифты в листовках [11, л. 2]. Как вспоминает сам Л. Д. Стеценко: «Фашисты принялись терзать и мучить меня, подвергая ежедневно нечеловеческим издевательствам, они жестоко били меня, ломали мне руки, но я, преодолевая боль, все время твердо стоял на своем, отрицая все, что они мне говорили. Я решил, лучше умереть одному, нежели стать предателем своих боевых друзей и товарищей» [11, л. 2].

Пытки и издевательства не смогли сломить волю Л. Д. Стеценко, фашисты попытались его подкупить. За то, чтобы он добровольно сознался и назвал всех тех, кто печатал листовки, ему предлагали Железный крест и большое денежное вознаграждение. Л. Д. Стеценко вспоминал, что он понимал всю эту игру, затеянную фашистами, которые прибегли ко лжи и обману, надеясь склонить на откровенное признание [1, л. 2]. «В течение семи суток они терзали и мучили меня, но я был готов решимости выстоять, переносить все эти муки и страдания. Бандиты, не добившись от меня желательных для них результатов, освободили меня, поставив под строгое наблюдение» [11, л. 3].

Выйдя на свободу, Л. Д. Стеценко сразу же поставил в известность своих товарищей Зверева и Н. А. Михеева об установленном за его квартирой и мастерской надзоре и опасности для членов подпольной организации посещать его. Опасения вскоре подтвердились: в его мастерскую и домой по несколько раз в день стали приходить незнакомые ему люди. Это были тайные агенты немецкой полиции [11, л. 3].

Спустя время Л. Д. Стеценко снова включился в работу севастопольского подполья. Так, он принял участие в сходке подпольщиков, происходившей на квартире у Н. А. Михеева. Собрание происходило под руководством В. Д. Ревякина, кроме Л. Д. Стеценко, в нем принимали участие И. Д. Пиванов, Г. П. Гузов, К. М. Анзин,

А. П. Калганов, Н. А. Михеев, Н. Н. Михеев, А. М. Лопачук (Лопочук), К. Н. Попандопуло, К. П. Белоконь [11, л. 3]. На тайном совещании было решено достать типографский шрифт, так как пишущая машина не справлялась с объемом печати, необходимой для пропаганды среди населения оккупированного Севастополя. Одновременно было принято решение заняться сбором оружия для подпольной организации, а также достать радиоприемник для организации радиовещания. Совещание проходило с соблюдением конспирации, организаторы выставили посты. На совещании Л. Д. Стеценко было поручено достать пишущую машинку с немецким шрифтом и пистолет для подпольщиков, которые уходили в лес для налаживания связи с партизанами [1, л. 3]. Кроме того, В. Д. Ревякин приказал Л. Д. Стеценко достать детонаторы для гранат.

Все поручения Стеценко выполнил, доставив все добытое на квартиру Н. А. Михеева [11, л. 4]. Также Леонид Стеценко доставлял продукты для членов КПОВТН. У каждого подпольщика имелось секретное подземное помещение, в котором хранилось оружие, продукты и другие необходимые вещи [11, л. 4].

14 марта 1944 г. В. Д. Ревякин был арестован вместе с другими членами подпольной организации Н. И. Терещенко, И. Д. Пивановым, Г. П. Гузовым и другими, а 14 апреля 1944 г. после зверских пыток они были расстреляны в Юхаревой балке на 8-м километре Балаклавского шоссе [11, л. 4; 2, с. 67—70; 3, с. 71—74; 4, с. 145; 5, с. 187; 6, с. 97—98; 7, с. 121—122; 8, с. 101]. После ареста подпольщиков до прихода частей Красной армии Л. Д. Стеценко скрывался в подземном укрытии у подпольщика Н. А. Михеева [11, л. 4].

В период с 7 по 12 мая 1944 г., после прихода в Севастополь частей Красной армии, оставшиеся в живых члены КПОВТН присоединились к передовым отрядам советских войск, принимая участие в боях, указывая наиболее безопасные места продвижения. На Историческом бульваре завязался бой с немецкими автоматчиками, в котором, по утверждению Л. Д. Стеценко, погибло 12 немцев. В этом бою Стеценко был ранен осколком гранаты, также тяжело был ранен Николай Николаевич Михеев (брат Л. Д. Стеценко. — *В. И.*) [11, л. 4].

В период нацистской оккупации на территории Крыма постепенно формировалось антифашистское подполье. Значительную роль в его деятельности сыграла Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев (Севастополь), ставшая реальной угрозой для немецко-румынских оккупантов осенью 1943 — весной 1944 г. Подпольщики вели агитационно-пропагандистскую работу, добывали оружие для вооруженного восстания, устанавливали связь с партизанами Крыма и командованием Красной армии. Оставшиеся в живых подпольщики присоединились к Красной армии во время операции по освобождению города. К. Н. Попандопуло и Л. Д. Стеценко — участники этой организации — можно по праву считать национальными героями, которые внесли свой неоценимый вклад в победу над врагом.

Список источников

1. Книга Памяти города-героя Севастополя : в 4 т. / отв. ред. В. А. Заичко и др. Симферополь : Таврида, 1994. Т. 1. 750 с.
2. Задорожная Н. Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942—1944 гг. : путеводитель. Севастополь : Изд-во Борисова, 2007. 96 с.
3. Задорожная Н. Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942—1944 гг. : путеводитель. 2-е изд., доп. и испр. Симферополь, 2012. 120 с.
4. История городов и сел Украинской ССР : в 26 т. / гл. редкол.: П. Т. Тронько (пред.) и др. Т. 26. Крымская область. Киев : Ин-т истории АН УССР : Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974—1983, 1974. 623 с.
5. Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. / головна редакційна колегія: П. Т. Тронько (голова голов. редколегії) [та інші]. Т. 26. Кримська область. Київ : Головна редакція Української радянської енциклопедії АН УРСР, 1974. 801 с.
6. Сапранкова К. Г., Удод В. П. Их подвиги бессмертны. Из истории деятельности коммунистического подполья в Севастополе в 1942—1944 гг. // Вопросы истории КПСС. 1974. № 2. С. 91—98.
7. Игумнова Е., Удод В. Севастопольское подполье // За родной Севастополь / авт.-сост. П. Е. Гармаш. М. : Молодая гвардия, 1975. 144 с.
8. Гармаш П. Е. Подвиг подпольщиков // Севастополь — город-герой. М. : Воениздат, 1983. 128 с.
9. Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. П-849. Оп. 3. Д. 137.
10. История города-героя Севастополя. 1917—1957 / отв. ред. С. Ф. Найда. Киев : Изд-во АН УССР, 1958. 339 с.
11. ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 169.

References

1. Zaichko V.A. (ed.) (et al.) *Kniga Pamyati goroda-geroya Sevastopolya* [Book of Memory of the Hero City of Sevastopol] in 4 vol. Simferopol', Tavrida, 1994, vol. 1, 750 p.
2. Zadorozhnaya N.F. *Dom-muzej sebastopol'skix pod-pol'shnikov 1942-1944 gg., putevoditel'* [House-Museum of Sevastopol Underground Fighters 1942-1944: Guide]. Sevastopol', Publ. Izd-vo Borisova, 2007, 96 p.
3. Zadorozhnaya N.F. *Dom-muzej sebastopol'skix pod-pol'shnikov 1942-1944 gg., putevoditel'* [House-Museum of Sevastopol Underground Fighters 1942-1944: Guide], 2 ed., dop. i ispr. Simferopol', 2012, 120 p.
4. Tron'ko P.T. (ed.) (et al.) *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoj SSR* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR] in 26 vol., vol. 26. Kry'mskaya oblast' [The Crimean region]. Kiev, In-t istorii AN USSR, Ukr. sov. e'nciklopediya AN USSR, 1974-1983, 1974, 623 p.
5. Tron'ko P.T. (ed.) (et al.) *Istoriya mist i sil Ukraïns'koï RSR* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR] in 26 vol., vol. 26. Krims'ka oblast' [The Crimean region]. Kiïv, Golovna redakciya Ukraïns'koï radyans'koï enciklopedii AN URSR, 1974, 801 p.
6. Saprankova K.G., Udod V.P. *Ix podvigi bessmertny'. Iz istorii deyatel'nosti kommunisticheskogo podpol'ya v Sevastopole v 1942-1944 gg.* [Their Feat is Immortal. From the History of the Activities of the Communist Underground in Sevastopol in 1942-1944], *Voprosy` istorii KPSS* [Questions of the history of the CPSU], 1974, no. 2, pp. 91-98.
7. Igumnova E., Udod V. *Sevastopol'skoe podpol'e* [Sevastopol Underground], *Za rodnoj Sevastopol'* [For Native Sevastopol]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1975, 144 p.
8. Garmash P.E. *Podvig podpol'shnikov* [The Feat of the Underground Fighters], *Sevastopol' - gorod-geroj* [Hero City of Sevastopol]. Moscow, Voenizdat, 1983, 128 p.
9. *Gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Kry`m (GA RK)* [State Archive of the Republic of Crimea (GA RK)], coll. P-849, aids. 3, fol. 137.
10. Najda S.F. *Istoriya goroda-geroya Sevastopolya. 1917-1957* [History of the Hero City of Sevastopol. 1917-1957]. Kiev, Publ. AN USSR, 1958, 339 p.
11. *GA RK*, coll. P-849, aids. 3, fol. 169.

Информация об авторе

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Information about the author

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Борьба с фашизмом в СССР и движение Сопротивления
в европейских странах

Научная статья
УДК 355.425(4)-054.7(=161.1):94"1939/45"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-32-42
EDN TMJVGТ

**Возвращение на Родину: жизнь в СССР участников
движения Сопротивления И. Н. Голенищева-Кутузова
и Ю. Б. Бек-Софиева**

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Аннотация. В последние десятилетия идеология, практики и судьба российских белоэмигрантов — участников движения Сопротивления в годы Второй мировой войны привлекает внимание исследователей. Данное исследование посвящено русским эмигрантам-возвращенцам — героям европейского движения Сопротивления. В основе статьи — документы из фонда Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, в частности из личных архивов, содержащие уникальную информацию как о французском эмигрантском периоде жизни фондообразователей, так и об их устройстве в советской жизни после возвращения в СССР. Так, приводится часть переписки одного из основателей Союза советских патриотов в Белграде, выдающегося ученого-слависта И. Н. Голенищева-Кутузова, жившего после войны в Москве, и его друга, участника движения Сопротивления во Франции, поэта Юрия Бек-Софиева, жившего после возвращения в СССР в Казахстане (Алма-Ата, ныне Алматы). Именно эти документы позволили реконструировать некоторые эпизоды из жизни резистантов-возвращенцев, связанные с их деятельностью в новых условиях. Как один из каналов коммуникации бывших соотечественников рассматривается литературно-художественный сборник «В краях чужих», где собраны литературные произведения представителей белой эмиграции, которые мечтали вернуться на Родину.

Ключевые слова: русское научное зарубежье, русское зарубежье, история славяноведения, славистика, русская эмиграция, И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. Б. Бек-Софиев, русская эмиграция в Югославии, русская эмиграция во Франции, движение Сопротивления, эмигранты-возвращенцы

Благодарности: приношу глубокую благодарность И. М. Невзоровой, представившей меня вдове сына Ю. Б. Бек-Софиева Н. М. Черновой-Бек-Софиевой, что позволило установить архивный мост «Москва — Алматы».

Для цитирования: Сорокина М. Ю. Возвращение на Родину: жизнь в СССР участников движения Сопротивления И. Н. Голенищева-Кутузова и Ю. Б. Бек-Софиева // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 32—42. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-32-42. EDN TMJVGТ.

The fight against fascism in the USSR and the Resistance movement in European countries

Original article

Return to the Homeland: Life in the USSR of Participants in the Resistance Movement I.N. Golenishchev-Kutuzov and Yu.B. Bek-Sofiev

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

Abstract. In recent decades, the ideology, practices and fate of Russian White émigrés — participants in the Resistance movement during the Second World War have attracted the attention of researchers. This study deals with Russian émigré returnees — heroes of the European Resistance movement. The article is based on documents from the collection of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, in particular from personal archives, containing unique information both about the French émigré period of the founders' lives and about their arrangement in Soviet life after returning to the USSR. Thus, the article publishes the part of the correspondence between one of the founders of the Union of Soviet Patriots in Belgrade, the outstanding Slavic scholar I.N. Golenishchev-Kutuzov, who lived in Moscow after the war, and his friend, a participant in the Resistance movement in France, the poet Yuri Bek-Sofiev, who lived in Kazakhstan (Alma-Ata, now Almaty) after returning to the USSR. The documents helped to reconstruct some episodes from the lives of the resistance-returnees, related to their activities in the new conditions. The literary and artistic collection *In Foreign Lands* is considered as one of the channels of communication of former compatriots. The collection includes literary works of representatives of the white emigration who dreamed of returning to their homeland.

Keywords: Russian academic diaspora, Russian diaspora, history of Slavic studies, Slavic studies, Russian emigration, I.N. Golenishchev-Kutuzov, Yu.B. Bek-Sofiev, Russian emigration in Yugoslavia, Russian emigration in France, Resistance movement, returnee emigrants

Acknowledgements: I would like to express my deep gratitude to I.M. Nevzorova, who introduced me to the widow of Yu.B. Bek-Sofiev's son N.M. Chernova-Bek-Sofieva, which made it possible to establish the Moscow-Almaty archival bridge.

For citation: Sorokina M.Yu. Return to the Homeland: Life in the USSR of Participants in the Resistance Movement I.N. Golenishchev-Kutuzov and Yu.B. Bek-Sofiev. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):32—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-32-42>. <https://elibrary.ru/tmjvgt>.

В последние десятилетия судьба российских белоэмигрантов — участников движения Сопротивления в годы Второй мировой войны вновь стала привлекать внимание исследователей [1—5]. Особенно активно этот сюжет изучается на материале антифашистской деятельности представителей русского зарубежья во Франции, а сейчас — и в странах бывшей Югославии, прежде всего Сербии [6 ; 7]. Опубликован значительный массив новых архивных данных и ис-

следовательских статей, которые позволяют по-новому интерпретировать и историю русского зарубежья межвоенного периода XX в. в целом, и феномен «красного поколения белой эмиграции» в рамках академического дискурса [8 ; 9].

Особого внимания заслуживает также другой феномен — репатриация белоэмигрантов и их потомков, в том числе участников движения Сопротивления, в СССР после окончания Второй мировой войны, их общественная и профессиональная деятельность. Нам уже приходилось отмечать, что тема «возвращенцев» широко присутствует в современной российской академической историографии преимущественно благодаря материалам о жизни писателей и деятелей культуры (М. Горький, С. С. Прокофьев, М. И. Цветаева, А. Н. Толстой, Д. П. Святополк-Мирский, А. И. Куприн и др.) и нередко повторяет ее интерпретацию в дискурсе эмигрантской мемуарной литературы в диапазоне от «клянувшие на сталинскую пропаганду» и/или «заманенные Сталиным» до «путь к правде» [10, с. 119]. Между тем и сегодня доподлинно неизвестно, сколько белоэмигрантов и с каким гражданством добровольно возвратились на родину после Второй мировой войны, сколько среди них было участников движения Сопротивления в Европе, какова была динамика их возвращения, как складывалось их географическое распределение по СССР и проходила интеграция в новую культурную среду — профессиональное и социальное устройство — все эти вопросы еще предстоит изучить историкам. В рамках настоящей статьи мы затронем лишь один аспект заявленной темы: как и через какие каналы сами резистанты-возвращенцы транслировали свой исторический опыт, в том числе сопротивленческий.

Источником нашего исследования являются документы архива Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ). В 2004 г. журналистом Геннадием Алексеевичем Нечаевым, который еще с 1960-х гг. по крупицам собирал материалы о русских эмигрантах-сопротивленцах, интервьюировал выживших героев и членов их семей и планировал создать отдельный труд «Антифашистская борьба русской патриотической эмиграции во Франции (1937—1944)», в ДРЗ было передано значительное собрание документов, составивших фонд 25 «Русские эмигранты — участники французского Сопротивления» [11]. Кроме того, небольшие личные фонды В. Б. Сосинского, семьи Кривошеиных, С. Ф. Штерна, П. А. Бурышкина и других эмигрантов, коллекция документов о Вики Оболенской содержат уникальную информацию как о французском эмигрантском периоде жизни фондообразователей, так и об их устройстве в советской жизни после возвращения на родину.

Интересные документы, свидетельствующие о судьбе и участии представителей русского зарубежья Югославии в народно-освободительном движении в годы Второй мировой войны, представлены в личных фондах Г. А. Малахова — автора многочисленных исследований о русской эмиграции в Югославии, А. Б. Арсеньева и др. Недавно в фонд ДРЗ поступил небольшой, но очень ценный архив одного из основателей Союза советских патриотов в Белграде, выдающегося ученого-слависта И. Н. Голенищева-Кутузова, жившего в Москве, а также поступают документы его ближайшего

друга, участника движения Сопротивления во Франции, поэта Юрия Бек-Софиева, жившего после возвращения в СССР в Казахстане (Алма-Ата, ныне Алматы). Именно эти документы, позволяющие реконструировать некоторые эпизоды из жизни резистантов-возвращенцев, стали основой данной статьи.

В послевоенный период русское зарубежье пережило несколько крупных волн возвращения на родину — в конце 1940-х и середине 1950-х гг. Русские эмигранты были подготовлены новой репатриационной политикой советского руководства, которое уже на завершающем этапе Второй мировой войны через свои дипломатические представительства и региональные аппараты Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран начало работу с белоэмигрантами по возвращению на историческую родину и выдаче им советских паспортов.

Более того, к середине 1944 г. в документах комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов приема, выхода и лишения гражданства СССР уже фигурировала формулировка, прямо связывавшая антифашистскую деятельность представителей белой эмиграции с возможностью получить гражданство СССР: обладателями советского паспорта могли стать такие категории эмигрантов, как «выходцы из России, проявившие себя патриотически, особенно в период Отечественной войны», и лица, «в отношении которых имелись особые соображения заинтересованных ведомств» и «доказавшие свое доброжелательное отношение к СССР» [12, с. 358]. Серия указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, последовавших с ноября 1945 по май 1947 г. и охвативших русские эмигрантские сообщества Маньчжурии, Франции, Болгарии, Югославии, Японии, Чехословакии и Бельгии, окончательно сформировала законодательный фундамент для репатриации белоэмигрантов.

С другой стороны, в некоторых европейских странах во второй половине 1940-х гг. были предприняты активные репрессивные действия в отношении русских эмигрантов. Во Франции распоряжением министра внутренних дел был закрыт ряд считавшихся просоветскими изданий и организаций, а их члены высланы из Франции, в том числе в советскую зону оккупации Германии. В Югославии русские надолго оказались заложниками политического конфликта между И. Броз Тито и И. В. Сталиным. Часть из них были арестованы, судимы и отправлены в заключение от политической тюрьмы в Сремской Митровице до концлагеря на Голом Отоке (Хорватия), другие высланы в Болгарию и Румынию. Только после кончины И. В. Сталина в 1953 г. эти люди получили возможность переехать в СССР. Среди них были Илья Голенищев-Кутузов и Юрий Бек-Софиев.

Интересно отметить, что начиная с середины 1950-х гг. советское партийно-государственное руководство впервые за весь послеоктябрьский период попыталось репрезентировать СССР как родину всех русских и широко пропагандировало этот образ, создавая для этого все новые и новые каналы и институции, обращенные к рус-

скому зарубежью. Так, уже в апреле 1955 г. был создан комитет «За возвращение на Родину», название и функции которого впоследствии претерпели ряд трансформаций, отражая и изменения политического курса в отношении зарубежных соотечественников.

Литературно-художественный сборник «В краях чужих», опубликованный в 1962 г. под грифом советского комитета «За возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками» (название комитета с 1959 по 1962 г.) в Берлине, стал одним из публицистических каналов коммуникации во всем сообществе соотечественников. Насчитывавший 309 страниц, он примечателен как одно из первых изданий поэзии и прозы представителей русской эмиграции «второго ряда», «незамеченного поколения», по определению В. Варшавского, подготовленное по инициативе и с их участием в СССР. Под одной обложкой были собраны произведения тех литераторов, которые уже вернулись на родину, и тех, кто только собирался это сделать, и тех, кому так и не пришлось возвратиться.

Проза была представлена рассказами Евгения Яконовского из Франции и Анатолия Воскресенского из Канады, повестями Людмилы Головатенко из Бельгии и Екатерины Ситниковой из Югославии, публикацией дневника Софьи Востоковой из Марокко, а завершали книгу, проиллюстрированную известными американскими художниками русского происхождения В. Арнаутовым и С. Щербаковым, мемуары Александра Вертинского «Четверть века без родины».

На страницах этого сборника, обращенного к зарубежным соотечественникам, — именно этот термин стал доминировать в официальных документах СССР с начала 1960-х гг. — были опубликованы и поэтические опыты русской поэтессы и переводчицы, автора известной эмигрантской песни «Институтка» («Ведь я институтка, я дочь камергера, / Я чёрная моль, я летучая мышь») Марии Веги (настоящее имя — Мария Николаевна Волинцева, по мужу Ланг, 1898—1980), тогда еще жившей во Франции. Близкая подруга актрисы С. М. Радищевой, матери сопротивленца Кирилла Радищева, она в 1946 г. получила советское гражданство. В 1965 г., вероятно, Мария Николаевна подсказала советским властям включить в наградной список русских патриотов из Франции имя сына своей подруги, которого хорошо знала и о котором написала поэму «Кирилл Радищев».

Награждение советскими боевыми орденами русских эмигрантов-резистантов в 1965 г., включение их в перечень героев Великой Отечественной войны и, как следствие, в официальную политику памяти советского государства также было резонансным пропагандистским жестом нового руководства СССР, которое как бы предлагало забыть былую непримиримость и признавало эмигрантов своими [13].

Среди тех, кто участвовал в подготовке этого награждения, был и автор стихов в сборнике «В краях чужих» Илья Голенищев-Кутузов. Потомок старинного русского дворянского и графского рода, известного с XIII в., дальний родственник генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова (1745—1813), выпускник, а затем и преподаватель Белградского университета, доктор наук после защиты диссертации в парижской Сорбонне (1933), собеседник и друг Вяч. Иванова, Вл. Ходасевича и других известных

русских литераторов, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов на протяжении всего межвоенного периода XX в. был центральной фигурой русского литературного Белграда. Его имя всегда вызывало у одних восхищение и поддержку, у других — зависть и боязнь.

С середины 1930-х гг. его поэтическая лира все более и более обращается к востоку, к потерянной родине. Поэзия Голенищева-Кутузова тех лет пронизана «страшным зовом России», от которого он «не в силах скрыться». Эмиграция для него — «чужие лестницы» и «окольные пути», а родина и СССР — «отчизна мира» и «сердце угнетенных». «Мой путь и твой — один», — пишет Голенищев-Кутузов в 1936 г. [14]. Неудивительно, что с началом Великой Отечественной войны он становится одним из основателей и активных деятелей Союза советских патриотов в Белграде — первой подпольной антифашистской эмигрантской организации в Европе с таким названием. В августе 1946 г. Голенищев-Кутузов принимает паспорт СССР. Пережив несколько арестов и многолетнее тюремное заключение в Югославии, летом 1954 г. Илья Николаевич вместе со своей женой Ольгой и мамой Верой Александровной вернулся в СССР.

Другой автор, стихи которого были включены в литературно-художественный сборник «В краях чужих», — лучший друг Голенищева-Кутузова с белградских времен, живший в Париже с 1927 г., поэт и художник Юрий Бек-Софиев (1899—1975), он также был участником движения Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны. Друг Бориса Вильде (1908—1942), русского поэта и ученого, одного из руководителей антифашистской группы Музея человека в Париже и издателя газеты-листовки «Сопротивление», расстрелянного нацистами в 1942 г., Софиев в годы оккупации помогал заключенным в Компьене, укрывал в своей квартире бежавших из концлагерей советских военнопленных, снабжал фальшивыми документами евреев. За свою деятельность Юрий Борисович был награжден французской медалью Сопротивления. Как и Голенищев-Кутузов, уже в 1946 г. он получил советский паспорт, а в 1955 г. вместе с сыном Игорем и тестем, историком и писателем Н. Н. Кноррингом (1880—1967), приехал в СССР. Оказавшись в Москве, Софиев более месяца жил в квартире И. Н. Голенищева-Кутузова и встречался с друзьями по Парижу и французскому Сопротивлению А. П. Марковым, И. А. Кривошеиным, Л. Д. Любимовым и др. [15, с. 67—68].

В качестве местожительства Ю. Б. Софиев, страстный охотник и натуралист с детства, избрал далекую казахскую Алма-Ату, где работал научным иллюстратором в Институте зоологии АН Казахской ССР. Помог опыт работы в химической лаборатории немецкого концлагеря в Одеберге, куда он попал как участник Сопротивления в годы войны. В Алма-Ате Юрий Борисович изредка публиковал свои стихи в знаменитом русскоязычном журнале «Простор», но одна из первых публикаций его поэзии на родине случилась именно в сборнике «В краях чужих» при заочной поддержке Голенищева-Кутузова.

Прочел твои стихи в сборнике «В краях чужих», — писал Илья Николаевич Софиеву 16 июля 1963 г. — Одно из них было перепечатано в газете «Голос Родины». Стихи

мне понравились не только гражданской скорбью. Недавно посетил меня Шатков¹. Разговорились с ним об издании сборника «Возвращенная лира» со стихами Ладинского², Ирины [Кнорринг]³, Алексея [Дуракова]⁴, твоими и моими под моей редакцией. «Голос Родины» переходит в Москву. Осенью поговорю с его представителями на эту тему снова. Шатков говорил, что они получили чуть ли не 1 000 писем о сборнике со всех краев рассеяния. Весьма хвалебную рецензию самого Мамченко⁵ я читал в «Голосе Родины». Дважды я выступал на радио (150-летие со дня рождения смерти фельдмаршала Михаила Илларионовича [Голенищева-Кутузова] и Памяти Алексея Дуракова). Заказали мне еще передачу о Федоре Высторопском (секретаре белградского Союза советских патриотов). О Юрии Софиеве собирается писать один из редакторов Светличный, который посетит Алма-Ату. Тебе, вероятно, будет поручено написать о Ладинском. Обо мне написала некая Мария Баратова — не без романтизма. Меня очень порадовал другой аспект Юрия Софиева — академический. За столом в Казахской академии наук у тебя вполне вдумчивый вид и недаром твоим именем назвали ни в чем не повинную глисту⁶. <...> Пришли свои стихи и что есть у тебя из стихов Алексея [Дуракова]. Любящий тебя Илья [12].

Стремление собрать и опубликовать поэтическое наследие своего третьего белградского друга — Алексея Петровича Дуракова, погибшего в партизанском отряде в Югославии в 1944 г., было постоянной и активно обсуждаемой темой переписки Софиева и Голенищева-Кутузова, наряду с новостями об общих знакомых и событиях, обменом фотографиями. Судя по сохранившимся письмам И. Н. Голенищева-Кутузова, он заочно познакомил Юрия Софиева и со своей семьей. Дочь Ильи Николаевича Маша становится одним из главных героев переписки друзей: «Бернард Шоу уверял, что самая пагубная страсть — это любовь пожилого отца и взрослой дочери. Машка еще не взрослая, — писал Голенищев-Кутузов, — ей всего шестой год; в остальном старик Шоу прав. Машка сказочница и книголюб. Читаем с ней вместе „Дон Кихота“; вернее, комментируем картинки» [12].

Здоровье И. Н. Голенищева-Кутузова стремительно ухудшалось — сказывались годы тюремного заключения. 19 июля 1965 г. он обращается к Софиеву из Москвы, уже диктуя письмо:

Дорогой Юрий, пишу тебе, пребывая в горизонтальном положении на больничной койке. Мое бедное сердце, кажется, разорвалось еще в одном месте. Недуги стали одолевать меня тогда, когда мне представились возможности поездок, уже не бедным студентом, как встарь, а маститым донельзя профессором, которого с распростертыми объятиями ждут в Италии, Чехословакии, Бельгии. Работы у меня необъятно: бесконечные заказы на статьи из журналов всего света, договоры на книги, плановые исследования, а я уже третий месяц в этом году созерцаю потолок и думаю о бренности славы и нашей постыдной немощи.

Посылаю тебе, чтобы ты отвлекся от танцев бесподобных микроскопических созданий и вспомнил грехи нашей „поэтической“ молодости, мои переводы из Данте.

¹ Шатков Георгий Владимирович (1921—2009) — ответственный секретарь комитета «За возвращение на Родину», специалист по скандинавским языкам.

² Ладинский Антонин Петрович (1896—1961) — поэт и писатель, приятель Голенищева-Кутузова и Софиева. Вернулся в СССР в 1955 г.

³ Поэтесса и супруга Ю. Б. Софиева. Скончалась в 1943 г.

⁴ Поэт и друг И. Н. Голенищева-Кутузова и Ю. Б. Софиева со студенческих времен, погиб в партизанском отряде в 1944 г. В 1965 г. посмертно награжден в СССР орденом Отечественной войны благодаря Голенищеву-Кутузову.

⁵ Мамченко Виктор Андреевич (1901—1982) — поэт, приятель Голенищева-Кутузова и Софиева.

⁶ Казахстанские зоологи открыли новый микроорганизм, который назвали именем Ю. Б. Софиева.

Это была дьявольски трудная работа — переводить флорентийца — мастерство, техника и культура стиха изощреннейшие, о каких и помыслить не могут современные поэты — и это сработано семь веков тому назад! Интервью мое „Литературной газете” перепечатали парижские „Русские новости”, но в общем все это суета сует. Буду рад получить от тебя несколько слов. Как твоё здоровье? Твой Илья [12].

И рефреном в других открытках: «Хорошо бы нам увидеться — до зимы»; «Я уже никуда не езжу, даже в Ленинград, и хожу не так легко. Я все собираюсь собрать и послать тебе все стихи Алеши и статьи о нем...» [12]. Тем не менее 10 августа 1968 г., менее чем за год до кончины, уже очень измененным почерком Голенищева-Кутузов пытался приободрить старинного друга:

Дорогой мой Юрий, я был очень рад, получив твои письма и стихи. А то мы кукуемся, болеем, замыкаемся в себе. Нельзя ли тебе как-нибудь усовершенствовать твой быт в твои годы, которые — увы! — теперь уже приблизились к моим. Ведь и у Вас в Вашем яблочном городе идет строительство. Пожалуйста, в Академии попроси приличную квартиру с кухней, водопроводом etc. Состоишь ли ты в местной писательской организации? Я тебе когда-то [давал] рекомендацию туда, достал от Суркова. Там бы тебе помогли.

Стихи мне твои нравятся все больше и больше. Нужно заставить власти подлежащие издать тебе отдельную книгу... Посылаю тебе, родной мой, мою книжку о Данте, которая вышла недавно. Тираж 65 000 + 50 000 = 115 000. Жду, что выйдет осенью мой перевод «Новой жизни» вместе с другими произведениями Данте.

Итак, мне удалось осуществить полного «русского Данте».

А этим летом работал над XVII в. итальянским. Пришлю тебе отгисск статьи «Начало Барокко в Италии и в Испании». Жаль, никак ты не соберешься в Москву... [12].

По-видимому, это было последнее письмо Голенищева-Кутузова, полученное в Алма-Ате, 31 января 1970 г. его вдова сообщила: «Думаю, что до Вас дошла весть о кончине Ильи Николаевича — 26 апреля минувшего года. Мне бы очень не хотелось терять с Вами связи — одним из немногих друзей молодости И. Н. ... М. Кутузова» [12].

Юрий Борисович Софиев скончался 22 мая 1975 г. и похоронен в Алма-Ате. Через тридцать лет после его кончины усилиями семьи и за ее счет в Казахстане изданы дневники Ю. Б. Софиева, мемуары «Разрозненные страницы», сборник стихов «Парус» и том избранных произведений «Синий дым».

За последние годы о ряде русских эмигрантов — участниках движения Сопротивления в Европе в годы Второй мировой войны сняты художественные и документальные фильмы, написаны повести, публикуется эпистолярное наследие, однако в целом память о тысячах соотечественников и сегодня остается не слишком востребованной, а их имена, дела и воспоминания продолжают оставаться на периферии общественного сознания, возможно, потому что сами они довольно редко рассказывали о своем героическом прошлом.

Список источников

1. Вовк А. Ю. Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом : междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; сост. К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина. М., 2015. С. 145—157.

2. Вовк А. Ю. «Покрасневшие»: белоэмигранты, смирившиеся с Советами // Неприкосновенный запас. 2022. № 6. С. 149—163.
3. Горинов-мл. М. М. Участник движения Сопротивления во Франции Н. С. Качва // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом : междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; сост. К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина. М., 2015. С. 130—144.
4. Горинов-мл. М. М. Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н. Н. Роллера // Русская эмиграция и движение Сопротивление в годы Второй мировой войны / сост. М. Ю. Сорокина. М., 2021. С. 126—141.
5. Решетников С. В. Участие русских эмигрантов и советских военнопленных в движении Сопротивления на острове Олерон в 1944—1945 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 58—74.
6. Материалы к «Книге памяти русских участников движения Сопротивления во Франции» / под ред. М. Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2023. Вып. 12. С. 54—186.
7. Сорокина М. Ю., Живанович М. Книга памяти русских эмигрантов — участников движения Сопротивления в Югославии в годы Второй мировой войны: биографические материалы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2024. Вып. 13. С. 231—363.
8. Сорокина М. Ю. Красное поколение белой эмиграции: Илья Жеребков (1919—2011) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Ростов на-Дону, 30—31 мая 2024 г.). Ростов н/Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. С. 270—278.
9. Сорокина М. Ю. Красное поколение белой эмиграции: Союз советских патриотов в Белграде в октябре—ноябре 1944 г. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 43—53.
10. Сорокина М. Ю. И. Н. Голенищев-Кутузов (1904—1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. Вып. 7. С. 114—128.
11. «Трудности и опасности нас подстерегали на каждом шагу»: письма русских участников Сопротивления во Франции Г. А. Нечаеву (1962—1978 гг.) / публ., вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. М. Горинова-мл. // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2024. Вып. 13. С. 364—416.
12. Трубецкая Н. А., Животич А. Владимир Александрович Лебедев (1906—1990) и Всеволод Георгиевич Прокофьев (1908—1983): к неизвестным страницам биографий членов Союза советских патриотов в Белграде // Русская эмиграция на Балканах : сб. науч. тр. Скопье : Институт за национална историја, 2021. С. 335—367.
13. Сак К., Сорокина М. Русские эмигранты и 20-летний юбилей Победы: документы ЦК КПСС и КГБ СССР о награждении участников движения Сопротивления // Россия XXI. 2022. № 2. С. 162—187.
14. Сорокина М. Ю. «Путь иной»: Илья Голенищев-Кутузов (1904—1969). М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына : Викмо-М, 2024. 120 с.
15. Софиев Ю. Б. Земля, что зовется своею // Земля родная, русская. М. : Совет. комитет по культур. связям с соотечественниками за рубежом, 1971. 128 с.

References

1. Vovk A.Yu. Deyatel'nost' Soyuza russkix patriotov vo Francii (po materialam arhiva Doma russkogo zarubezh'ya) [Activities of the Union of Russian Patriots in France (Based on Materials from the Archive of the House of Russian Abroad)], *Rossijskaya e'migraciya v bor'be s fashizmom* [Russian Emigration in the Fight against Fascism], mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 14-15 May 2015). Moscow, 2015, pp. 145-157.
2. Vovk A.Yu. "Pokrasnevshie": beloe'migranty', smiriv-shiesya s Sovetami ["The Reddened": White émigrés who Resigned Themselves to the Soviets], *Neprikosnovennyj zapas* [Neprikosnovenny zapas], 2022, no. 6, pp. 149-163.

3. Gorinov-m. M.M. Uchastnik dvizheniya Soprotivleniya vo Francii N.S. Kachva [Participant of the Resistance Movement in France N. S. Kachva], *Rossiyskaya e`migraciya v bor`be s fashizmom [Russian Emigration in the Fight against Fascism]*, mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 14-15 May 2015). Moscow, 2015, pp. 130-144.
4. Gorinov-m. M.M. Sud`ba uchastnika antifashistskoj bor`by` vo Francii N.N. Rollera [The Fate of the Participant in the Anti-Fascist Struggle in France N.N. Roller], *Russkaya e`migraciya i dvizhenie Soprotivlenie v gody` Vtoroj mirovoj vojny` [Russian Emigration and the Resistance Movement during the Second World War]*. Moscow, 2021, pp. 126-141.
5. Reshetnikov S.V. Uchastie russkix e`migrantov i sovetskix voennoplenny`x v dvizhenii Soprotivleniya na ostrove Oleron v 1944-1945 gg. [Participation of Russian Emigrants and Soviet Prisoners of War in the Resistance Movement on the island of Oléron in 1944-1945], *Novejshaya istoriya Rossii [Modern history of Russia]*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 58-74.
6. Sorokinoj M.Yu. Materialy` k "Knige pamyati russkix uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya vo Francii" [Materials for the "Book of Memory of Russian Participants in the Resistance Movement in France"], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh`ya im. Aleksandra Solzhenitsyna [Alexander Solzhenitsyn Yearbook of the House of Russian Abroad]*, 2023, issue 12, pp. 54-186.
7. Sorokina M.Yu., Zhivanovich M. Kniga pamyati russkix e`migrantov - uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya v Yugo-slavii v gody` Vtoroj mirovoj vojny`: biograficheskie materialy` [Book of Memory of Russian Emigrants - Participants in the Resistance Movement in Yugoslavia during the Second World War: Biographical Materials], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh`ya im. Alek-sandra Solzhenitsyna [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]*, 2024, issue 13, pp. 231-363.
8. Sorokina M.Yu. Krasnoe pokolenie belo j e`migracii: Il`ya Zherebkov (1919-2011) [The Red Generation of the White Emigration: Ilya Zherebkov (1919-2011)], *Velikaya Otechestvennaya vo`ina v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: soby`tiya, uchastniki, simvoly` [The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, Symbols]*, materialy` V Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Rostov-na-Donu, 30-31 May 2024). Rostov-na-Donu, Publ. YuNCz RAN, 2024, pp. 270-278.
9. Sorokina M.Yu. Krasnoe pokolenie belo j e`migracii: Soyuz sovetskix patriotov v Belgrade v oktyabre-noyabre 1944 g. [The Red Generation of the White Emigration: The Union of Soviet Patriots in Belgrade in October-November 1944], *Sibir` gumanitarnaya [Siberia Humanitarian]*, 2024, no. 1, pp. 43-53.
10. Sorokina M.Yu. I.N. Golenishhev-Kutuzov (1904-1969): k istorii vozvrashheniya v SSSR [I.N. Golenishchev-Kutuzov (1904-1969): on the History of the Return to the USSR], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh`ya im. Aleksandra Solzhenitsyna [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]*, 2017, issue 7, pp. 114-128.
11. Gorinov-m. M.M. (ed.) "Trudnosti i opasnosti nas podsteregali na kazhdom shagu": pis`ma russkix uchastnikov Soprotivleniya vo Francii G.A. Nechaevu (1962-1978 gg.) ["Difficulties and Dangers Lay in Wait for Us at Every Step": Letters from Russian Resistance Participants in France to G.A. Nechaev (1962-1978)], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh`ya im. Aleksandra Solzhenitsyna [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]*, 2024, issue 13, pp. 364-416.
12. Trubeczskaya N.A., Zhivotich A. Vladimir Aleksandro-vich Lebedev (1906-1990) i Vsevolod Georgievich Prokof`ev (1908-1983): k neizvestny`m straniczam biografii chlenov Soyuza sovetskix patriotov v Belgrade [Vladimir Aleksandrovich Lebedev (1906-1990) and Vsevolod Georgievich Prokofiev (1908-1983): to the Unknown Pages of the Biographies of Members of the Union of Soviet Patriots in Belgrade], *Russkaya e`migraciya na Balkanax [Russian emigration in the Balkans]*, sb. nauch. tr. Skop`e, Institut za nacionalna istorija, 2021, pp. 335-367.
13. Sak K., Sorokina M. Russkie e`migranty` i 20-letnij yubilej Pobedy`: dokumenty` CzK KPSS i KGB SSSR o nagrazhdenii uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya [Russian Emigrants and the 20th Anniversary of Victory: Documents of the Central Committee of the CPSU and the KGB of the USSR on Awarding Participants in the Resistance Movement], *Rossiya XXI [Russia XXI]*, 2022, no. 2, pp. 162-187.

14. Sorokina M.Yu. "Put' inoj": Il'ya Golenishhev-Kutuzov (1904-1969) ["A Different Path": Ilya Golenishchev-Kutuzov (1904-1969)]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna, Vikmo-M, 2024, 120 p.
15. Sofiev Yu.B. Zemlya, chto zovetsya svoeyu [The land that is called one's own], *Zemlya rodnaya, russkaya* [Native, Russian land]. Moscow, Sovet. komitet po kul'tur. svyazyam s so-otchestvennikami za rubezhom, 1971, 128 p.

Информация об авторе

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the author

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 25.12.2024; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 43—50.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):43—50.

Борьба с фашизмом в СССР и движение Сопротивления в европейских странах

Научная статья
УДК 355.425(450):94"1939/45"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-43-50
EDN WOYOOG

Итальянское движение Сопротивления против нацифашизма: контекст, истоки, советские участники

Михаил Григорьевич Талалай

Международный научно-исследовательский центр Павла Муратова, Милан, Италия,
talalaym@mail.ru

Аннотация. Итальянское движение Сопротивления как феномен Второй мировой войны возникло в период падения режима Муссолини в ответ на последовавшее за ним вторжение нацистской Германии на Апеннинский полуостров, а также постепенное продвижение англо-американских союзников на север полуострова после высадки на Сицилии. Часть бывших военнослужащих Королевской итальянской армии и представители гражданского населения объединились в вооруженные отряды на основе неприятия нацифашизма, идеологии, характеризующейся политическим и идеологическим сближением фашизма и нацизма, начавшемся в 1930-х гг. Именно к этим отрядам примкнули советские люди, преимущественно бежавшие военнопленные и дезертировавшие восточные legionеры. В общей сложности в рядах Сопротивления насчитывалось около 6 тыс. советских бойцов, т. е. около половины иностранного контингента Сопротивления, не менее полутысячи человек погибло. Многие из них получили награды от итальянского государства.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Итальянское сопротивление, война за освобождение Италии, нацифашизм, восточные legionеры, советские партизаны

Для цитирования: Талалай М. Г. Итальянское движение Сопротивления против нацифашизма: контекст, истоки, советские участники // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 43—50. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-43-50. EDN WOYOOG.

The fight against fascism in the USSR and the Resistance movement in European countries

Original article

The Italian Resistance Movement against Nazifascism: Context, Origins, Soviet Participants**Mikhail G. Talalay**

Pavel Muratov International Research Center, Italy, talalaym@mail.ru

Abstract. The Italian Resistance movement as a phenomenon of World War II arose during the fall of Mussolini's regime in response to the subsequent invasion of the Italian Peninsula by Nazi Germany, as well as the gradual advance of the Anglo-American allies to the north of the peninsula after the landing in Sicily. Some former servicemen of the Royal Italian Army and representatives of the civilian population united in armed units based on their rejection of Nazifascism, an ideology characterized by the political and ideological rapprochement of fascism and Nazism that began in the 1930s. It was these units that Soviet people, mainly escaped prisoners of war and deserted eastern legionnaires, joined. In total, there were about 6,000 Soviet fighters in the ranks of the Resistance, i.e. about half of the foreign contingent of the Resistance, at least half a thousand people died. Many of them received awards from the Italian state.

Keywords: World War II, Italian Resistance, War of Liberation of Italy, Nazifascism, Eastern Legionnaires, Soviet Partisans

For citation: Talalay M.G. The Italian Resistance Movement against Nazifascism: Context, Origins, Soviet Participants. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):43—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-43-50>. <https://elibrary.ru/woyoog>.

В течение почти двух лет, с июня 1943 г. по май 1945 г. Италия служила театром масштабных военных действий. Эта война, будучи сегментом Второй мировой, до сих пор не нашла своего определенного названия, настолько разнохарактерными были ее участки — и хронологические, и территориальные¹.

Можно в действительности говорить о нескольких войнах. Формальным открытием военного театра следует считать 11 июня 1943 г., когда англо-американские союзники захватили острова Лампедуза и Пантеллерия к югу от Сицилии (эти территории ближе к Африке, чем к самой Сицилии), а 10 июля пришел черед самой Сицилии, куда в одночасье высадилось 150 тыс. солдат союзнических армий. Спустя девять дней, англо-американская авиация совершила первый устрашающий налет на Рим.

Эти начальные месяцы войны на Апеннинах, названной союзниками Итальянской кампанией (The Italian Campaign), были наиболее ясными с военно-политической точки зрения: Великобритания и США нанесли прямой удар по врагу — фашистской Италии, которая уже потерпела ряд сокрушительных поражений на дальних фронтах — в СССР, на Балканах, в северной Африке [2]. Спустя неделю после первой воздушной атаки на Рим в фашистском стане начали проходить удивительные метаморфозы.

¹ Библиография на эту тему обширна. Назовем обобщающую и часто цитируемую работу: [1].

В ночь с 24 на 25 июля 1943 г. на заседании Большого фашистского совета глава Италии Бенито Муссолини после голосования был низложен, а на следующее утро арестован. Неожданному падению дуче предшествовал глубокий экономический и моральный кризис нации, разочарованной военными неудачами и наступившей бедностью. Король Виктор-Эммануил III, не симпатизировавший Муссолини, но все-таки ему не противостоявший, назначил главой нового правительства маршала Пьетро Бадольо, который, заявив о верности союзу с нацистской Германией, взял тем не менее курс на дефашизацию армии и государственной элиты. При этом многие сановники Муссолини остались на своих местах, а ряд антифашистских спонтанных выступлений был жестко подавлен новым правительством. С другой стороны, из тюрем и ссылок стали возвращаться оппозиционеры, заложившие основы комитетов национального освобождения, которые позднее сыграли важную роль в Сопротивлении. Маршал Бадольо, начав тайные переговоры с союзниками, что не стало секретом для Берлина, готовил тем временем почву для перемирия и для выхода страны из войны [3 ; 4].

Военно-политические противоречия внутри самой итальянской нации вылились в серию эксцессов: в ночь с 23 на 24 августа близ Рима был убит при аресте один из столпов фашистского режима — летчик Этторе Мути. Эту смерть некоторые считают началом гражданской войны (*Guerra civile*) в Италии, длившейся до апреля 1945 г.

Восьмого сентября 1943 г. глава правительства Пьетро Бадольо внезапно объявил итальянцам по радио о перемирии (*armistizio*) и прекращении Италией военных действий. Однако никакого мира не наступило, напротив, в стране все более разгоралась война. Понимая, что после объявленного Италией одностороннего прекращения огня Германия перейдет к решительным контрмерам, король и маршал бежали из столицы в Апулию под покровительство прибывших туда вскоре союзников. Возникло так называемое Итальянское королевство Юга.

Вендетта Третьего Рейха не заставила себя ждать: северная и центральная части страны были быстро оккупированы немцами, несмотря на то, что гарнизоны Итальянского королевского войска имели значительное численное превосходство. Оккупация сопровождалась репрессиями и массовыми депортациями. Было разоружено около 600 тыс. итальянских солдат, большинство из которых попали в германские концлагеря¹.

Вызволненный немцами из ссылки Муссолини, желавший было отойти от большой политики, 23 сентября 1943 г. по воле Гитлера основал в своей новой резиденции (городок Салó) Итальянскую Социальную республику, прозванную Республикой Салó. Всем был очевиден ее марионеточный характер. Но существовавшее также со всеми государственными атрибутами Королевство Юга 13 октября объявило войну Третьему Рейху. Эту дату можно формально считать началом «Войны за освобождение» (*Guerra di Liberazione*) — существует и такой итальянский историографический термин. Однако и Муссолини полагал, что он воюет за освобождение Италии —

¹ Дата 8 сентября 1943 г. в итальянской историографии стала знаковой [5].

от англо-американских оккупантов и их «приспешников-предателей»: в самом деле, королевское правление на юге являлось почти номинальным — там командовал Союзнический военный совет.

В итоге осенью 1943 г. страна распалась на две воюющие между собой части. На севере стало разворачиваться движение Сопротивления — очень разнородное, но объединенное стремлением покончить с режимом Муссолини и с нацистской оккупацией. Оно отличалось от одноименных движений в других странах, в первую очередь во Франции и Бельгии, где врагом был чужеземный оккупант. В Италии движение «сопротивлялось» не только немецким оккупантам, но и соотечественникам. При этом вооруженный и яростный конфликт между партизанами и приверженцами дуче (их пренебрежительно называли «республиканчиками» (*repubblichini*) по Республике Салó) все более приобретал черты гражданской войны. Термин «гражданская война» отрицался в «левой» историографии, представители которой предпочитали говорить об «антифашистской народной войне» и «партизанской войне».

Именно тогда окреп и новый военно-политический феномен — нацифашизм (*nazifascismo*). Этот европейский, преимущественно итальянский, термин мало известен в отечественной историографии, хотя он четко отражает возникшую тогда реальность: сближение изначально разных идеологий (итальянского) фашизма и (германского) нацизма. Политическое и идейное сближение фашистов и нацистов началось в конце 1930-х гг., а в сентябре 1943 г., с приходом немцев на Апеннины, произошло их военное слияние.

Той же осенью 1943 г. в Италию прибыли первые крупные контингенты пленных красноармейцев. Самые первые военнопленные (до 20 тыс.) появились весной 1942 г. Это были пленники итальянской армии на Восточном фронте. Их использовали для строительства фортификационных сооружений, автодорог, мостов, на ремонтных, погрузочных, кухонных и прочих работах. Многим из них удалось бежать и влиться в движение Сопротивления.

К тому времени Муссолини утратил авторитет среди населения: ему справедливо ставили в вину катастрофическую войну и разруху в стране. С 1943 г. в северных промышленных центрах начались выступления рабочих, горожане были деморализованы массовыми бомбежками союзной авиации, сельское хозяйство разорено, крестьяне принудительно сдавали продовольствие.

Одновременно среди недовольного населения, попавшего на севере полуострова под пяту нацистов, рос престиж Советского Союза, особенно после победы в Сталинградской битве. Большинство итальянцев приветствовало победоносное наступление Красной армии, видя в этом залог окончания войны. Ее успехи были столь убедительны, что уже даже после высадки союзников на юге полуострова, многие итальянцы-северяне верили, что освобождение от нацифашизма к ним придет именно с Красной армией. Во многих итальянских семьях не досчитались сыновей, пропавших на востоке [6], и в пленных красноармейцах видели отражение печальной судьбы итальянских солдат. В такой атмосфере и порой при нестрогой охране военнопленным удавалось бежать из лагерей.

Кроме военнопленных, в состав Сопротивления часто вливались бывшие восточные legionеры. Началом становления Восточных легионов стал приказ Вермахта от 15 ноября 1941 г. «О создании охранных сотен из военнопленных туркестанской и кавказской национальностей». Именно тогда, наряду с этими сотнями, формировавшимися на фронте и в тылу местными командными инстанциями, стали централизованно создаваться Восточные легионы в специальных лагерях на территории Польши и Украины. С конца 1943 г. крупные контингенты legionеров (их стали прозывать «монголами») были командированы для борьбы с партизанами в Италию. Многие из них бежали из Вермахта.

Важным для беглецов было установление прямых контактов с боевыми участниками Сопротивления, получение оружия, уход в горы. В итальянское Сопротивление при этом уходили итальянцы с самыми разными убеждениями — коммунисты, монархисты, католики, либералы, демократы широкого спектра взглядов. Советские люди находили лучший прием в гарибальдийских бригадах с коммунистической ориентацией, а в Риме бежавшим из плена красноармейцам, к примеру, помогали католические священники и семинаристы из униатского колледжа «Руссикум», а также белоэмигранты. В целом Вечный город стал яркой страницей совместной борьбы разных сил против нацистских оккупантов. В задачу подпольщиков входили доставка в Рим беглецов, снабжение их оружием, одеждой, продовольствием и переброска в действовавшие на территории Лацио партизанские отряды. Всего они освободили около двухсот красноармейцев. Когда летом 1944 г. немцы из Рима были изгнаны, красноармейцев собрали в особую Русскую роту и отправили через Средиземное море и Иран в СССР. Перед отбытием на родину Русскую роту с советским флагом приветствовал в Ватикане папа Пий XII.

В Лацио, как и в других регионах Центральной Италии, Эмилии-Романьи, Лигурии, советские партизаны, действовавшие преимущественно в составе гарибальдийских бригад, занимались диверсиями, поджогами, взрывами, казнями коллаборационистов, не входя при этом в открытые военные конфликты с регулярными немецкими частями из-за явного неравенства сторон. Близ Рима (г. Палестрина) есть могила трех погибших советских партизан в стычке с немецким патрулем, которая стала местом, где российские дипломаты и общественность каждый год празднуют победу над нацифашизмом [7].

Яркие примеры совместной борьбы советских и итальянских партизан в Центральной Италии, особенно в Эмилии-Романье, описаны Анатолием Тарасовым [1] — членом партизанского отряда братьев Черви [8]. Когда ему удалось бежать из плена летом 1943 г., он нашел убежище в доме семейства Черви. Его даже называли «восьмым братом» Черви. В декабре 1943 г. семь братьев, организовавших партизанский отряд, были схвачены и казнены в Реджо-Эмилии. Схватили и Тарасова, его отправили в концлагерь под Вероной, откуда ему вновь удалось бежать и войти в состав Русского ударного батальона в регионе Эмилия-Романья. Этот батальон имел большое значение, в том числе и идейное: советские воины успешно сражались с нацистами не только на родной земле, но и в Италии.

Широкий резонанс получила так называемая Партизанская республика Монтефьорино (территория в Эмилии-Романье), провозгласившая независимость 17 июня 1944 г. и державшая ее до 1 августа: «Во время этих незабываемых событий [Республики Монтефьорино] Русский батальон был брошен на участок большей ответственности. <...> Республика боролась с тысячами врагов, понесших большие потери. <...> Русские бросались в бой с характерным оглушительным “ура”, с глубокой верой в высший идеал свободы. Они не боялись смерти, которая, к сожалению, отняла у нас многих» [10]. Главным героем в этих сражениях стал Владимир Переладов, прозванный местным населением «Capitano russo»¹.

Наибольшее число советских партизан сражалось в Тоскане — историограф Сопротивления Мауро Галлени насчитал их 1 629, из которых 68 погибли [12]. Он опубликовал следующую статистику по бойцам и погибшим также и в других регионах: 900 / 83 в Пьемонте; 459 / 98 во Фриули-Венеция-Джулия; 373 / 35 в Лигурии; 368 / 34 в Ломбардии; 196 / 34 в Венето; 105 / 6 в Марке; 25 / 5 в Трентино. По 50 бойцов сражались в Абруццо и Кампании. Павшие в этих регионах не зарегистрированы. Всего в Италии, по его подсчетам, сражалось 4 981 советский партизан, из них 425 погибло в бою. Эти цифры обычно повторяют и поныне, хотя им были выявлены далеко не все. Теперь мы можем говорить о 6 000 советских участниках, так как уже тридцать лет назад сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук Нелли Комолова называла цифру в 5 600 человек [13, с. 52].

Советские партизаны пользовались заслуженным уважением среди итальянских соратников по ряду причин. В отличие от большинства военнопленных других наций — англичан, американцев и прочих — они отвергали предлагаемую возможность ухода в нейтральную Швейцарию, предпочитая оставаться в строю. Все они имели военный опыт и часто выступали как «учителя» для других. Благодаря советскому воспитанию они были идейно вооружены против нацистской и фашистской идеологий. И, наконец, все они верили, что, воюя на итальянской земле, они приближают освобождение Родины.

Общее число иностранцев в итальянском Сопротивлении оценивают в 12 тыс. человек, следовательно, половина из них были советскими гражданами. Трое из них получили звание Героя Советского Союза — русский (Федор Полетаев), грузин (Форе Мосулишвили), азербайджанец (Мехти Гусейнзаде, партизанское имя Михайло). Этот вклад высоко оценили также в Италии: среди советских партизан — 11 награжденных: четыре — Золотыми медалями (Федор Полетаев, Даниил Авдеев, Николай Буянов, Форе Мосулишвили), шесть — Серебряными медалями (Георгий Пристансков (Пристанков), Василий Пивоваров, Иван Барановский, Александр Тириков, Виктор Пирогов) и пять — Бронзовыми (Григорий Анерянов, Георгий Варазашвили, Михаил Дастоян, Иван Денисов). Еще трем героям присвоены награды — Золотая медаль — Александру Накорчемному

¹ Об этих событиях снят документальный фильм «Bella ciao» (режиссер Валерия Ловкова; кинокомпания «Магафильм», 2015). См. также: [11]

и Серебряные медали — Алёну Конову и Али Бабаеву, но процедура награждения, к сожалению, не доведена до конца.

Среди награжденных Гарибальдийской медалью — Насиб Абдуллаев, Мамед Багиров, Степан Бадюк, Федор Беляев, Петр Егоров, Иван Иванов, Таир Исаев, Борис Капустин, Шалва Квирикашвили, Геворк Колозян, Виталий Литовко, Шахбаба Меджидов, Аvez Мирзоев, Владимир Переладов, Николай Петухов, Мирдамат Сеидов, Сергей Сорокин, Иван Суслов, Анатолий Тарасов, Мамед Худейнатов, Мирза Шахвердиев [14].

Известный политический деятель, секретарь компартии в то время, Луиджи Лонго (1900—1980), в предисловии к исследованию М. Галлени писал: «Пять тысяч советских борцов итальянского движения Сопротивления имели возможность ощутить эти чувства симпатии даже тогда, когда они находились еще на положении военнопленных. В дальнейшем силу этих чувств они ежедневно ощущали в боевом братстве, заложившем семена той итало-советской дружбы, необходимость которой отождествляется для нашей страны с необходимостью прогресса и развития, дружбы, которой горды не только коммунисты, но и многочисленные иные социалистические и демократические силы, последовательно отстаивавшие ее в послевоенный период даже тогда, когда итальянские правящие классы и различные итальянские правительства, ведя холодную войну, пытались воздвигнуть между нашим народом и советскими народами стену непонимания и вражды» [15, с. 6].

Список источников

1. Petacco A. *La nostra guerra 1940—1945*. Milano : Mondadori, 1995. 378 p.
2. Holland J. *The Savage Storm: The Battle for Italy 1943*. N. Y. : Atlantic Monthly Press, 2023. 565 p.
3. Pintor G. *L'ora del riscatto*. 25 luglio 1943. Roma : Castelveccchi, 2013. 57 p.
4. Gentile E. 25 luglio 1943. Bari ; Roma : Laterza, 2018. 313 p.
5. Baroni P. 8 settembre 1943: il tradimento! Milano : Greco & Greco, 2005. 182 p.
6. Джустини М.-Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941—1954. СПб. : Алетейя, 2010. 270 с.
7. Capponi C. *I partigiani sovietici nella resistenza prenestina*. Palestrina : Comune di Palestrina, 1994. 14 p.
8. Тарасов А. М. В горах Италии. Л. : Лениздат, 1960. 208 с.
9. Улица Анатолия Тарасова = Via Anatolij Tarasov. М. : Гелиос АРВ, 2021. 192 с.
10. Куликов И. Н. Об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении (1943—1945 гг.) // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 350—377.
11. Переладов В. Я. *Записки русского гарибальдийца*. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1988. 220 с.
12. Galleni M. *Partigiani sovietici nella Resistenza italiana*. Roma : Editori Riuniti, 1967. 247 p.
13. Комолова Н. П. Италия // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939—1945. Национальные особенности. М. : Наука, 1991. С. 11—53.
14. Лонго Л. Предисловие // Галлени М. Советские партизаны в итальянском движении сопротивления / пер. с итальян. под ред. Е. А. Бродского ; пер. А. Д. Данилов и А. А. Крылов. М. : Прогресс, 1970. С. 5—7.
15. Талалай М. Г. *Русские участники итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, легионеры*. М. : Старая Басманная, 2015. 407 с.

References

1. Petacco A. La nostra guerra 1940-1945 [Our War 1940-1945]. Milano, Mondadori, 1995, 378 p.
2. Holland J. The Savage Storm: The Battle for Italy 1943. New York, Atlantic Monthly Press, 2023, 565 p.
3. Pintor G. L'ora del riscatto. 25 luglio 1943 [The Hour of Redemption. July 25, 1943]. Roma, Castelveccchi, 2013, 57 p.
4. Gentile E. 25 luglio 1943 [July 25, 1943]. Bari, Roma, Laterza, 2018, 313 p.
5. Baroni R. 8 settembre 1943: il tradimento! [September 8, 1943: The Betrayal!]. Milano, Greco & Greco, 2005, 182 p.
6. Dzhusti M.-T. Ital'yanskije voennoplenny'e v SSSR. 1941-1954 [Italian prisoners of war in the USSR. 1941-1954]. St. Petersburg, Aletejya, 2010, 270 p.
7. Capponi C. I partigiani sovietici nella resistenza prenestina [Soviet Partisans in the Prenestina Resistance]. Palestrina, Comune di Palestrina, 1994, 14 p.
8. Tarasov A.M. V gorax Italii [In the Mountains of Italy]. Leningrad, Lenizdat, 1960, 208 p.
9. Ulicza Anatoliya Tarasova = Via Anatolij Tarasov [Anatoly Tarasov Street]. Moscow, Gelios ARV, 2021, 192 p.
10. Kulikov I.N. Ob uchastii sovetskix grazhdan v ital'yanskom Soprotivlenii (1943-1945 gg.) [On the Participation of Soviet Citizens in the Italian Resistance (1943-1945)], *Ob`edinenie Italii. 100 let bor'by` za nezavisimost` i demokratiyu [Unification of Italy. 100 years of struggle for independence and democracy]*. Moscow, Publ. AN SSSR, 1963, pp. 350-377.
11. Pereladov V.Ya. Zapiski russkogo garibal'dijca [Notes of a Russian Garibaldian]. Novosibirsk, Publ. Novosib. knizh. izd-vo, 1988, 220 p.
12. Galleni M. Partigiani sovietici nella Resistenza italiana [Soviet Partisans in the Italian Resistance]. Roma, Editori Riuniti, 1967, 247 p.
13. Komolova N.P. Italiya [Italy], *Dvizhenie Soprotivleniya v Zapadnoj Evrope. 1939-1945. Nacional'ny'e osobennosti [Resistance Movement in Western Europe. 1939-1945. National Characteristics]*. Moscow, Nauka, 1991, pp. 11-53.
14. Longo L. Predislovie [Preface], *Galleni M. Sovetskie partizany` v ital'yanskom dvizhenii soprotivleniya [Galleni M. Soviet Partisans in the Italian Resistance Movement]*. Moscow, Progress, 1970, pp. 5-7.
15. Talalaj M.G. Russkie uchastniki ital'yanskoj vojny` 1943-1945: partizany`, kazaki, legionery` [Russian Participants in the Italian War 1943-1945: Partisans, Cossacks, Legionnaires]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 407 p.

Информация об авторе

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, итальянист, специалист по русско-итальянским связям, член совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова, независимый исследователь, Милан, Италия. E-mail: talalaym@mail.ru

Information about the author

Mikhail G. Talalay — Candidate of Historical Sciences, Italianist, specialist in Russian-Italian relations, member of the board of the P. Muratov International Research Centre, independent researcher, Milan, Italy. E-mail: talalaym@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 51—65.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):51—65.

Борьба с фашизмом в СССР и движение Сопротивления в европейских странах

Научная статья
УДК 355.425(497.1)-054.7(=161.1):94"1939/45"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-51-65
EDN XGDTDW

Русские врачи-эмигранты — участники движения Сопротивления на территории Югославии

Милана Живанович

Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия, milana.zivanovic@yahoo.com

Аннотация. Апрельская война 1941 г. застала в Королевстве Югославия примерно 30 тыс. русских эмигрантов, которые в результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны (1918—1922) покинули Россию и в период с 1919 по 1923 г. приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) (с 1929 г. — Королевство Югославия). После разделения территории Югославии в результате вторжения Германии и Италии в страну в апреле 1941 г. и ее капитуляции большая часть представителей этого сообщества осталась пассивной, некоторые решили сотрудничать с немцами, но были и те, кто выбрал для себя путь активного сопротивления оккупантам. В борьбу с оккупантами на территории бывшей Югославии включились русские эмигранты — представители самых различных профессий (инженеры, художники, ученые, врачи). По подсчетам крупнейшего специалиста по истории русского зарубежья в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева, более 90 русских врачей и медсестер участвовали в движении Сопротивления. Русские врачи были специалистами в различных областях медицины. Большинство из тех, сведения о которых у нас есть, получили образование в самом Королевстве СХС (Королевство Югославия), некоторые вступали в Сопротивление будучи студентами медицинских факультетов. Среди боровшихся с фашизмом врачей были и представители первого поколения русских беженцев, в том числе участников Белого движения. В годы оккупации русские врачи, участвовавшие в партизанском движении, вступившие в Народно-освободительную армию Югославии, заведовали больницами, руководили эпидемиологической службой, внося таким образом вклад в борьбу с фашизмом. В статье приводятся биографические сведения лишь о некоторых из них.

Ключевые слова: русская эмиграция, движение Сопротивления, Вторая мировая война, антифашизм, партизанское движение, Югославия, оккупация, биография, врачи, медицина

Для цитирования: Живанович М. Русские врачи-эмигранты — участники движения Сопротивления на территории Югославии // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 51—65. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-51-65. EDN XGDTDW.

The fight against fascism in the USSR and the Resistance movement in European countries

Original article

Russian Emigrant Doctors — Participants in the Resistance Movement in Yugoslavia**Milana Zivanovic**

Institute of Contemporary History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia, milana.zivanovic@yahoo.com

Abstract. The April War of 1941 found approximately 30,000 Russian emigrants in the Kingdom of Yugoslavia. As a result of the revolutionary events of 1917 and the Civil War (1918-1922), they left Russia and came to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (KSS) (since 1929, the Kingdom of Yugoslavia) between 1919 and 1923. After the division of Yugoslavia as a result of the invasion of Germany and Italy in April 1941 and its capitulation, most of the representatives of this community remained passive, some decided to collaborate with the Germans, but there were also those who chose active resistance to the occupiers. Russian emigrants from a wide variety of professions (engineers, artists, academics, doctors) joined the fight against the occupiers on the territory of the former Yugoslavia. According to the calculations of the leading specialist in the history of the Russian diaspora in Yugoslavia, Aleksey Borisovich Arsenyev, more than 90 Russian doctors and nurses participated in the Resistance movement. Russian doctors were specialists in various fields of medicine. Most of those about whom we have information received their education in the Kingdom of Yugoslavia itself; some joined the Resistance as students of medical faculties. Among the doctors who fought fascism were representatives of the first generation of Russian refugees, including participants in the White movement. During the years of occupation, Russian doctors who participated in the partisan movement, joined the People's Liberation Army of Yugoslavia, ran hospitals, headed the epidemiological service, thus contributing to the fight against fascism. The article provides biographical information about only some of them.

Keywords: Russian emigration, Resistance movement, World War II, anti-fascism, partisan movement, Yugoslavia, occupation, biography, doctors, medicine

For citation: Zivanovic M. Russian Emigrant Doctors — Participants in the Resistance Movement in Yugoslavia. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):51—65. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-51-65>. <https://elibrary.ru/xgdttdw>.

В результате вторжения Германии и Италии в Королевство Югославия 6 апреля 1941 г. и последовавших за ним Апрельской войны и капитуляции страны 17 апреля того же года территория государства южных славян была разделена между соседними странами и недавно основанным Независимым государством Хорватия [1—4]. Вскоре после того, как немцы оккупировали Сербию, на этой территории возникло сопротивленческое движение: началась подготовка к вооруженному восстанию, которое летом 1941 г. подняли члены Коммунистической партии Югославии [5].

Апрельская война застала в Югославии примерно 30 тыс. эмигрантов из России, которые в результате революционных событий

1917 г. и Гражданской войны (1918—1922) в период с 1919 по 1923 г. приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) [6—8]. После развала страны, разделения и оккупации ее территории перед каждым из них стоял выбор дальнейшего пути. Большая часть представителей этого сообщества осталась пассивной, некоторые решили сотрудничать с немцами, но были и те, кто выбрал для себя путь активного сопротивления оккупантам [8], начав борьбу с фашизмом на территории Сербии, а также Независимого государства Хорватия. Они совершали акты сопротивления: действовали как в одиночку, так и в группах, организованно [9, р. 126—140]. В борьбу с оккупантами на территории бывшей Югославии включились русские эмигранты — представители самых различных профессий: инженеры, художники, ученые, врачи [10]. По подсчетам крупнейшего специалиста по истории русского зарубежья в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева, более 90 русских врачей и медсестер участвовали в движении Сопротивления [11]. По последним исследованиям, в Королевство сербов, хорватов и словенцев приехали по меньшей мере 530 врачей-эмигрантов [12, с. 31 ; 13 ; 14, с. 225—238]. Русские врачи — участники движения Сопротивления на территории Югославии были специалистами в различных областях медицины: офтальмологи, эпидемиологи и др. Большинство из них, сведения о которых у нас есть, получили образование в самом Королевстве СХС (Королевстве Югославии), вступали в движение Сопротивления и студенты медицинских факультетов. Среди боровшихся с фашизмом врачей были и представители первого поколения русских беженцев, в том числе участники Белого движения. В годы оккупации русские врачи занимали различные ответственные должности в партизанском движении, Народно-освободительной армии Югославии: они заведовали больницами, руководили эпидемиологической службой. В статье мы остановимся на биографиях русских врачей — участников движения Сопротивления на территории Югославии, написанных на основании различных источников: архивных материалов из сербских архивов, сборников документов, а также литературы на русском и сербском языках.

Одним из русских участников движения Сопротивления был эпидемиолог Никтополион Дмитриевич Чернозубов (1890, Нижний Новгород, Российская империя — 1967, Белград, СФРЮ), который в 1921 г. приехал в Королевство СХС, имея при себе диплом медицинского факультета Петроградского университета. С 1922 по 1930 г. он заведовал стационарной бактериологической станцией в г. Нови-Пазар (юго-запад Сербии), занимался профилактикой малярии и скарлатины, потом был заведующим бактериологическим отделением Дома народного здравоохранения в г. Осиек (Хорватия), с 1931 по 1943 г. — эпидемиологическим отделением в Институте гигиены и Школе народного здравоохранения в Загребе. Чернозубов организовал противоэпидемиологическую службу в Хорватии, занимался профилактикой тифа и паратифа в сельских районах страны, стал основателем Центра по идентификации и изучению сальмонеллы. Во время Второй мировой войны Никтополион Дмитриевич вместе с дочерью Татьяной оказывал помощь детям и женщинам

в лагере Ястребарско. В самом движении Сопротивления Чернозубов участвовал с мая 1943 г.: он возглавлял медицинский отдел Земельного антифашистского вече народного освобождения Хорватии — руководящего комитета антифашистского партизанского движения Хорватии. В 1944 г. Никтополион Дмитриевич был в составе санитарного отдела Главного штаба Хорватии, в сентябре того же года стал начальником эпидемиологического отдела Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Год спустя его назначили главным эпидемиологом Югославской народной армии, на этой должности находился до 1952 г. Одновременно Н. Д. Чернозубов являлся и директором Института гигиены Военно-медицинской академии в Белграде. В 1946 г. он стал экстраординарным, в 1958 г. — ординарным профессором эпидемиологии медицинского факультета Белградского университета. Со дня основания до 1958 г. Чернозубов был заведующим кафедрой гигиены. С 1947 г. он также являлся директором Института эпидемиологии. Н. Д. Чернозубов — один из организаторов противоэпидемиологической службы Югославии после Второй мировой войны. За эту деятельность югославские власти наградили Никтополиона Дмитриевича Чернозубова орденом «За заслуги перед народом» 2-й степени (1945). Именем Чернозубова назван Институт охраны здоровья в г. Кральево (Центральная Сербия) [12, с. 169 ; 14, с. 219—220 ; 15 ; 16, с. 173—175 ; 17 ; 18 ; 19, с. 182].

Еще один участник движения Сопротивления — эпидемиолог Владислав Михайлович Беляков (1905, Новониколаевск, Российская империя — 1968, Белград, СФРЮ). В 1920 г. вместе с учащимися кадетского корпуса эвакуировался в Королевство СХС. В 1931 г. он окончил медицинский факультет в Белграде. Став в 1932 г. югославским подданным, Беляков работал врачом, в 1939—1940 гг. служил в резерве 38-го полка в Подгорице (Черногория). В 1941 г. его призвали в армию: он служил врачом в 13-й базе в г. Мостаре (Босния и Герцеговина). Уже с апреля 1942 г. Беляков сотрудничал с партизанами: выдавал им деньги, лечил больных, привозил медикаменты, помогал организации неретванского партизанского отряда. К партизанам присоединился в июне 1942 г. В том же году стал и членом Коммунистической партии Югославии. Беляков являлся санитарным офицером биоковского партизанского отряда, врачом различных отрядов, заведующим несколькими больницами в Боснии. Владислав Михайлович был санитарным офицером сначала штаба 4-й оперативной зоны, потом 9-й далматинской дивизии, 3-й далматинской дивизии, 1-й далматинской ударной бригады, с октября 1943 г. — 26-й дивизии. Тогда же он получил приказ создать санитарную и военно-санитарную службу в южной Далмации (Хорватия), основать две больницы: для легко- и тяжелораненых. В ноябре 1944 г. Беляков становится эпидемиологом 8-го корпуса, потом врачом Центральной больницы Верховного штаба НОАЮ, с февраля 1945 г. — эпидемиологом 4-го корпуса НОАЮ, в апреле-мае 1945 г. Владислав Михайлович работает начальником санитарного отдела 4-го корпуса. В. М. Беляков участвовал в боях и высадках на островах Хвар, Корчула, Пелешац, Брач, Млет, в боях за Шибеник, Сплит, Книн, Мостар, Бихач, Триест. С мая по декабрь 1945 г. Беляков заведовал гос-

питалем 2-й армии в Сплите. В 1947 г. его произвели в подполковники и назначили начальником санитарного отдела 1-й армии. С февраля 1948 по 1956 г. Владислав Михайлович являлся начальником санитара ВВС. В 1950 г. ему было присвоено звание полковника. За свою деятельность Беляков был награжден орденами Партизанской звезды 3-й степени (1945), «За заслуги перед народом» 2-й степени (1945), Братства и единства 2-й степени (1947), Народной армии 2-й степени (1956) [17; 19, с. 177—193; 20—22; 23, с. 551; 24; 25].

Эпидемиолог Сергей Константинович Рамзин (1892, п. Сосновка Тамбовской губ., Российская империя — 1981, Белград, СФРЮ) учился на медицинском факультете Харьковского университета до призыва в армию в 1915 г. В 1918 г. Рамзин окончил Харьковский университет, начал интернатуру на кафедре гигиены и бактериологии. Сергей Константинович участвовал в Белом движении: был главным врачом 2-го гигиеническо-дезинфекционного отряда, заведующим бактериологической гарнизонной лабораторией в Керчи. Вместе с сотрудниками лаборатории он эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 г. В Пирее (Греция) Рамзин заведовал инфекционным отделением и лабораторией военного госпиталя для русских беженцев. В 1921 г. приехал в Королевство СХС, где стал членом первой антималярийной комиссии по Македонии: занимался выявлением и лечением заболевших, а также профилактикой малярии. Благодаря работе комиссии до октября 1921 г. эпидемиологическая обстановка в Струмичском крае стабилизировалась. С октября 1921 г. по ноябрь 1926 г. Сергей Константинович в качестве директора постоянной бактериологической станции в г. Шабац (Западная Сербия) открыл несколько амбулаторий, здравоохранительных станций. За эту работу Рамзина наградили орденом Святого Саввы 4-й степени. С ноября 1926 г. Сергей Константинович работал в Центральном гигиеническом институте в Белграде: заведовал отделением химиотерапии, потом — отделом им. Пастера, с 1928 г. — бактериологическо-эпидемиологическим отделом. Рамзин организовал службу дезинфекции, дератизации и дезинсекции, сотрудничал с санитарной службой муниципалитета Белграда в вопросах ликвидации инфекционных заболеваний. В 1930 г. Сергей Константинович стал главой общественной гигиены дирекции по вопросам здоровья и социального обеспечения муниципалитета Белграда. В апреле 1941 г. его назначили директором санитарной службы Белграда, в годы оккупации Рамзин проводил гигиеническо-эпидемиологические мероприятия. После освобождения Белграда от фашистов в 1944 г. его арестовали, но потом освободили по ходатайству Н. Д. Чернозубова. В ноябре 1944 г. Сергей Константинович вступил в народно-освободительное движение. По приказу санитарного отдела Верховного штаба НОАЮ он работал в инфекционном отделе подвижного госпиталя 3-го корпуса НОАЮ. Госпиталь являлся и центром профилактики инфекционных заболеваний в подразделениях, а также среди мирных жителей. До мая 1945 г. Сергей Константинович был главным эпидемиологом 3-го корпуса, до апреля 1946 г. — эпидемиологом 6-й армии Югославской народной армии, участвовал в ликвидации сыпного тифа. С 1946 по 1950 г. Рамзин занимал

должность начальника Военно-медицинского института, также являлся профессором гигиены Военно-медицинской академии [12, с. 55, 87, 155 ; 16, с. 117—118 ; 17 ; 26, с. 187—196].

Свой вклад в борьбу с фашизмом внесли Борис Михайлович Андерсин и Константин Иванович Кочергин. Барон Б. М. Андерсин (1898, Санкт-Петербург, Российская империя — ?), офицер кавалерии, участник Белого движения, окончил медицинский факультет в Белграде. В 1941 г. он вступил в движение Сопротивления, став врачом одного из партизанских отрядов. В 1941 г. Андерсин проводил обучающие санитарные курсы в больнице г. Ужице (Западная Сербия), находящемся под контролем партизан. Вместе с другими врачами в ноябре 1941 г. руководил эвакуацией из г. Ужице бойцов, раненных в бою с немцами близ Кадиньиче. В том бою, прикрывая отступление Верховного штаба НОАЮ от немцев, погиб почти весь личный состав радничкого батальона [12, с. 187 ; 13 ; 21 ; 27 ; 28].

Константин Иванович Кочергин (1904, слобода Михайловка Курской губернии, Российская империя — 1991, Яйце, СФРЮ) в 1933 г. окончил медицинский факультет в Белграде. В начале 1943 г. он был одним из четырех врачей, которые остались в Босанской краине, после отступления подразделения НОАЮ в центральную Боснию. Кочергин являлся санитарным офицером сначала Подгумечского военного округа, потом — 10-й дивизии, затем — Мрконичского военного округа. Врач также заведовал несколькими больницами. К. И. Кочергин был специалистом по грудным болезням. В 1966 г. награжден орденом Братства и единства с серебряным венком [12, с. 187 ; 17 ; 21 ; 29 ; 30]. Кроме Кочергина, по меньшей мере еще пятеро русских врачей-эмигрантов являлись начальниками партизанских больниц.

Николай Степанович Губарев (1901, Новочеркасск, Российская империя — ?) в 1929 г. окончил медицинский факультет в Загребе, в конце 1943 г. заведовал больницей в г. Пакрац (Хорватия). В январе 1944 г. его назначили санитарным офицером Пожешского округа, потом — заведующим больницей 6-го корпуса НОАЮ. В 1944 г. Губарев работал в военных госпиталях в Италии, куда по соглашениям с союзниками отправляли на лечение раненых и больных бойцов НОАЮ. Его произвели в капитаны. За свою деятельность Губарев был награжден орденом «За заслуги перед народом» 2-й степени (1945) [14, с. 229 ; 19, с. 177—193 ; 30 ; 31].

Василий Деркач (1888, Галиция — 1950, Загреб, Федеративная Народная Республика Югославия) в 1917 г. окончил медицинский факультет во Львове, в начале 1920-х гг. прошел интернатуру в офтальмологической клинике в Загребе, с 1925 по 1941 г. руководил станцией по ликвидации трахомы и офтальмологической клиникой в г. Прелог (север Хорватии). С 1938 по 1941 г. Деркач работал приват-доцентом медицинского факультета в Загребе, когда его уволили с работы. В годы войны сидел в лагерях Стара Градишка и Ясеновац. Осенью 1944 г. присоединился к движению Сопротивления в качестве начальника военного госпиталя командования Вировитического округа, потом заведующего отделом офтальмологии госпиталя VI/6d. Работал в Меджумурьи (север Хорватии), Прекмурьи

(северо-восток Словении), в Подравине (Северная Хорватия) [11 ; 32 ; 33, s. 137].

Борис Клавдиевич Ляхницкий (1898, Одесса, Российская империя — 1961, Загреб, СФРЮ), эпидемиолог, в 1930 г. окончил медицинский факультет в Загребе. С 1932 по 1942 г. работал врачом в м. Оклай (Хорватия). В июне 1942 г. вступил в движение Сопротивления. С августа 1942 г. по 1944 г. заведовал партизанскими госпиталями. С июня по август 1944 г. был помощником начальника военной больницы 11-го корпуса. До января 1945 г. Ляхницкий — эпидемиолог санитарного отдела штаба 4-го корпуса, в 1945 г. — санитарный офицер командования Шибеницкого военного округа, потом — Северодальматинского военного округа, командования г. Шибеник. С сентября 1944 по январь 1946 г. Ляхницкий был помощником начальника отделения областного военного госпиталя в Сплите, в 1946 г. — врачом военного округа г. Шибеник, потом — г. Сплит (Хорватия). С конца 1946 по 1952 г. Борис Клавдиевич заведовал амбулаториями, в 1952—1954 гг. являлся начальником отделения физиотерапии областного военного госпиталя 5-го военного округа, с 1954 по 1958 г. — военного госпиталя в Загребе. Представлен к орденам: «За заслуги перед народом» 2-й степени (1946), Братства и единства 2-й степени (1947), «За мужество» (1948), «За воинские заслуги» 2-й степени (1956) [14, с. 232 ; 17 ; 34 ; 35].

В движении Сопротивления на территории Югославии участвовали и братья-врачи Ляховы. Николай Николаевич Ляхов (1906, Астрахань, Российская империя — 1983, Белград, СФРЮ) в 1932 г. окончил медицинский факультет в Белграде, работал врачом. В июле 1943 г. его призвали в хорватские вооруженные силы как врача. В ноябре 1943 г. его отпустили как не принесшего присягу. Работал уездным врачом до июля 1944 г., когда вступил в НОАЮ добровольцем, назначен санитарным офицером Прняворского военного округа. С сентября 1944 г. Николай Николаевич был врачом, потом заведующим полевым госпиталем Славонской ударной дивизии. Участвовал в боях за освобождение Белграда, Биелины, Брчко, Добоя, Босанской Костайницы (Босния), Петрины, Загреба. По формировании санитарного батальона 28-й Славонской дивизии Ляхов был назначен командиром 1-й медицинской роты, продолжал заведовать госпиталем. После демобилизации в ноябре 1945 г. Н. Н. Ляхов уехал в Боснию, был назначен уездным референтом санитаров в м. Тешань — на протяжении многих лет был единственным врачом во всем уезде. Согласно отчету о работе уездного народного комитета м. Тешань, в 1950 г. он провел 33 360 осмотров пациентов. В 1970-е Николай Николаевич ушел на пенсию, но во время масштабных паводков в 1976 г. в м. Тешань помогал пострадавшим, осматривал пациентов, делал прививки [36].

Его брат, Кирилл Николаевич Ляхов (1907, Астрахань, Российская империя — 1984, Зворник, СФРЮ), с сентября 1944 г. был санитарным офицером 20-й Романийской бригады. С 1946 по 1955 г. работал единственным врачом в г. Зворник (Восточная Босния и Герцеговина), в 1956 г. стал директором городского центра общественного здоровья. Работу Кирилла Николаевича увековечили сценарист Абдула Сидран и кинорежиссер Эмир Кустурица в югославском

художественном фильме «Отец в командировке» [13 ; 21 ; 31 ; 37, s. 30].

В борьбе с фашизмом принимали участие и члены семьи В. О. Могильницкого, врачи-стоматологи. Председатель общества «Самопомощь» и «Прусская Бурса» в Галиции, общественный деятель Владимир Осипович Могильницкий (1871, Галиция — 1943, лагерь в Кобурге) в годы Первой мировой войны вместе с женой и сыном-гимназистом находился в австрийском лагере Талергоф, после войны работал стоматологом в г. Целье в Словении. В годы Второй мировой войны за участие в движении Сопротивления был интернирован гестапо в лагерь в Кобурге, где и умер в сентябре 1943 г. Его дочь, стоматолог, Мария Владимировна (1909, Бучач, Австро-Венгрия — 1942, Марибор, Словения), также участник движения Сопротивления, погибла в годы оккупации [18 ; 38 ; 39 ; 40, s. 32 ; 41, с. 95]. Сын Владимира Осиповича, Лев Владимирович Могильницкий (1901, Бучач, Австро-Венгрия — ?), во время пребывания родителей и брата в австрийском лагере прервал обучение в гимназии, работал, чтобы содержать младшего брата и сестру. После освобождения его семьи из лагеря, окончив гимназию, учился на медицинском факультете в Праге, потом в Любляне. В 1930 г. Лев Владимирович получил диплом медицинского факультета в Загребе. Могильницкий вел частную практику до ноября 1944 г., когда его мобилизовали в 1-ю Югославскую бригаду в качестве зубного врача. В 1945 г. Могильницкий становится начальником зубной амбулатории, потом зубным врачом центральной зубной амбулатории Министерства народной обороны Югославии. С 1946 по 1956 г. работает преподавателем в санитарно-офицерском училище. В 1947 г. произведен в капитаны, в 1950 г. — в майоры, в 1956 г. — в подполковники. Югославские власти наградили Льва Владимировича орденами «За заслуги перед народом» 3-й степени (1948), «За воинские заслуги» 3-й степени (1955) [39 ; 42].

В югославском движении Сопротивления участвовали и будущие врачи. Одним из них был Георгий Владимирович Бурницкий (1920—2000, Марибор, Республика Словения), который в 1944 г. вступил в НОАЮ, работал ассистентом главного хирурга Козьянского округа, до февраля 1945 г. — в 4-й оперативной зоне [11]. Сергей Васильевич Прокопенко (1921/1922, г. Прокупле, Королевство СХС — ?) уже с 1941 г. участвовал в борьбе с оккупантами, будучи студентом, а затем, работая врачом в г. Нише (Юго-Восточная Сербия), Прокопенко вместе с другими студентами медицинского факультета собирал медикаменты для партизанских отрядов и лечил раненых бойцов [21 ; 27].

Владимир Александрович Борисевич (1914, Рига, Российская империя — 1968, Бор, Югославия) в 1935 г. поступил на медицинский факультет в Белграде, являлся членом коммунистического студенческого движения. Во время оккупации за участие в различных акциях интернирован в лагерь в г. Чока и Бая, где подвергался пыткам. В сентябре 1944 г. Борисевич вступил в ряды Народно-освободительной армии Югославии, до 15-го мая 1945 г. воевал в рядах 13-й Воеводинской ударной бригады. Награжден медалью «За отвагу» (1946), орденом «За заслуги перед народом» (1946) [43 ; 44].

Среди павших в борьбе с фашизмом в годы Второй мировой войны есть и русские врачи-эмигранты. Сергей Шемякин (1898—1944) в межвоенный период служил в Югославской королевской армии начальником санитарной службы 14-го артиллерийского полка в г. Вараждин (Хорватия). Также он помогал гражданским, лечил их бесплатно. После капитуляции Югославии Шемякин открыто высказывался против немцев и усташей в Независимом государстве Хорватия, связался с партизанами и вместе с супругой помогал антифашистам, в основном лекарствами, должен был присоединиться к партизанам вместе с дивизионом, в котором служил врачом, но заболел. В результате его арестовали усташы и отправили в тюрьму Лепоглава, недалеко от г. Вараждин. В 1944 г. Шемякина вместе с другими заключенными вывезли в район шахты Голубовец и расстреляли [45, с. 305].

Во время оккупации Сербии погиб и югославский подданный с 1929 г. Дмитрий Александрович Шумаков (1900, Таганрог, Российская империя — 1941, н. п. Кокин Брод), который в 1930 г. окончил медицинский факультет в Белграде. Он заведовал отделением внутренних болезней в госпитале в г. Ужице (Западная Сербия), потом работал врачом государственной больницы в г. Скопье (Македония), с октября 1941 г. — врачом в партизанской больнице в Ужице. Дмитрий Александрович Шумаков погиб от рук четников месяц спустя у н. п. Кокин Брод, в ходе первого наступления немцев [12, с. 186 ; 18 ; 21 ; 27 ; 46, с. 150 ; 47, с. 140].

Судьбы переживших войну русских врачей — участников движения Сопротивления складывались по-разному. Евгений Иванович Шерстнев, вступивший в НОАЮ в октябре 1943 г. после освобождения партизанскими подразделениями г. Тузла (Босния), стал заведующим медицинским отделом, сформированным при Областном народно-освободительном комитете Восточной Боснии, внес вклад в развитие социальной медицины [17 ; 48]. Борис Ильич Пирошков (1917, Одесса, Российская империя — 1988, Белград, СФРЮ), окончивший в 1941 г. медицинский факультет в Белграде и служивший в годы оккупации санитарным офицером 23-й дивизии, после Второй мировой войны много лет работал врачом Службы скорой медицинской помощи в Белграде. С 1966 г. он был начальником медицинской службы станции скорой медицинской помощи в Белграде [12, с. 190 ; 21 ; 30]. После Второй мировой войны упоминаемые выше Н. Д. Чернозубов, В. М. Беляков и С. К. Рамзин занимали высокие руководящие должности.

Тяжелая участь постигла Прокопенко и Борисевича. На фоне советско-югославского конфликта и начавшихся репрессий югославских властей в отношении представителей русского зарубежья Прокопенко был арестован уже в августе 1948 г., освобожден спустя 7 лет — в 1955 г. [49, с. 309 ; 50, с. 397]. Борисевича арестовали в августе 1951 г., в ноябре того же года военный суд в Нови-Саде приговорил его к 12 годам колонии строгого режима по делу о «ведении вражеской пропаганды». Владимир Александрович отбывал наказание в г. Билеча (Босния и Герцеговина) и на острове Голи-Оток (Адриатика). Его освободили в декабре 1956 г. [43].

Многое пришлось пережить и Петру Владимировичу Борисову, гинекологу и историку медицины (1921, Любляна, Королевство СХС — 2011, Любляна, Словения). Будучи гимназистом, он присоединился к партизанам в 1942 г., в том же году его арестовали и отправили в лагерь, где он находился до 1945 г. По окончании Второй мировой войны Борисов учился на медицинском факультете в Любляне, однако обучение было прервано пребыванием в заключении на острове Голи-Оток (1952—1953). В 1954 г. Петр Владимирович окончил университет, с 1961 г. Борисов работал в клинике женских болезней и акушерства в Любляне, в гинекологических отделениях в г. Мурска-Соботе и Мариборе (Словения). В 1962 г. назначен заведующим женской амбулаторией Центра здоровья Любляны — Вич. В 1974 г. Борисов защитил докторскую диссертацию «Очерк развития хирургии в Словении до начала XX века и ее вклад в развитие словенской научной медицины», в 1975 г. избран доцентом кафедры истории медицины медицинского факультета в Любляне; с 1976 по 1990 г. руководил Институтом истории медицины медицинского факультета в Любляне; в 1980 г. стал экстраординарным, в 1985 г. — ординарным профессором истории медицины медицинского факультета в Любляне. Награжден орденом Труда с золотым венком (1982) [49, с. 305 ; 51, s. 120 ; 52, s. 158—159].

Русские врачи внесли большой вклад в борьбу с фашизмом на территории Югославии. В послевоенный период их заслуги были отмечены властями социалистической Югославии, они были представлены к государственным наградам, некоторые из них — к высшим.

Список источников

1. Drugi svetski rat (pregled ratnih operacija). Događaji od početka rata do 22. juna 1941. Beograd : Vojni istoriski institute Jugoslovenske narodne armije, 1957. 596 s.
2. Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza. 1—2. Beograd : Narodna knjiga ; Ljubljana ; Beograd : Partizanska knjiga ; Titograd : Pobjeda, 1982, 1983.
3. Милкић М. Априлски рат — 12 дана отпора // Одбрана, специјални прилог. 2017. № 166. 32 с.
4. Petranović B. Srbija u Drugom svetskom ratu 1939—1945. Beograd : Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. 789 s.
5. Глишић В. Комунистичка партија Југославије у Србији 1941—1945. Београд : Рад, 1975. 375 с.
6. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 с.
7. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920—1940). Београд : Чигоја штампа, 2006. 559 с.
8. Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941—1945. Београд : Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.
9. Živanović M. Russian Émigrés in the Resistance Movement in the Territories of Yugoslavia, 1941—1945 — The Scale, Range and Results of Their Activities // Anti-Axis Resistance in Southeastern Europe, 1939—1945. Paderborn : Brill, 2023. P. 126—140.
10. Сорокина М. Ю., Живанович М. Книга памяти русских эмигрантов — антифашистов в годы Второй мировой войны в Югославии. Белград : Русский научный институт, 2025. 277 с.

11. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Югославии: избранные статьи = Арсеньев. Рус-ка емиграција у Југославији: изабрани чланци : в 2 т. Т. 2. Београд, 2024. 632 с.
12. Литвињенко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд : Српско лекарско друштво, 2007. 197 с.
13. Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: био-графический словарь и анкеты (1918—1946) / М. М. Горинов-мл., М. Ю. Сорокина. Белград : Архив Югославии ; М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солже-ницына, 2012. 453 с.
14. Пушкadia-Рыбкина Т. В., Грубмайр И. И. Эмигранты из России в Загребе: жизни и судьбы. Загреб : Sveučilišna tiskara d. о. о., 2019. 440 с.
15. Государственный архив Сербии. Ф. Г—183. IV—32.
16. Сорокина М. Ю. Русский адрес Белграда: профессора Белградского университета. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. 196 с.
17. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941—1945. Knj. 2, Nastanak i razvoj sanitetske službe u oružanim snagama narodnooslobodilačkog pokreta u Bosni i Hercegovini, Crnoj Gori, Hrvatskoj i Makedoniji. Beograd : Vojnoizdavački i novinski centar : Sanitetska uprava SSNO, 1989. 509 s.
18. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941—1945. Knj. 4. Iskustva sanitetske službe NOV i POJ (JA) iz četvorogodišnjeg narodnooslobodilačkog rata (1941—1945). Beograd : Vojnoizdavački i novinski centar : Sanitetska uprava SSNO, 1989. 602 s.
19. Живанович М. Награждения представителей русского зарубежья орденами социа-листической Югославии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 1. С. 177—193.
20. Военный архив. Фонд Югославской народной армии. Оп. 35. Д. 494.
21. Исторический архив Белграда. Ф. 1. Картотека граждан, живущих в Белграде и Зе-муне.
22. Службене новине. 1933. № 44.
23. Vojna enciklopedija. 1. Abadan-Brčko. Beograd : Vojnoizdavački zavod, 1970. 798 s.
24. Борба. 1945. 13 июня. С. 1.
25. Борба. 1968. 20 окт. С. 14.
26. Обрадовић М. Рамзин др Сергије Константинович: улога и допринос српској меди-цини XX века // Историја медицине, фармације и народне медицине : зборник радо-ва са XV научног скупа одржаног 24—25 маја 2006 године у Зајечару. Београд : Ин-ститут за савремену историју ; Зајечар : Историјски архив «Тимочка крајина», 2007. С. 187—196.
27. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941—1945. Knj. 3. Nastanak i razvoj sanitetske službe u oružanim snagama narodnooslobodilačkog pokreta u Sloveniji, Srbiji, Vojvodini, Kosovu i Metohiji. Beograd : Vojnoizdavački i novinski centar: Sanitetska uprava SSNO, 1989. 461 s.
28. Užička republika 2. Beograd : Eksport-pres, 1978. 423 s.
29. Службене новине. 1936. № 13.
30. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941—1945. Knj. 1. Sani- tetska služba pri Vrhovnom štabu NOV POJ i u neposredno potčinjenim jedinicama. Beo- grad : Vojnoizdavački i novinski centar, 1989. 399 s.
31. Građa za historiju narodnooslobodilačkog pokreta u Slavoniji. Knjiga X (1. I 1944 — 31. I 1944). Slavonski Brod : Centar za društvena istraživanja Slavonije i Baranje, 1984. 515 s.
32. Dugački V. Hrvatski biografski leksikon. Leksikografski zavod Miroslav Krleža 2009— 2020 // Portal znanja LZMK. URL: <https://hbl.lzmk.hr/clanak/derkac-vasilj> (дата обра- щения: 18.01.2025).
33. Medicinski fakultet Sveučilište u Zagrebu. 1917—2017. Zagreb : Sveučilište u Zagrebu, Medicinski fakultet, 2017. 852 s.
34. Военный архив. Фонд Югославской народной армии. Оп. 59. Д. 883.
35. Службен лист. 1946. 18 окт.
36. Kantić R. Ponešto o Tešnju i njegovim ljudima. Tešanj : Planjax, 2008. 218 s.

37. Kod. Časopisa komore doktora medicine Republike Srpske. 2013. Jun. S. 30—31.
38. Исторический архив Белграда. Ф. 492. Оп. 20. Д. 820.
39. Военный архив. Фонд Югославской народной армии. Оп. 270. Д. 4049.
40. Vulikić V. Kratak pregled začetkov povojnega zobozdravstva na Slovenskem 2. Prva leta Zobozdravstvenehga vestnika // ISIS. Glasilo zdravniške zbornice Slovenije. 2011. № 1. S. 50—52.
41. Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М. : Имперская традиция. 2007. 192 с.
42. Службени лист. 1948. 22 сент.
43. Biografija lekara Vladimira Borisevića : рукопись из личного архива А. Б. Арсеньева.
44. Биография Тамары Александровны Арсеньевой, урожд. Борисевич : рукопись из личного архива А. Б. Арсеньева.
45. Očak I. Ruski emigrant i narodnooslobodilačka borba naroda Jugoslavije // Historijski zbornik. 1987. № 1. S. 297—307.
46. Цветови у огњу: изгинули у рату 1941—1945. године у општини Титово Ужице. Титово Ужице : Историјски архив, 1970. 384 с.
47. Шкоро Г. Истина је у именима: страдали у ужичком округу у Другом светском рату. Ужице : Спомен обележје Кадињача, 2002. 292 с.
48. Istočna Bosna u NOB-u 1941—1945. Sjećanja učesnika. Druga knjiga. Beograd : Vojnoizdavački zavod, 1971. 725 s.
49. Тимофеев А. Ю. Сломанные судьбы. 1948—1953 гг.: репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. С. 294—311.
50. Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије. Београд : Архив Србије ; Институт за савремену историју, 2016. 527 с.
51. Brumec V. Peter Borisov — osemdesetletnik // Zdravniški vestnik. 2002. № 71. S. 120.
52. Zupanić Slavec Z. In memoriam Prof. Dr. Peter Borisov (1921—2011) // Zdravniški vestnik. 2011. № 80. S. 158—159.

References

1. Drugi svetski rat (pregled ratnih operacija). Događaji od početka rata do 22. juna 1941 [World War II (overview of war operations). Events from the beginning of the war to June 22, 1941]. Beograd, Vojni istoriski institute Jugoslovenske narodne armije, 1957, 596 p.
2. Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza. 1-2 [The Collapse of the Kingdom of Yugoslavia in 1941. Causes and Consequences of the Defeat. 1-2]. Beograd, Narodna knjiga, Ljubljana, Beograd, Partizanska knjiga, Titograd, Pobjeda, 1982, 1983.
3. Milkić M. Aprilski rat - 12 dana otpora [April War - 12 Days of Resistance], *Odbrana, specijalni prilog [Defense, special feature]*, 2017, no. 166, 32 p.
4. Petranović V. Srbija u Drugom svetskom ratu 1939-1945 [Serbia in the Second World War 1939-1945]. Beograd, Vojnoizdavački i novinski centar, 1992, 789 p.
5. Glišić V. Komunistička partija Jugoslavije u Srbiji 1941-1945 [Communist Party of Yugoslavia in Serbia 1941-1945]. Beograd, Rad, 1975, 375 p.
6. Jovanović M. Doseľavaňe ruských izbegliců u Kraljevini SHS 1919-1924 [Immigration of Russian refugees to the Kingdom of Serbs, Croats, 1919-1924]. Beograd, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
7. Jovanović M. Ruska emigracija na Balkanu (1920-1940) [Russian emigration to the Balkans (1920-1940)]. Beograd, Chigoja štampa, 2006, 559 p.
8. Timofeev A. Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruských emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941—1945 [Russians and World War II in Yugoslavia: the influence of the USSR and Russian emigrants on the events in Yugoslavia 1941-1945]. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2011, 464 p.

9. Živanović M. Russian Émigrés in the Resistance Movement in the Territories of Yugoslavia, 1941-1945 - The Scale, Range and Results of Their Activities, *Anti-Axis Resistance in Southeastern Europe, 1939—1945*. Paderborn, Brill, 2023, pp. 126-140.
10. Sorokina M.Yu., Zhivanovich M. Kniga pamyati russkix e'migrantov - antifashistov v gody` Vtoroj mirovoj vojny` v Jugoslavii [Book of Memory of Russian Emigrants - Anti-Fascists during the Second World War in Yugoslavia]. Belgrad, Russkij nauchny`j institut, 2025, 277 p.
11. Arsen'ev A.B. Russkaya e'migraciya v Jugoslavii: iz-branny'e stat'i = Арсе́ев. Руска емиграција у Југославији: изабрани чланци [Russian Emigration in Yugoslavia: Selected Articles] in 2 vol., vol. 2. Beograd, 2024, 632 p.
12. Litvinenko S. Ruski lekari u Srbiji i Czirnoj Gori [Russian Doctors in Serbia and Montenegro]. Beograd, Srpsko lekarsko drushtvo, 2007, 197 p.
13. Gorinov-m. M.M., Sorokina M.Yu. (eds.) Rossijskie vrachi v Korolevstve serbov, xorvatov i slovencev / Yugoslavii: biografičeskij slovar` i ankety` (1918-1946) [Russian Doctors in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes/Yugoslavia: Biographical Dictionary and Surveys (1918-1946)]. Belgrad, Arxiv Jugoslavii, Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna, 2012, 453 p.
14. Pushkadiya-Ry'bkina T.V., Grubmajr I.I. E'migranty` iz Rossii v Zagrebe: zhizni i sud'by` [Emigrants from Russia to Zagreb: Lives and Fates]. Zagreb, Sveučilišna tiskara d. o. o., 2019, 440 p.
15. *Gosudarstvenny`j arxiv Srbije [State Archives of Serbia]*, coll. G—183, IV—32.
16. Sorokina M.Yu. Russkij adres Belgrada: professora Belgradskogo universiteta [Russian Address of Belgrade: Professors of Belgrade University]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna, 2021, 196 p.
17. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941-1945 [Medical Service in the National Liberation War of Yugoslavia 1941-1945]. Knj. 2, Nastanak i razvoj sanitetske službe u oružanim snagama narodnooslobodilačkog pokreta u Bosni i Hercegovini, Crnoj Gori, Hrvatskoj i Makedonij [The Origin and Development of the Medical Service in the Armed Forces of the National Liberation Movement in Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Croatia and Macedonia]. Beograd, Vojnoizdavački i novinski centar, Sanitetska uprava SSNO, 1989, 509 p.
18. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941-1945 [Medical Service in the National Liberation War of Yugoslavia 1941-1945]. Knj. 4. Iskustva sanitetske službe NOV i POJ (JA) iz četvorogodišnjeg narodnooslobodilačkog rata (1941-1945) [Experiences of the Medical Service NOV and POJ (JA) from the Four-Year War of National Liberation (1941-1945)]. Beograd, Vojnoizdavački i novinski centar, Sanitetska uprava SSNO, 1989, 602 p.
19. Zhivanovich M. Nagrazhdeniya predstavitelej russkogo zarubezh'ya ordenami socialističeskoj Jugoslavii [Awarding of the Orders of Socialist Yugoslavia to Representatives of the Russian Diaspora], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana [Studia Slavica et Balcanica Petropolitana]*, 2023, no. 1, pp. 177-193.
20. *Voenny`j arxiv. Fond Jugoslavskoj narodnoj armii [Military archive. Yugoslav People's Army Files]*, aids. 35, fol. 494.
21. *Istoricheskij arxiv Belgrada* [Historical Archives of Belgrade], coll. 1. Kartoteka grazhdan, zhivushhix v Belgrade i Zemune [Card index of citizens living in Belgrade and Zemun].
22. *Sluzhbene novine [Official Gazette]*, 1933, no. 44.
23. *Vojna enciklopedija. 1. Abadan-Brčko* [Military encyclopedia.1. Abadan-Brčko]. Beograd, Vojnoizdavački zavod, 1970, 798 p.
24. *Borba [Fight]*, 1945, 13 June, p. 1.
25. *Borba [Fight]*, 1968, 20 October, p. 14.
26. Obradović M. Ramzin dr Sergije Konstantinovich: uloga i doprinos srpskoj medicini XX veka [Ramzin, Dr. Sergije Konstantinovich: Role and Contribution to Serbian Medicine of the 20th century], *Istorija medicine, farmacije i narodne medicine [History of Medicine, Pharmacy and Folk Medicine]*, zbornik radova sa XV nauchnog skupa od-

- rzhanog 24-25 May 2006 godine u Zajecharu. Beograd, Institut za savremenu istoriju, Zajechar, Istorijiski arxiv "Timochka krajina", 2007, pp. 187-196.
27. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije 1941-1945 [Medical service in the National Liberation War of Yugoslavia 1941-1945]. Knj. 3. Nastanak i razvoj sanitetske službe u oružanim snagama narodnooslobodilačkog pokreta u Sloveniji, Srbiji, Vojvodini, Kosovu i Metohiji [The origin and development of the medical service in the armed forces of the national liberation movement in Slovenia, Serbia, Vojvodina, Kosovo and Metohija]. Beograd, Vojnoizdavački i novinski centar: Sanitetska uprava SSNO, 1989, 461 p.
 28. Užička republika 2 [Republic of Uzice 2]. Beograd, Eksport-pres, 1978, 423 p.
 29. *Sluzhbene novine* [Official Gazette], 1936, no. 13.
 30. Sanitetska služba u Narodnooslobodilačkom ratu Jugo-slavije 1941-1945 [Medical service in the National Liberation War of Yugoslavia 1941-1945]. Knj. 1. Sanitetska služba pri Vrhovnom štabu NOV POJ i u neposredno potčinjenim jedinicama [Medical service at the Supreme Headquarters of the NOV POJ and in directly subordinate units]. Beograd, Vojnoizdavački i novinski centar, 1989, 399 p.
 31. Građa za historiju narodnooslobodilačkog pokreta u Sla-voniji. Knjiga X (1. I 1944 - 31. I 1944) [Material for the history of the national liberation movement in Slavonia. Book X (January 1, 1944 - January 31, 1944)]. Slavonski Brod, Centar za društvena istraživanja Slavonije i Baranje, 1984, 515 p.
 32. Dugački V. Hrvatski biografski leksikon. Leksikografski zavod Miroslav Krleža 2009-2020 [Croatian biographical lexicon. Lexicographic Institute Miroslav Krleža 2009-2020], *Portal znanja LZMK* [Portal of knowledge LZMK]. Available at: <https://hbl.lzmk.hr/clanak/derkac-vasilj> (accessed: 18.01.2025).
 33. Medicinski fakultet Sveučilište u Zagrebu. 1917-2017 [Faculty of Medicine, University of Zagreb. 1917-2017]. Zagreb, Sveučilište u Zagrebu, Medicinski fakultet, 2017, 852 p.
 34. *Voenny`j arxiv. Fond Jugoslavskoj narodnoj armii* [Military Archive. Yugoslav People's Army Files], aids. 59, fol. 883.
 35. *Sluzhben list* [Official Gazette], 1946, 18 October.
 36. Kantić R. Ponešto o Tešnju i njegovim ljudima [Something about Tešnje and his people]. Tešanj, Planjax, 2008, 218 p.
 37. *Kod. Časopisa komore doktora medicine Republike Srpske* [The code. Journal of the Chamber of Medical Doctors of the Republic of Srpska], 2013, June, pp. 30-31.
 38. *Istoricheskij arxiv Belgrada* [Historical Archive of Belgrade], coll. 492, aids. 20, fol. 820.
 39. *Voenny`j arxiv. Fond Jugoslavskoj narodnoj armii* [Military Archive. Yugoslav People's Army Files], aids. 270, fol. 4049.
 40. Vulikić V. Kratek pregled začetkov povojnega zobozdravstva na Slovenskem 2. Prva leta Zobozdravstvenehga vestnika [A brief overview of the beginnings of post-war dentistry in Slovenia 2. The First Summer of Dentistry], *ISIS. Glasilo zdravniške zbornice Slovenije* [ISIS. Gazette of the Medical Association of Slovenia], 2011, no. 1, pp. 50-52.
 41. Pashaeva N.M. Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX-XX vv. [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th-20th centuries]. Moscow, Imperskaya tradiciya, 2007, 192 p.
 42. *Sluzhbeni list* [Official Gazette], 1948, 22 September.
 43. Biografija lekara Vladimira Boriseviča [Biography of doctor Vladimir Borisevich], rukopis` iz ličnogo arxiva A. B. Arsen`eva [Collection of A. B. Arsenyev].
 44. Biografiya Tamary` Aleksandrovny` Arsen`evoy, urozhd. Borisevich [Biography of Tamara Alexandrovna Arsenyeva, nee Borisevich], rukopis` iz ličnogo arxiva A. B. Arsen`eva [Collection of A. B. Arsenyev].
 45. Očak I. Ruski emigrant i narodnooslobodilačka borba na-roda Jugoslavije [Russian emigrant and the national liberation struggle of the people of Yugoslavia], *Historijski zbornik* [Historical collection], 1987, no. 1, pp. 297-307.
 46. Cvetovi u ognju: izginuli u ratu 1941-1945. godine u opshtini Titovo Uzhice [Flowers in Fire: Those Who Died in the War of 1941-1945 in the Municipality of Titovo Užice]. Titovo Uzhice, Istorijiski arxiv, 1970, 384 p.

47. Shkoro G. Istina je u imenima: stradali u uzhichkom okrugu u Drugom svetskom ratu [The truth is in the names: those who died in the Užice district in World War II]. Užice, Spomen obeležje Kadiňacha, 2002, 292 p.
48. Istočna Bosna u NOB-u 1941-1945. Sjećanja učesnika. Druga knjiga [Eastern Bosnia in the NOB 1941-1945. Memories of the participants. The second book]. Beograd, Vojnoizdavački zavod, 1971, 725 p.
49. Timofeev A.Yu. Slomanny'e sud'by'. 1948-1953 gg.: repressii pervogo poslevoennogo desyatiletija protiv russkoj e'migracii v Yugoslavii (po materialam Upravljeniya gosudarstvennoj bezopasnosti) [Broken destinies. 1948-1953: repressions of the first post-war decade against Russian emigration in Yugoslavia (based on materials from the State Security Directorate)], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad], 2019, pp. 294-311.
50. Zatočenici Golog Otoka: registar licza osuđivanix zbog Informbiroa: dokument Uprave državne bezbednosti FNR Jugoslavije [Detainees of Golog Otok: register of persons convicted of the Informbiro]. Beograd, Arxiv Srbije, Institut za savremenu istoriju, 2016, 527 p.
51. Brumec V. Peter Borisov - osemdesetletnik [Peter Borisov - octogenarian], *Zdravniški vestnik* [Medical journal], 2002, no. 71, p. 120.
52. Zupanić Slavec Z. In memoriam Prof. Dr. Peter Borisov (1921-2011) [In memoriam Prof. dr. Peter Borisov (1921-2011)], *Zdravniški vestnik* [Medical journal], 2011, no. 80, pp. 158-159.

Информация об авторе

Живанович Милана — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Information about the author

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 27.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Борьба с фашизмом в СССР и движение Сопротивления
в европейских странах

Научная статья
УДК 356.15:94(450)"1939/45"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-66-75
EDN NFWHCF

**Пал в борьбе за освобождение Италии: советский
партизан Геннадий Агламов**

Мария Магдалена Ломбарди¹, Михаил Григорьевич Талалай²

¹ Институт высшего образования Чампини-Боккардо, Нови-Лигуре, Италия

² Международный научно-исследовательский центр Павла Муратова, Милан, Италия

¹ mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

² talalaym@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты поиска данных о советском партизане, участнике итальянского Сопротивления, павшем в предместье города Нови-Лигуре (Пьемонт) в апреле 1945 г., накануне окончательного краха нацифашизма в Италии. Согласно итальянским источникам, его звали «Денади Агламор», однако ряд сведений позволил авторам данной статьи восстановить его настоящее имя — Геннадий Николаевич Агламов. Красноармеец, 1923 года рождения, призванный в начале Великой Отечественной войны из Свердловска, где работал автомехаником. Он попал в немецкий плен и был отправлен на трудовые работы в Италию. Из плена ему удалось бежать и влиться в отряд местных партизан под боевым прозвищем Дженнаро. Отправленный, вероятно, на рекогносцировку вместе с двумя другими партизанами-итальянцами, Г. Н. Агламов был убит карателями, позднее погребен на городском кладбище г. Нови-Лигуре в почетной крипте партизан. Из-за неопределенности сведений о бойце на его плите поставили лапидарное: «Советский партизан».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Геннадий Николаевич Агламов, советские партизаны, нацифашизм, итальянское Сопротивление, г. Нови-Лигуре, Италия

Для цитирования: Ломбарди М.-М., Талалай М. Г. Пал в борьбе за освобождение Италии: советский партизан Геннадий Агламов // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 66—75. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-66-75. EDN NFWHCF.

The fight against fascism in the USSR and the Resistance movement in European countries

Original article

Died in the Fight for the Liberation of Italy: Soviet Partisan Gennady Aglamov

Maria Maddalena Lombardi¹, Mikhail G. Talalay²

¹ Institute of Higher Education Ciampini-Boccardo, Novi Ligure, Italy

² Pavel Muratov International Research Center, Milan, Italy

¹ mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

² talalaym@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a search for information about a Soviet partisan, a participant in the Italian Resistance, who died in the suburbs of Novi Ligure (Piedmont) in April 1945, on the eve of the final collapse of Nazifascism in Italy. According to Italian sources, his name was Denadi Aglamore, but a number of details allowed the authors of this article to restore his real name — Gennady Nikolaevich Aglamov. A Red Army soldier, born in 1923, called up at the beginning of the Great Patriotic War from Sverdlovsk, where he worked as a car mechanic. He was captured by the Germans and sent to labor in Italy. He managed to escape from captivity and join a detachment of local partisans under the combat nickname Gennaro. Sent, probably on reconnaissance together with two other Italian partisans, G.N. Aglamov was killed by punitive forces and later buried in the city cemetery of Novi Ligure in the honorary crypt of partisans. Due to the uncertainty of information about the fighter, there is the laconic inscription *Soviet partisan* on his tombstone.

Keywords: World War II, Gennady Nikolaevich Aglamov, Soviet partisans, Nazifascism, Italian Resistance, Novi Ligure, Italy

For citation: Lombardi M.-M., Talalay M.G. Died in the Fight for the Liberation of Italy: Soviet Partisan Gennady Aglamov. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):66—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-66-75>. <https://elibrary.ru/nfwhcf>.

Пьемонтский городок Нови известен в европейской историографии благодаря сражению, которое произошло 4 (15 нов. ст.) августа 1799 г. во время Итальянского похода. Здесь была одержана победа союзной русско-австрийской армии под командованием А. В. Суворова над французскими республиканскими войсками, занимавшими север Апеннинского полуострова. Это сражение стало одним из самых кровопролитных. Французы потеряли убитыми и ранеными 6 500 солдат, 2 000 пропали без вести. Приблизительные потери союзной русско-австрийской армии (которые так и не были уточнены) составили более 5 000 австрийцев и 2 500 русских. Современный город, ставший в 1863 г. называться Нови-Лигуре, хранит множество воспоминаний о той битве: это диорама сражения, экспонаты краеведческого музея, памятник А. В. Суворову на одной частной вилле и т. д. [1]

Казалось бы, после окончания Наполеоновских войн и объединения Италии в 1860-х гг. мир в этих краях установился навсегда.

Но это было не так. В 1943 г. на эти земли вновь пришла война: на севере Италии, оккупированной Вермахтом, возникла эфемерная Итальянская социальная республика (прозванная Республикой Сало) во главе с Муссолини. Фашистский режим возродился, теперь уже в немецких штыхах. Однако еще до прихода регулярной армии англо-американских союзников тут возникло партизанское движение за освобождение Италии от нацифашизма¹. Особенно массовым оно стало в горных районах Лигурии, Пьемонта и Ломбардии. Применительно к участникам Сопротивления здесь появилось выражение «уйти в горы». Среди партизан оказалось много советских людей, бежавших из нацистского плена, а также тех, кто был вовлечен немцами в коллаборационистские военные корпуса, прежде всего в так называемые Восточные легионы.

В Италии снова стала проливаться кровь, в том числе и русская. Самым известным эпизодом стала героическая гибель партизана Федора Полетаева, павшего под Канталупо-Лигуре. Этот легендарный партизан удостоен высших итальянских и советских наград.

Весной 2025 г., в канун 80-летия Великой Победы над фашизмом, стали известны точное имя и обстоятельства гибели в этих краях еще одного советского партизана — Геннадия Николаевича Агламова. Точное имя антифашиста долгое время оставалось неизвестным. Скупые данные о нем изложены в карточке Лигурийской комиссии по признанию партизанского статуса (Commissione ligure per il riconoscimento della qualifica di partigiano) [2], работавшей по окончании войны (фото 1).

На заранее отпечатанном бланке со штампом *Caduto per la lotta di Liberazione* «Павший в борьбе за освобождение» вписаны странные фамилия и имя: Эгломор Дженнаро. В рубрике «боевое прозвание» повторено имя Дженнаро, хотя по конспиративным правилам партизаны всегда меняли личное имя бойцов на прозвище. Следовательно, в данном случае составители карточки просто не знали настоящего имени.

Его формированием обозначена партизанская бригада «Вал-Лемме Капурро». В истории итальянского Сопротивления она известна как одна из пяти бригад партизанской дивизии «Пинан-Чикеро»². Три из них сражались в горах, а две — на равнине, в том числе и бригада «Вал-Лемме Капурро», действовавшая вблизи Нови-Лигуре. Всего дивизия насчитывала около тысячи бойцов [3, с. 9].

¹ Европейский, преимущественно итальянский, термин, точно отражающий возникшую тогда в Италии реальность: (итальянский) фашизм и (германский) нацизм — это изначально разные идеологии. Политическое и идейное сближение фашистов и нацистов началось в конце 1930-х гг., а в сентябре 1943 г., с приходом немцев на Апеннины, сформировалось военное их слияние.

² Названия партизанских формирований соответствовали местным топонимам и именам павших товарищей.

CADUTO PER LA LOTTA DI LIBERAZIONE

Zona VI

Cognome e nome EGIAMOR GENNARO Nome batt. GENNARO

Paternità _____ Maternità _____

Data e luogo di nascita _____

Residenza _____

Recapito attuale _____

Reparto di appartenenza (formazione) BRG. VAL TENDA CAPURRO

Grado partigiano _____

Data di presentazione al reparto 1-1-44 12-4-45

Specie del servizio prestato: continuativo - saltuario - clandestino Caduto in comb.

Nome del superiore diretto nella formazione a Tenda non 2.

Nomi dei superiori ed inferiori che possono confermare e testimoniare le indicazioni date con la presente scheda _____

Grado rivestito, precedentemente all'8 settembre 1943, nell'esercito, marina, aeronautica _____

Qualifica professionale _____

Se ha prestato o no giuramento al governo repubblicano fascista (specificare il motivo) _____

Esito dell'esame Commissione: _____

Scheda n.° _____ firmato da _____

Certificato Alexander n.° _____ Certificato Governo Italiano n.° _____

Tessera Zona n.° _____ Premio di smobilitazione L. _____

Фото 1. Карточка Лигурийской комиссии по признанию партизанского статуса Геннадия Агламова
The Ligurian Commission card for the recognition of the Partisan Status of Gennady Aglamov

Вернемся к карточке. Партизан Дженнaro, согласно записи, вошел в ряды итальянского Сопротивления 1 января 1944 г., выбыл — 12 апреля 1945 г., так как погиб у Таны, Нови. Остальные рубрики карточки остались незаполненными. Среди них — пустые строчки для номеров сертификатов от Александра и от итальянского правительства. Они отражают возникшую тогда фильтрационную практику выдачи партизанских удостоверений от лица главнокомандующего союзными войсками на Средиземном море британского фельдмаршала Гарольда Александра и собственно итальянских властей.

Наряду с этой карточкой существует другой драматический документ — фотография павшего партизана, одетого в мундир гарибальдийца-антифашиста (фото 2). Она сохранилась в архиве секции Национальной ассоциации итальянских партизан (Associazione Nazionale Partigiani d'Italia; ANPI) в г. Нови-Лигуре.

Aglamor (Gennaro) Denadi
Merella di Novi + 10/4/1945

Scansionato con CamScanner

Фото 2. Похороны Геннадия Агламова, апрель 1945 г., Нови-Лигуре.
 Архив секции ANPI в Нови-Лигуре. Публикуется впервые
Funeral of Gennady Aglamov, April 1945, Novi Ligure.
Archive of the ANPI Section in Novi Ligure. Published for the first time

Это трагическое изображение никогда прежде не публиковалось. Под ним — аккуратная подпись, где стоит фамилия *Aglamor*¹, затем прозвание Дженнаро, поставленное в скобки, после чего идет «настоящее» имя — Денади.

Указаны также место и дата гибели солдата — Мерелла-ди-Нови, 10 апреля 1945 г. Уверены, что это и есть точная дата (в отличие от карточки, где стоит 12-е число). Ему было около 22 лет... Партизан погиб всего за две недели до окончательного краха нацифашизма, 25 апреля 1945 г., который теперь в Италии празднуется как национальный праздник — День освобождения. Именно в тот день бригада «Вал-Лемме Капурро» после предварительных переговоров с германским гарнизоном, оставившим в результате местность без боя, вошла в Нови-Лигуре. Но уже без Геннадия-Дженнаро.

Вероятно, одним из первых действий партизан были похороны их боевых товарищей: при немцах это было невозможно. Скорее всего, гарибальдийский мундир на Геннадия надели уже для последнего прощания. Саму фотографию и подпись, думается, сделали его товарищи по оружию.

Выскажем некоторые догадки об именах. Красноармеец при вступлении в партизанский отряд, вероятно, записал свое имя на латинице как *Genadi*, произносится «Дженади». Таким образом, его

¹ Должно быть *Aglamor*, но, вероятно, итальянцы спутали курсивное написание букв *r* и *v*.

личное имя для итальянцев звучало как «Денади», а боевым прозвищем было выбрано близкое к нему Дженнаро (популярнейшее имя у итальянцев-южан по имени святого покровителя Неаполя).

Сведения из карточки и из подписи под фото подтверждены и на самом месте гибели партизана, в предместье города Мерелла-ди-Нови, где у фермы Тана (итал. — логово) была установлена стела с надписью: «Здесь / 10 апреля 1945 года / пали за / свободу / Ирмо Феррари / Бурраска / Агламар Денади / Дженнаро / СССР» (фото 3).

Фото 3. Стела у стены фермы Тана. Фотография Марии Маддалены Ломбарди
Stele at the wall of the Tana farm. Photo by Maria Maddalena Lombardi

Что же случилось в тот апрельский день на ферме Тана? Об обстоятельствах гибели двух бойцов мы знаем крайне мало. Среди партизан бытовали сведения, что их соратники попали в облаву (и итальянские фашисты, и немецкие нацисты периодически прочесывали эти зоны, даже в самые последние дни войны). Из военных хроник известно, что командование дивизии «Пинан-Чикеро» в самом начале апреля поставило задачу освобождения ряда стратегических мест, включая Нови-Лигуре [3, с. 15]. Вероятно, небольшую группу бойцов послали на рекогносцировку. Приблизившись к городу, они заночевали на ферме, где их обнаружили каратели. Может быть, случайно, но вполне возможно, кто-то донес. В те годы борьба антифашистов и фашистов приобретала черты гражданской войны и случалось всякое...

В современных источниках трагическое событие в предместье города было упомянуто лишь раз и очень кратко:

...В основе перемен края, разумеется, лежал травматический опыт Второй мировой войны. Хотя в сельской местности люди находили убежище от бомбардировок, здесь он тоже оставил следы: на берегу протока Скривиа произошел драматический эпизод: в ночь 10 апреля 1945 года в засаде погибло два молодых партизана: Ирмо Феррари, по прозвищу Бурраска [итал. буря], и русский Акламар [sic] Денади, по прозвищу Дженнаро. Третий юноша, Клаудио Феррари, хотя и был ранен, сумел переправиться вброд через проток [4].

Все приведенные сведения были найдены Марией Маддаленой Ломбарди, которая обратилась за помощью к Михаилу Талалаю, российскому историку, автору монографии об участии русских в итальянской войне 1943—1945 гг. Имя партизана было ему известно, в то время как место гибели и могилы оставалось неизвестным. В главе «Партизанский некрополь» стоит следующее:

«АГЛАМОВ Геннадий Николаевич, Екатеринбург 1923 — пропал без вести после облавы [неизвестно]. Жил в Свердловске, механик автоцентра. Бежал из плена, с 10.11.1944 партизан (прозвище Денади¹) отряда Франки бригады Оресте дивизии „Пинан Чикеро”» [5, с. 218].

Источником сведений для этой справки послужили данные интернет-портала «Мемориал» — обобщенного банка данных Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Данные портала постоянно обновляются и в настоящий момент на сайте выложена рукописная записка, уточняющая сведения, опубликованные десять лет назад [6]. Записка представляет собой обобщенные факты, полученные из Института истории Сопротивления в Лигурии (фото 4)².

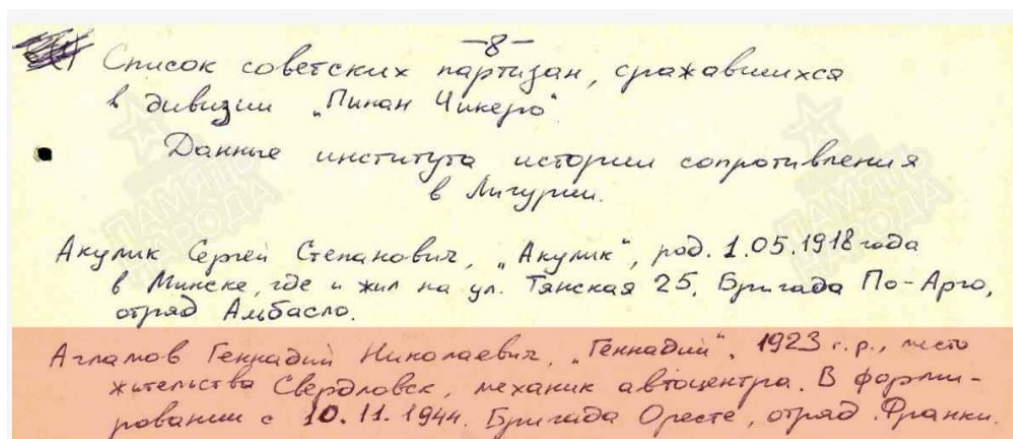

Фото 4. Справка с интернет-портала «Мемориал»
Information from the Internet portal "Memorial"

¹ Произошла простительная путаница: *Denadi* было указано в итальянских источниках как личное имя, но ввиду его явного несоответствия русскому произношению оно было воспринято нами как боевое прозвище.

² Точное название учреждения: Лигурийский институт истории Сопротивления и Современной эпохи им. Раймондо Риччи (Istituto Ligure per la Storia della Resistenza e dell'Età Contemporanea "Raimondo Ricci"). Институт находится в Генуе.

После войны останки бойцов Сопротивления, погибших в районе Нови-Лигуре, были собраны и с почестью перенесены на городское кладбище в специальную крипту партизан. Сюда же поместили останки Геннадия Агламова.

Сведения о нем от итальянских соратников были скудными. Написание фамилии вызывало сомнения. В итоге на его могильной плите появилось краткое и безошибочное: «Советский партизан» (фото 5).

Фото 5. Могила Геннадия Агламова, городское кладбище Нови-Лигуре.

Фотография Марии Маддалены Ломбарди

Grave of Gennady Aglamov, city cemetery of Novi Ligure.

Photo by Maria Maddalena Lombardi

Проведенное нами исследование позволит поместить на эпитафии точные данные. Следует по возможности собрать больше сведений о довоенной жизни Геннадия. Было бы замечательно найти его фотопортрет.

Список источников

1. Талалай М. Г. Мемории суворовской победы 1799 года в городе Нови-Лигуре // Новый часовой. 2024. № 27. С. 253—261.
2. I partigiani d'Italia. URL: <https://partigianiditalia.cultura.gov.it> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Borioli D., Botta R. L'insurrezione in provincia di Alessandria // Quaderno di Storia Contemporanea. 1985—1986. № 16. P. 7—16.

4. Cabella F. Il Basso Pieve, evoluzione e declino di una comunità // *Novi Nostra online*. URL: <https://novinostra.acosenergia.it/il-basso-pieve-evoluzione-e-declino-di-una-comunita> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Талалай М. Г. Русские участники Итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, легионеры. М. : Старая Басманная, 2015. 408 с.
6. Обобщенный банк данных «Мемориал» — банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78748116> (дата обращения: 25.04.2025).

References

1. Talalaj M.G. Memorii suvorovskoj pobedy` 1799 goda v gorode Novi-Ligure [Memorials of Suworov's victory in 1799 in the city of Novi Ligure], *Novy`j chasovoj [New Watch]*, 2024, no. 27, pp. 253-261.
2. I partigiani d'Italia [The Partisans of Italy]. Available at: <https://partigianiditalia.cultura.gov.it> (accessed: 25.04.2025).
3. Borioli D., Botta R. L'insurrezione in provincia di Alessandria [The insurrection in the province of Alessandria], *Quaderno di Storia Contemporanea [Contemporary History Notebook]*, 1985-1986, no. 16, pp. 7-16.
4. Cabella F. Il Basso Pieve, evoluzione e declino di una comunità [Basso Pieve, evolution and decline of a community], *Novi Nostra online [Novi Nostra online]*. Available at: <https://novinostra.acosenergia.it/il-basso-pieve-evoluzione-e-declino-di-una-comunita> (accessed: 25.04.2025).
5. Talalaj M.G. Russkie uchastniki Ital`yanskoj vojny` 1943-1945: partizany`, kazaki, legionery` [Russian participants in the Italian War 1943-1945: partisans, cossacks, legionnaires]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 408 p.
6. Obobshhenny`j bank danny`x "Memorial" - bank danny`x o zashhitnikax Otechestva, pogibshix, umershix i propavshix bez vesti v period Velikoj Otechestvennoj vojny` i poslevoenny`j period [The generalized database "Memorial" of defenders of the Fatherland, those killed, deceased and missing during the Great Patriotic War and the post-war period]. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78748116> (accessed: 25.04.2025).

Информация об авторах

Ломбарди Мария Маддалена — доктор философии, преподаватель итальянского языка, литературы и истории, автор многих публикаций, занималась литераторами начала XIX в. (Уго Фосколо, Джакомо Леопарди, Винченцо Монти), курирует группу студентов, создающих цифровой архив по партизанам, павшим во время борьбы за освобождение от нацифашизма (1943—1945), Нови-Лигуре, Италия. E-mail: mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, итальянист, специалист по русско-итальянским связям, член совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова, независимый исследователь, Милан, Италия. E-mail: talalaym@mail.ru

Information about the authors

Maria Maddalena Lombardi — PhD in Philosophy, teacher of Italian language, literature and history, author of many publications, studied literary figures of the early 19th century (Ugo Foscolo, Giacomo Leopardi, Vincenzo Monti), curator of a group of students creating a digital archive on the partisans who died during the struggle for liberation from Nazi fascism (1943—1945), Novi Ligure, Italy. E-mail: mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

Ломбарди М.-М., Талалай М. Г. Пал в борьбе за освобождение Италии: советский партизан Г. Агламов

Mikhail G. Talalay — Candidate of Historical Sciences, Italianist, specialist in Russian-Italian relations, member of the board of the P. Muratov International Research Centre, independent researcher, Milan, Italy. E-mail: talalaym@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 76—89.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):76—89.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 355.425(497.1)-054.7(=161.1):94"1939/45"
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-76-89
EDN HGSWNB

Воспоминания о русских эмигрантах — участниках югославского Сопротивления: по материалам дневника Владимира Дедиера

Александра Джорджевич

Белградский университет, Белград, Республика Сербия, alexys_cello@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируются дневниковые записи Владимира Дедиера о русских эмигрантах первой волны, принимавших участие в народно-освободительной борьбе, которая велась под руководством Коммунистической партии Югославии в годы Второй мировой войны. В. Дедиер — югославский журналист, участник югославского Сопротивления, близкий соратник И. Б. Тито. Две части дневника были опубликованы в 1945—1946 гг., третья часть — в 1950 г. Второе издание дневника вышло в свет в 1951 г. Автор статьи делает вывод о том, что отношение Дедиера к русским эмигрантам во многом определялось политикой Коммунистической партии Югославии в отношении Советского Союза в период охлаждения отношений между двумя государствами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Югославия, народно-освободительная борьба народа Югославии, русская эмиграция первой волны, дневник Владимира Дедиера, мемуарная литература

Для цитирования: Джорджевич А. Воспоминания о русских эмигрантах — участниках югославского Сопротивления: по материалам дневника Владимира Дедиера // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 76—89. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-76-89. EDN HGSWNB.

Historiography and source studies

Original article

Memories of Russian émigrés — Participants of the Yugoslav Resistance: based on the Diary of Vladimir Dedijer

Aleksandra Djordjevic

University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia, alexys_cello@yahoo.com

Abstract. The article analyzes the diary entries of Vladimir Dedijer about the first wave of Russian emigrants who took part in the national liberation struggle, which was led by the Communist Party of Yugoslavia during the Second World War. V. Dedijer was a Yugoslav journalist, a participant in the Yugoslav Resistance, a close associate of JB Tito. Two parts of the diary were published in 1945—1946, the third part in 1950. The second edition of the diary was published in 1951. The author of the article concludes that Dedijer's attitude towards Russian emigrants was largely determined by the policy of the Communist Party of Yugoslavia towards the Soviet Union during the period of cooling relations between the two states.

Keywords: World War II, Yugoslavia, national liberation struggle of the people of Yugoslavia, Russian emigration of the first wave, Vladimir Dedijer's diary, memoir

For citation: Djordjevic A. Memories of Russian émigrés — Participants of the Yugoslav Resistance: based on the Diary of Vladimir Dedijer. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):76—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-76-89>. <https://elibrary.ru/hgswnb>.

Введение

Дневник выдающегося югославского журналиста, члена Коммунистической партии Югославии (КПЮ), участника народно-освободительного движения и близкого соратника И. Б. Тито Владимира Дедиера (1914—1990) принадлежит к самым значительным источникам личного происхождения, посвященным народно-освободительной борьбе народа Югославии, антифашистскому сопротивлению и югославскому партизанскому движению [1 ; 2]. Автор мемуаров считал, что на его долю выпало «оставить письменный след этих тяжелых, но светлых дней», однако сама рукопись для него не представляла «историю» и «литературу», а просто «записки журналиста» [3, s. 341]. В своих докладах и репортажах Дедиер использовал лаконичный стиль, он писал короткими предложениями, объединенными в многочисленные абзацы и диалоги [4, s. 114]. В идентичном стиле созданы и его военные дневниковые записи (1941—1944).

Отредактированная рукопись первой и второй частей «Дневника В. Дедиера» была впервые опубликована в 1945—1946 гг. на сербском языке. Третья часть появилась в 1950 г., а уже в 1951 г. вышло второе издание дневника, объединяющее все три ранее опубликованные части рукописи в одной книге. Рукопись посвящена и подарена Центральному комитету Коммунистической партии Югосла-

вии — «организатору и руководителю освободительной борьбы народа Югославии» и датирована 7 ноября 1942 г., г. Босански Петровац.

Главной чертой партизанской мемуарной литературы, в том числе и военного дневника В. Дедиера, является акцентирование героизма и самоотверженности бойцов на фронте [5, с. 187]. По мнению авторов, коммунистическим вождям, возглавлявшим движение Сопротивления, были свойственны «дальновидность и мудрость», которые базировались на «идеологической гомогенности» югославской компартии. По мнению Н. Девича, цензура и автоцензура тоже не редкость в мемуарном жанре [5, с. 186—187], о чем свидетельствует и введение в печатных изданиях «Дневника В. Дедиера».

Цель данной статьи — на основании дневниковых записок В. Дедиера дать характеристику русским эмигрантам первой волны, принимавшим участие в народно-освободительной борьбе народа Югославии. Для культурологического исследования значимо то, что второе издание «Дневника» (1951) вышло в печать после резолюции Информбюро и разрыва советско-югославских отношений. Дружеские связи двух стран прекратились, а многие из россиян, проживающих в Югославии, в том числе и русские эмигранты первой волны, много сделавшие на благо новой родины, стали считаться нежелательными лицами и врагами новой югославской державы. Несмотря на это во втором издании «Дневника» остались воспоминания о некоторых русских гражданах, принимавших участие в югославском партизанском движении.

Вспоминания о русских врачах в партизанском движении

Причины участия русских эмигрантов первой волны и их потомков в военных событиях 1941—1945 гг. в первую очередь были политико-идеологическими, но были и другие. Антигитлеровски настроенные «оборонцы», считая, что их родина в опасности, присоединялись к движению Сопротивления [6]. Несколько сотен русских эмигрантов приняли участие в народно-освободительной борьбе под управлением Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и активно поддерживали партизанское движение. По некоторым данным, около ста русских врачей, почти 20 % из которых были женщинами, присоединились к югославским партизанам [6, с. 327].

Владимир Дедиер по решению компартии в феврале 1943 г. стал одним из членов санитарного отдела Верховного штаба, задачей которого была организация эвакуации раненых бойцов во время Четвертого вражеского наступления [3, с. 341]. Участвуя в тех событиях и встречаясь с разными людьми, он сохранил в дневнике свидетельства о некоторых врачах русского происхождения.

В ходе одной из операций в январе-марте 1943 г. В. Дедиер познакомился с врачом, принадлежавшим к русской белой эмиграции. В записи от 25 февраля 1943 г. он сообщает, что в деревне Дуге находилась больница Третьей дивизии. В больнице лежало около 400 партизан, заболевших брюшным тифом, и еще 3,5 тыс. раненых бойцов. Там автор и познакомился с русским врачом по фамилии Косов [3, с. 361—362]. В записи не упоминается его имя и отчество, но можно предположить, что речь идет о Борисе Косове — враче,

работавшем в Баня-Луке и в д. Чайниче в боснийско-герцеговинской провинции [7, с. 163]. На основании данных литературы, Косов родился в 1883 г. (вероятно, в Российской империи) и эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) после Октябрьской революции. Сначала он был военным, а затем стал уездным врачом в Боснии и Герцеговине. В сентябре 1941 г. он стал работать в Гигиеническом институте в г. Баня-Луке. Был женат на Надежде Лотовой и умер в Баня-Луке 30 сентября 1945 г. [8, с. 57] В своем дневнике Дедиер писал, что «толстый врач», не считая себя партизаном, объяснял собеседникам, что партизаны его «реквизировали». Он охарактеризовал Косова как «потерянного» человека, плохо относившегося к гигиене и санитарным потребностям своих пациентов: не делал дезинфекции шприцов и не придавал большого значения тому, что его пациенты часто заболели сыпным тифом [3, с. 361—362]. Свое поведение и частично склонность к алкоголю Косов оправдывал болезнью, высоким давлением, одиночеством из-за отъезда жены в г. Сараево, отсутствием материальных удобств, к которым он привык, и другими причинами. Общее впечатление Дедиера: русский врач был бесполезным для партизанского дела [3, с. 362].

В записи от 18 февраля 1943 г. есть упоминание еще об одном русском враче, находившемся в партизанском движении. На партийном собрании в д. Млиништа встал вопрос о том, что некоторые из плененных врачей «плохо держатся». Один из партийцев, принадлежавший к медицинскому персоналу, упомянул врача Пстроцку (Пстроцки). Русская по происхождению, сразу по прибытии в Хасанбеговац истерично кричала: «Я голодна, это скандал!» [3, с. 349]. И это в условиях войны, когда голодал весь народ. На основании литературы о русских врачах, работавших на территории Боснии и Герцеговины в период 1921—1950 гг., можно предположить, что речь идет о Вере (Соболевой) Пстроцкой из Баня-Луки, которая работала в д. Личко Петрово Село [7, с. 162 ; 8, с. 85]. Идентифицировать врача по оригинальной записи оказалось невозможным, однако на основании сохранившейся записи можно предположить, что Пстроцкая попала к партизанам в числе плененных или реквизированных партизанами врачей. Один из участников собрания предложил для «их благородий» плененных врачей собрать по куску мяса из порции каждого югославского партизана. Фразой «их благородия» рассказчик намекал на классовое различие между врачами из элиты и участниками народно-освободительного движения из простых людей. По свидетельству Дедиера, предлагавшего упрекнули и согласились с тем, что к каждому врачу, даже пленному, надо относиться с большим вниманием [3, с. 349].

В записи от 15 мая 1943 г. есть свидетельство о встрече Дедиера с врачом Герасимовым. Запись появилась в местечке Челебич (Челебић), где автор провел несколько дней. Он писал, что, кроме лечения раненых бойцов, в партизанских больницах ведется борьба с сыпным тифом. Имя и отчество Герасимова остались неизвестными, сохранилась только подробная информация о его поведении во время девятимесячного сотрудничества с партизанами. По словам Дедиера, врач считал, что он и ему подобная интеллектуальная элита

не должны носить символа с серпом и молотом [3, s. 439]. Запись свидетельствовала о «белогвардейской душе» врача, объясняющей его отношение к партизанам и членам югославской компартии. Герасимов представлен странным, бессовестным, чудаковатым человеком. На совести врача лежало непрофессиональное поведение по отношению к больным и раненым бойцам. Его обвиняли в том, что он использовал пять лошадей для переезда своей семьи и друзей из деревни Драче на новое место, заставив 35 тяжелобольных и голодающих бойцов идти пешком за ними. Кроме того, врач часто пренебрегал своими обязанностями, потратил большую сумму партизанских денег. Был и случай, когда Герасимов вместо одного из тяжело раненых бойцов в грузовик посадил свою заболевшую собаку. Из-за такого поведения партизаны его демобилизовали [3, s. 349].

Воспоминания о русских офицерах в партизанском движении

В отличие от русских врачей, принадлежавших к благородному словию русского общества в эмиграции, Дедиер весьма позитивно относился к русским эмигрантам, которые наравне с югославскими партизанами сражались на поле боя против общих врагов. Будучи на одной идеологической стороне с СССР, Дедиер, как член КПЮ, в своих воспоминаниях похвально высказывался о каждом из русских эмигрантов первой волны, которые поддерживали компартию и были сторонниками Советского Союза. Среди них инженер Владимир Федорович Смирнов и председатель белградского Земгора¹ Федор Евдокимович Махин.

Владимир Федорович Смирнов, родившийся в Ташкенте в 1899 г. [11], был одним из сорока тысяч русских эмигрантов первой волны, которые оказались в Королевстве СХС после Октябрьской революции и последующей гражданской войны [12—19]. Во время Второй мировой войны он присоединился к народно-освободительному движению и стал членом Верховного штаба Народно-освободительной армии² под руководством Иосипа Броз Тито. Будучи членом КПЮ и главой технического отдела Верховного штаба, Смирнов руководил операциями по уничтожению мостов на территории оккупированной Югославии, в том числе и пяти мостов на р. Неретва, взорванных 1—4 марта 1943 г. для замедления продвижения и прекращения коммуникационных связей оккупационных войск и их союзников. Его называли Владом Русским (Влада Рус), Володей (Волођа) [11]. Прозвище Мостоубийца (Мостоубица) он получил за свои успехи в военных операциях по разрушению и созданию мостов на реках в Боснии, Черногории и Сербии.

Имя Владимира Федоровича на страницах дневника упоминается три раза. Свидетельство о его героизме в сражениях около каньона р. Пивы Дедиер оставил в записи от 15 июня 1942 г. [3, s. 142] Так, несмотря на то, что враждебные партизанам отряды четников бро-

¹ Объединение земских и городских деятелей в Королевстве СХС (Королевство Югославия) (Земгор) [9; 10].

² От своего основания в 1941 г. этот орган несколько раз менял свое название: Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии, Верховный штаб Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии, Верховный штаб Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии, Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии, с марта 1945 г. — Генеральный штаб Югославской армии.

сили более 20 снарядов, русский инженер был последним из тех, кто оставил место сражения. В записи, созданной в г. Петровац в период Четвертого вражеского наступления, сохранилось свидетельство о тяжелом ранении Владимира Федоровича [3, s. 323].

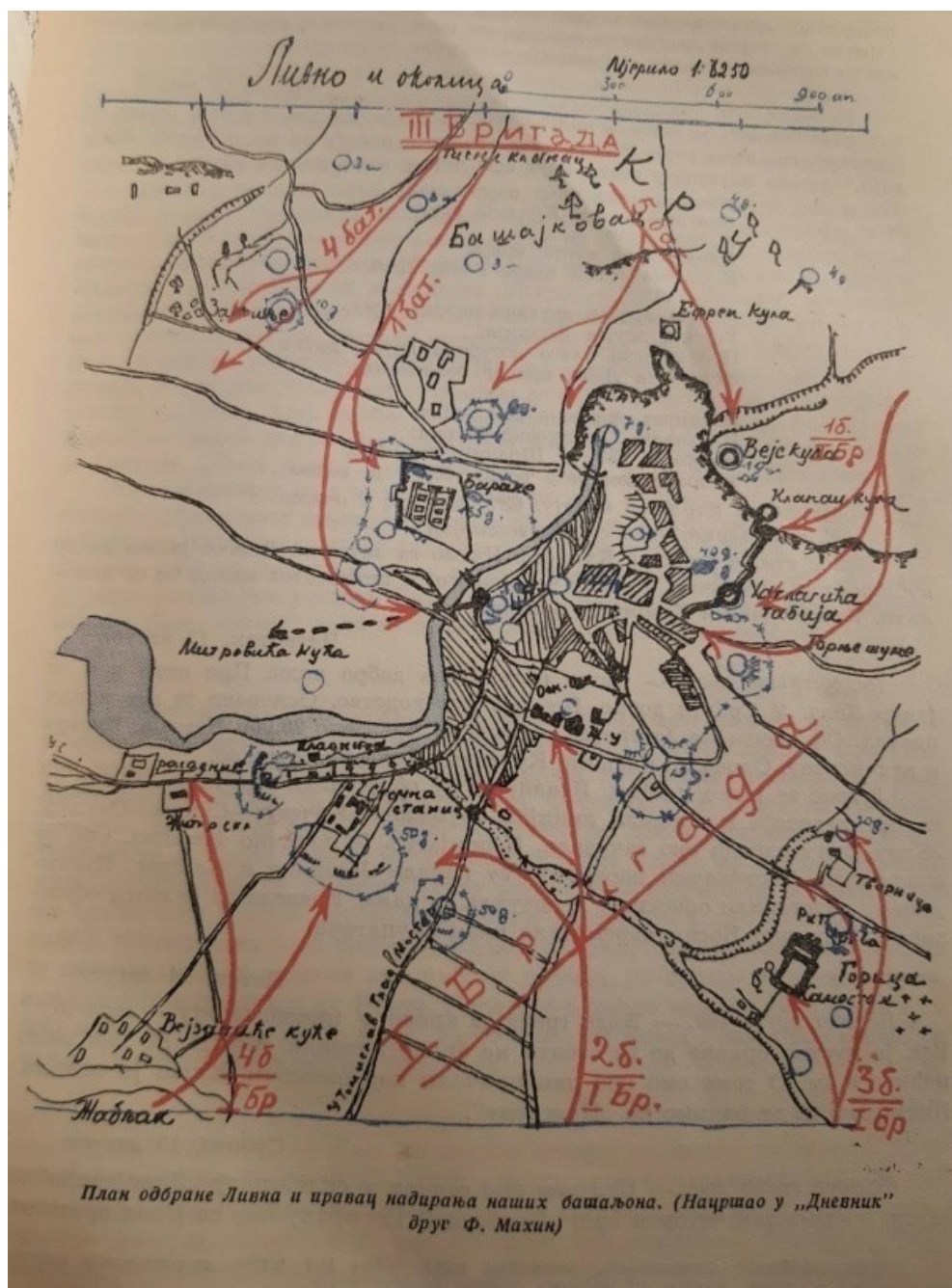
В настоящее время о деятельности и заслугах В. Ф. Смирнова свидетельствует большое число документов, хранящихся в Военном архиве Министерства обороны Республики Сербии, в том числе его автобиография [11], ряд научно-исследовательских работ и его военный дневник, опубликованный в Белграде в 1972 г. под названием «Инженерные военные рассказы» («Инжињеријске ратне приче») [11]. Несмотря на то, что у Смирнова не было профессионального военного образования, в 1943 г. он получил звание подполковника, а в 1944 г. — полковника Народно-освободительной армии Югославии. После окончания Второй мировой войны Смирнов служил в Югославской армии и вышел на пенсию в 1960 г. Он умер и был похоронен в Белграде в 1985 г. За свои заслуги в военных операциях В. Ф. Смирнов получил ряд орденов и наград, а также стал прототипом одного из героев популярного югославского фильма «Битва на Неретве» (1969). Владимир Федорович был женат на Олимпиаде Филипповне Садовниковой, тоже русской эмигрантке, детей в их семье не было [11].

Федор Евдокимович Махин, известный в белградской среде русский эмигрант первой волны [20—24], еще до войны вступил в КПЮ, поддерживал освободительную борьбу народа Югославии и стал близким соратником И. Б. Тито [25]. Воспоминания об участии Махина в партизанском движении и его короткая биография сохранились на страницах дневника В. Дедиера.

Дедиер и Махин были знакомы еще до войны. Они оба сотрудничали с известной белградской ежедневной газетой «Политика» [4]. Во время войны они встретились на территории Черногории, куда в середине июня 1942 г. Федор Евдокимович прибыл с Четвертой бригадой. Дедиер писал, что Махин похудел и постарел с их последней встречи. Сильно изменивший свою внешность и одетый в черногорскую одежду, он был неузнаваем [3, s. 142]. Следующее воспоминание о разговоре двух старых друзей о военных событиях было записано у подножия горы Цинцар, расположенной на границе Боснии и Далмации. Дедиер позитивно оценил мнение Махина о военных событиях, считая, что Махин реально оценивает военную ситуацию. Также он оставил пометку, что в журнале «Преглед» опубликована его статья на данную тему.

В августе 1942 г. Дедиер упоминал Махина дважды. В записи от 8 августа — воспоминание об их встрече у костра партизанского лагеря, в лесу под горой Цинцар. Тогда Махин нарисовал план г. Ливно с деталями городской обороны (рисунок) [3, s. 195]. Освобождение Ливно от домобранов, усташей и немцев партизанские воинские части начали в ночь с 4 на 5 августа, а уже запись от 7 августа свидетельствует о том, что партизаны освободили город и стали заниматься военнопленными [3, s. 192—194]. Рисунок, посвященный освобождению г. Ливно и окрестностей, сохранился в дневнике Дедиера и был напечатан во втором издании [3, s. 197]. В конце месяца прибывший в Гламоч Махин прочитал лекцию об актуальных

военных событиях. На нарисованной им карте большого размера продемонстрированы возможные направления советского наступления [3, s. 197].

План обороны г. Ливно. Рисунок Ф. Махина
Defense plan of Livno. Drawing by F. Makhin

В записи от 18 января 1943 г., сделанной в селе Дриничи, опять упоминается Махин: «Возбужденный Федор Евдокимович вошел в комнату и рассказал о прорыве блокадного кольца Ленинграда, событии, о котором Московское радио в тот день передавало девять

раз». По словам Дедиера, весть о советской наступательной операции, результатом которой стал прорыв блокадного кольца Ленинграда и соединение войск Волховского и Ленинградского фронтов, сообщил главе КПЮ И. Б. Тито не Махин, а Милован Джилас (Ђилас), один из членов Политбюро ЦК КПЮ и Верховного штаба Народно-освободительной армии [3, s. 312].

3 июля 1943 г. раненый Дедиер пишет об исчезновении Махина, о чем ему сообщил только что вернувшийся из Черногории Джи́до (Ђидо)¹. Незнание о судьбе Махина упоминается еще в записи от 17 августа [3, s. 530]. Однако во втором издании дневника появляется информация о том, что Махин сразу после битвы на Сутьеске отправился на территорию Герцеговины, где попал в плен к четникам. Дедиер писал, что враги издевались над ним, называя «русским жидом, надевшим партизанскую шляпу» [3, s. 501]. По свидетельству автора дневника, Махин во время войны дважды попадал в плен к четникам и оба раза удачно освобождался [3, s. 501].

Последний раз имя Махина упоминается в части дневника «Наше наступление летом и осенью 1944 года» («Наша офанзива у лето и јесен 1944»). В конце сентября весть о приближении советской армии к югославской границе воспринималась партизанами с восторгом. После того как Национальный комитет и Советское верховное командование согласовали вступление Красной армии на территорию Югославии, Дедиер пишет, что Югославия не принадлежит к числу «просто оккупированных держав», это страна могучего народно-освободительного движения и народной власти, возникшей на этой почве, подчеркивает уважительное отношение советского командования к «народу, который никогда не ожидал получить от других свободу в подарок... который сам героически сражался для своего освобождения» [3, s. 799]. Совместные цели и взаимное уважение представляли основу для создания дружеских отношений Красной и Народно-освободительной армий. Дедиер записывает, что у большинства югославских бойцов хранилась статья советского писателя И. Эренбурга, посвященная югославской армии, опубликованная в газете «Заједно» [3, s. 799—801]. Писатель подчеркивал, что немцы сумели оккупировать Югославию после десяти дней войны, но югославский народ поднялся на борьбу независимо от всех политических лидеров. Он заканчивал словами: «В эти великие сумерки наш советский народ и наша армия с восхищением думают об эпопее новой Югославии. Мы были вместе в беде — будем вместе и в радости» [3, s. 801]. Статья была полностью приведена в дневнике Дедиера на сербском языке, но в записи нет информации о том, на каком языке она была впервые опубликована. Известно только, что именно Махин прочитал ее Дедиеру на русском языке несколько раз. Если статья первоначально была опубликована только на русском языке, можно предположить, что автором сербского варианта был именно Махин. Федор Евдокимович Махин умер в 1945 г., похоронен на белградском Новом кладбище на Аллее народных героев.

¹ Кличка Милована Джиласа в период НОБ.

Есть в дневнике Дедиера и запись о неизвестном русском капитане Гаврильченко. В декабре 1942 г. он пишет, что русский офицер перешел на сторону партизан в бою за ликвидацию немецкого гарнизона Босански Нови [3, s. 279]. Следующая встреча Дедиера с Гаврильченко, на берегу р. Неретвы, описана 7 марта 1943 г. Русский капитан делится своим желанием «вернуться на родину и там бороться против немцев», хотя признается, что он доволен и тем, как врагов поражают и тут, на югославской территории [3, s. 375—376]. Несмотря на то, что записи в дневнике сделаны в стиле короткого сообщения о людях и событиях, автор оставил пару заметок о личности и характере своего боевого товарища. Русский офицер охарактеризован хорошим стрелком и человеком «необычайно много имеющим в себе военного».

Белградская встреча Дедиера с Ю. П. Лобачевым

Одна из самых интересных встреч Дедиера с русскими эмигрантами первой волны, свидетельство о которой сохранилось в записи от 18 октября 1944 года, произошла в Белграде с Юрием (Джорджем) Павловичем Лобачевым [26]. Лобачев до войны был автором множества югославских комиксов и иллюстратором белградской газеты «Политика», в которой они сотрудничали с Дедиером и хорошо знали друг друга.

Неожиданная встреча старых знакомых произошла в штабе советского генерала Жданова, командующего механизированным корпусом, участвовавшего в Белградской операции. По словам Дедиера, встреча проходила в сдержанном тоне, потому что в тот момент не было известно, кто из русских эмигрантов принимал участие в югославском Сопротивлении, а кто был на противоположной стороне. В дневнике было записано, что Лобачев попытался обнять Дедиера, но тот его остановил. Холодность объяснялась тем, что «за три с половиной года отечественной войны многие были несправедливы к отечеству» [3, s. 809]. Их разговор продолжился, и Лобачев пытался оправдать себя перед Дедиером. Он рассказал, что во время войны не присоединился к партизанам, а занял нейтральную позицию из-за болезни жены. На все свои попытки оправдаться, он получил от Дедиера сдержанный ответ: «Каждый сможет показать, что он делал в течение этих трех с половиной лет, а народ скажет, хорошо это или нет» [3, s. 809]. При этом в дневнике сделана пометка о том, что Лобачев в период до войны «неплохо себя вел» [3, s. 809].

Свидетельство об этой встрече оставил и сам Ю. П. Лобачев. Мемуары Лобачева были опубликованы на сербском языке в 1997 г. [27], из них стало известно, что он был членом Союза советских патриотов [28]. После прибытия советской армии в Белград он устроился переводчиком при штабе генерал-лейтенанта танковых войск Владимира Ивановича Жданова, в этот же день произошла и его встреча с Дедиером [27, s. 126—127]. В его интерпретации встреча выглядит иначе и оставляет иное впечатление, чем у Дедиера. Лобачев пишет:

Только что я вернулся с кухни, в комнату входят генерал-лейтенант, командир Первой армейской группы Пеко Дапчевич (Пеко Дапчевић), Мийалко Тодорович — Плави (Мијалко Тодоровић — Плави), политкомиссар, Влада Дедиер, полковник. Жданов идет

им навстречу. Два генерал-лейтенанта, два героя — Югославии и Советского Союза — обнимаются. Я подошел к Дедиеру: — Привет, Влад. Я очень рад, что ты жив.

Я знал, что Дедиер был тяжело ранен в голову.

— А, это ты!? Хорошо, мы посмотрим, как ты вел себя! — и подошел к генералам [27, s. 126—127].

Мемуары Лобачева были опубликованы через полвека после окончания Второй мировой войны, и в своих воспоминаниях Ю. П. Лобачев упрекал В. Дедиера за обвинения в свой адрес в том, что он «скрывался в Советской армии» [27, s. 131]. Он объясняет, что не скрывался, а работал переводчиком для советских офицеров, в том числе и генерал-лейтенанта Жданова, о чем сохранились официальные подтверждения сотрудничавших с ним лиц [27, s. 131]. Вероятно, Лобачев, имел в виду третью часть дневника, напечатанную в Белграде в 1950 г., в период ухудшения югославо-советских отношений, когда любое лицо из русских эмигрантов могло быть обвинено в шпионаже и стать государственным преступником. В свою очередь, Лобачев спрашивал, зачем Дедиер писал о нем такие доклады и почему не заступился перед новой властью за некоторых журналистов из газеты «Политика», с которыми был хорошо знаком и знал, что их вина во время войны не заслуживала смертной казни. Лобачев считал Дедиера трусом, потому что заступничество за «пособников оккупантов» могло бы ухудшить его положение и отразиться на профессиональной карьере [27, s. 131—132].

Во втором издании дневника (1951) обвинений Лобачева нет. В указателе имен его фамилия встречается только раз в связи со встречей Дедиера и Лобачевым в штабе генерал-лейтенанта Жданова. Можно предположить, что коррективы были внесены после уточнения информации, нескольких редакций и обязательной цензуры того времени.

Заключение

Результаты анализа дневника Владимира Дедиера демонстрируют различное отношение автора к русским эмигрантам первой волны, в зависимости от того, совпадали ли их взгляды с политикой югославской компартии или нет. Дедиер положительно относился к членам КПЮ русского происхождения, самостоятельно присоединившимся к народной армии и югославскому партизанскому движению. С большим пиететом Дедиер писал об офицерах Народно-освободительной армии — Федоре Евдокимовиче Махине, Владимире Смирнове. По мнению Дедиера, русское происхождение этих лиц не мешало им стать настоящими героями югославского Сопротивления.

Его сдержанность по отношению к Лобачеву, принадлежавшему к Союзу советских патриотов и активно сотрудничавшему с героем Советского Союза генерал-лейтенантом Ждановым во время освобождения Белграда, можно объяснить тем, что третья часть первого издания дневника, охватившая период с 10 ноября 1943 до 7 ноября 1944 г. [29], так же как и второе издание дневника 1951 г., были напечатаны в период ухудшения югославо-советских отношений на политической и идеологической основе. Исходя из текста можно предположить, что официальная государственная политика Югосла-

вии по отношению к Советскому Союзу определила мнение Дедиера о деятельности Лобачева.

Одновременно дневник отражал и идеологию компартии, традиционно неблагоприятной к русским белым эмигрантам. Нарративная стратегия, использованная автором, обеспечила картину о русских врачах как об идеологически и классово неподходящих категориях населения. Трое русских врачей, двое из которых были описаны как „белогвардейские“, были представлены с негативными профессиональными и человеческими характеристиками. Не принадлежавшие к компартии Югославии и мобилизованные партизанами для участия в народно-освободительном движении русские врачи в дневнике Дедиера выглядят носителями буржуазного мировоззрения, не разделяющими коммунистических ценностей и не понимающими цели народно-освободительного движения, возглавляемого Коммунистической партией Югославии.

Список источников

1. Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М. : Индрик, 2011. 888 с.
2. Касюк А. Я., Криворучко А. А. Борьба Югославии против фашистской Германии в годы Второй мировой войны // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 4 (788). 2017. С. 126—139.
3. Дедијер В. Дневник. Београд : Југословенска књига, 1951. 871 с.
4. Богуновић С. Људи политике: лексикон сарадника (1904—1941). Београд : Политика, 2019. 721 с.
5. Девић Н. Партизанска мемоаристика о Србији 1941, о реченом и прећутаном // 80 година од избијања Другог светског рата на простору Југославије и страдања града Крагујевца / Д. Тасић и Л. Вујошевић (ур.). Крагујевац : Центар за научноистраживачки рад Српске академије наука и уметности и универзитета ; Београд : Институт за новију историју Србије, 2021. С. 183—209.
6. Живановић М., Руска емиграција и априлски рат // 80 година од избијања Другог светског рата на простору Југославије и страдања града Крагујевца / Д. Тасић и Л. Вујошевић (ур.). Крагујевац : Центар за научноистраживачки рад Српске академије наука и уметности и универзитета ; Београд : Институт за новију историју Србије, 2021. С. 317—338.
7. Арсенъев А. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919—1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011. С. 140—169.
8. Мачкич З., Косик В. Русские в Баниялуке и окрестностях в XX веке : слов.-справ. М : Ин-т славяноведения РАН, 2018. 136 с.
9. Ђурић О. Руска литерарна Србија, 1920—1941: писци, кружоци и издања. Горни Милановац : Дечје новине. Српски фонд словен. писмености и словен. култура, 1990. 300 с.
10. Захаров Е. Живот девет хиљада Руса у Београду // Општинске новине. 1930. 15 јан. С. 80—83.
11. Животић А. Владимир Смирнов (1899—1985). Руски емигрант — југословенски генерал // Војноисторијски гласник. 2016. № 1. С. 135—149.
12. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 с.
13. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану, 1920—1940. Београд : Чигоја штампа, 2006. 559 с.

14. Димић Л. Део 3. Политика и стваралаштво Културна политика у Краљевини Југославији, 1918—1941 // Културна политика у Краљевини Југославији, 1918—1941. Београд, 1997. 541 с.
15. Русская эмиграция в Югославии / ред. А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. М. : Индрик, 1996. 458 с.
16. Арсеньев А. Русская эмиграция в Югославии : избранные статьи = Арсеньев А. Руска емиграција у Југославији : избрани чланци : в 2 т. Београд : МИА-принт, 2024. Т. 1. 520 с.
17. Арсеньев А. Русская эмиграция в Югославии : избранные статьи = Арсеньев А. Руска емиграција у Југославији : избрани чланци : в 2 т. Београд : МИА-принт, 2024. Т. 2. 635 с.
18. Косик В. Русская эмиграция в Сербии XX—XXI вв. М. : Пробел-2000, 2022. 284 с.
19. Djordjević A. Post-revolutionary Russian Émigrés as Mediators of European Cultural Transfer in the Kingdom of SCS/Yugoslavia // Echoes of Europe: Cultural Transfer Europe-Serbia in the Kingdom of Yugoslavia / eds. A. Djurić, I. Pantelić ; Institute of European Studies. Belgrade : Zepher Book World, 2025. P. 101—124.
20. Ганин А. «Свој међу туђима и туђ међу својима». Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд : Еволута, 2021. 448 с.
21. Тесемников В. Превратности судьбы генерала Ф. Е. Махина // Токови историје. 2008. № 2. С. 68—83.
22. Гањин А. `Свој међу туђима, туђ међу својима`: пуковник Фјодор Махин // Векови — Историјски Часопис Андрићевог института. 2014. № 1. С. 115—160. URL: <http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Makhin.pdf> (дата обращения: 04.08.2020).
23. Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917—1922 гг. М. : Пятый Рим, 2020. 800 с.
24. Петров А. Руски архив — часопис мисије и парадокса? // Часопис Руски архив и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији : зборник радова / ур. В. Матовић и С. Барић. Београд : Институт за књижевност и уметност, 2015. С. 15—28.
25. Timofeev A. «Nulti pacijent»: Počeci delovanja sovjetske obaveštajne službe u Kraljevini Jugoslaviji // Istorija 20 veka. 2023. № 2. С. 303—322.
26. «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909—2002)»: виртуальная выставка // Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына : сайт URL: https://www.domrz.ru/exhibition/27565_virtualnaya_vystavka_russkiy_adres_belgrada_y_uriy_lobachev_1909_2002_ (дата обращения: 02.05.2025).
27. Лобачев Ђ. Кад се Волга уливала у Саву. Београд : Просвета, 1997. 308 с.
28. Тимофејев А. Нестајање руске емиграције у Југославији. 1941—1954. Београд : Институт за новију историју Србије, 2022. 425 с.
29. Dedijer V. Dnevnik. Deo 3 (Od 10 novembra 1943 do 7 novembra 1944). Beograd : Jugoslo, 1950.

References

1. Nikiforov K.V. (ed.) *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History]. Moscow, Indrik, 2011, 888 p.
2. Kasyuk A.Ya., Krivoruchko A.A. Bor'ba Yugoslavii protiv fashistskoj Germanii v gody` Vtoroj mirovoj vojny` [The Struggle of Yugoslavia against Nazi Germany during World War II], *Vestnik MGLU. Obshchestvenny'e nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], issue 4 (788), 2017, pp. 126-139.
3. Dedijer V. Dnevnik [Diaries]. Beograd, Jugoslovenska knjiga, 1951, 871 p.
4. Bogunović S. Људи politike: leksikon saradnika (1904-1941) [Political people: contributors' lexicon: 1904—1941]. Beograd, Politika, 2019, 721 p.
5. Dević N. Partizanska memoaristika o Srbiji 1941, o rechenom i prehutanom [Partisan memoirs about Serbia in 1941, about what was said and what was left unsaid], *80 godina od izbijanja Drugog svetskog rata na prostoru Jugoslavije i stradanja grada Kragujevca* [80 years since the outbreak of World War II in Yugoslavia and the suffering of the city of

- Kragujevac*]. Kragujevac, Centar za nauchnoistrazhivachki rad Srpske akademije nauka i umetnosti i univerziteta, Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2021, pp. 183-209.
6. Zhivanovich M., Ruska emigracija i aprilski rat [Russian Emigration and the April War], *80 godina od izbijanja Drugog svetskog rata na prostoru Jugoslavije i stradanja grada Kragujevca* [80 years since the outbreak of World War II in Yugoslavia and the suffering of the city of Kragujevac]. Kragujevac, Centar za nauchnoistrazhivachki rad Srpske akademije nauka i umetnosti i univerziteta, Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2021, pp. 317-338.
7. Arsen'ev A. Russkaya e'migraciya v Bosnii i Gercegovine (1919—1990-e gg.) [Russian Emigration in Bosnia and Herzegovina (1919-1990s)], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna, 2011, pp. 140-169.
8. Machkich Z., Kosik V. Russkie v Banyaluke i okrestnostyax v XX veke [Russians in Banjaluka and its environs in the 20th century], slov.-sprav. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2018, 136 p.
9. Turih O. Ruska literarna Srbija, 1920-1941 [Russian Literary Serbia, 1920-1941]: pisci, kruzhoi i izdana. Gorni Milanovac, Dechje novine. Srpski fond sloven. pismenosti i sloven. kultura, 1990, 300 p.
10. Zaxarov E. Zhivot devet hiljada Rusa u Beogradu [The life of nine thousand Russians in Belgrade], *Opshtinske novine* [Municipal newspaper], 1930, 15 January, pp. 80-83.
11. Zhivotih A. Vladimir Smirnov (1899-1985). Ruski emigrant - jugoslovenski general [Vladimir Smirnov (1899-1985). Russian émigré - Yugoslav general], *Vojnoistorijski glasnik* [Military Historical Gazette], 2016, no. 1, pp. 135-149.
12. Jovanovich M. Doseľavaње ruskix izbeglicza u Kraľevinu SXS 1919-1924 [Immigration of Russian refugees to the Kingdom of Serbs, Croats, 1919-1924]. Beograd, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
13. Jovanovich M. Ruska emigracija na Balkanu, 1920-1940 [Russian emigration in the Balkans, 1920-1940]. Beograd, Chigoja shtampa, 2006, 559 p.
14. Dimih L. Deo. 3. Politika i stvaralashtvo Kulturna politika u Kraľevini Jugoslaviji, 1918-1941 [Politics and creativity Cultural policy in the Kingdom of Yugoslavia, 1918-1941], *Kulturna politika u Kraľevini Jugoslaviji, 1918-1941* [Cultural policy in the Kingdom of Yugoslavia, 1918-1941], Beograd, 1997, 541 p.
15. Arsen'ev A., Kirillova O., Sibirnovich M. (eds.) Russkaya e'migraciya v Yugoslavii [Russian emigration in Yugoslavia]. Moscow, Indrik, 1996, 458 p.
16. Arsen'ev A. Russkaya e'migraciya v Yugoslavii, izbran-ny'e stat'i = Arsen'ev A. Ruska emigracija u Yugoslaviji [Russian Emigration in Yugoslavia: Selected Articles], izabrani chlanci in 2 vol. Beograd, MIA-print, 2024, vol. 1, 520 p.
17. Arsen'ev A. Russkaya e'migraciya v Yugoslavii, izbranny'e stat'i = Arsen'ev A. Ruska emigracija u Yugoslaviji [Russian Emigration in Yugoslavia: Selected Articles], izabrani chlanci in 2 vol. Beograd, MIA-print, 2024, vol. 2, 635 p.
18. Kosik V. Russkaya e'migraciya v Serbii XX-XXI vv. [Russian emigration in Serbia in the 20th-21st centuries]. Moscow, Probel-2000, 2022, 284 p.
19. Djordjević A. Post-revolutionary Russian Émigrés as Mediators of European Cultural Transfer in the Kingdom of SCS/Yugoslavia, *Echoes of Europe: Cultural Transfer Europe-Serbia in the Kingdom of Yugoslavia*. Belgrade, Zepter Book World, 2025, pp. 101-124.
20. Ganin A. "Svoj mehu tuhima i tuh mehu svojima". Sudbina ruskog oficira i jugoslovenskog generala Fjodora Maxina ["One's own among strangers and strangers among one's own". The fate of the Russian officer and Yugoslav general Fyodor Makhin]. Beograd, Evoluta, 2021, 448 p.
21. Tesemnikov V. Prevratnosti sud'by' generala F.E. Maxina [The vicissitudes of the fate of General F. E. Makhin], *Tokovi istorije* [Current History], 2008, no. 2, pp. 68-83.
22. Gañin A. "Svoj mehu tuhima, tuh mehu svojima": pukovnik Fjodor Maxin ["One's own among strangers and strangers among one's own": general Fyodor Makhin], *Vekovi - Istorijski Chasopis Andrihevog institutayu* [Centuries - Historical Journal of the Andrić

- Institute*], 2014, no. 1, pp. 115-160. Available at: <http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Makhin.pdf> (accessed: 04.08.2020).
23. Ganin A.V. Izmena komandarmov. Predstaviteli vy'sshego komandnogo sostava Krasnoj armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody` Grazhdanskoj vojny` v Rossii 1917-1922 gg. [Treason of Army Commanders. Representatives of the Red Army's High Command Who Came Over to the Enemy's Side During the Russian Civil War of 1917-1922]. Moscow, Pyaty`j Rim, 2020, 800 p.
24. Petrov A. Ruski arxiv - chasopis misije i paradoksa? [Russian Archive — a magazine of mission and paradox?], *Chasopis Ruski arxiv i kultura ruske emigracije u Kraljevini SXS/Jugoslaviji* [Magazine Russian Archive and the culture of Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes/Yugoslavia], zbornik radova. Beograd, Institut za knizhevnost i umetnos, 2015, pp. 15-28.
25. Timofejev A. "Nulti pacijent": Počeci delovanja sovjetske obaveštajne službe u Kraljevini Jugoslaviji ["Patient Zero": Beginnings of the Soviet Intelligence Service in the Kingdom of Yugoslavia"], *Istorija 20 veka* [History of the 20th Century], 2023, no. 2, pp. 303-322.
26. "Russkij adres Belgrada: Yuri Lobachev (1909-2002)" ["Russian Address of Belgrade: Yuri Lobachev (1909-2002)], virtual`naya vy`stavka, *Dom ruskogo zarubezh`ya im. Aleksandra Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]. Available at: https://www.domrz.ru/exhibition/27565_virtualnaya_vystavka_russkiy_adres_belgrada_yuriy_lobachev_1909_2002_ (accessed: 02.05.2025).
27. Lobachev Ђ. Kad se Volga ulivala u Savu [When the Volga flowed into the Sava]. Beograd, Prosveta, 1997, 308 p.
28. Timofejev A. Nestajaње ruske emigracije u Jugoslaviji. 1941-1954 [The disappearance of Russian emigration in Yugoslavia. 1941—1954]. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije, 2022, 425 p.
29. Dedijer V. Dnevnik. Deo 3 (Od 10 novembra 1943 do 7 novembra 1944) [Diary. Part 3 (From November 10, 1943 to November 7, 1944)]. Beograd, Jugoslo, 1950.

Информация об авторе

Джорджевич Александра — докторант, факультет политических наук, Белградский университет, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Information about the author

Aleksandra Djordjević — Doctoral Student, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 94(47)"1941/44"(093)
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-90-98
EDN JWZNCW

**Выплатные (пенсионные) дела участников и инвалидов
Великой Отечественной войны как новый вид
исторических источников**

Ольга Леонидовна Чернобай¹, Георгий Константинович Чернобай²

^{1,2} Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация

¹ olgachernobaj@yandex.ru

² georgchernobay@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике нового вида исторических источников — выплатных (пенсионных) дел участников и инвалидов Великой Отечественной войны. Данный вид документов в отечественной историографии ранее не описан. Статья написана на основе документальных материалов государственного архива Новосибирской области, фонд Р-2801 (Коллекция выплатных (пенсионных) дел граждан, образованных в деятельности территориальных органов Пенсионного фонда России в Новосибирской области). Документы описываются и вводятся в научный оборот впервые. В выплатных (пенсионных) делах представлена ценная для историков информация, позволяющая уточнять не только персонифицированные сведения об участниках и их семьях, но и о населенных пунктах, в том числе и исчезнувших. В этих делах, как правило, содержатся ценные архивные материалы: заверенные копии документов, встречаются и оригиналы. Ценность для исследователей состоит также в том, что в выплатном деле собраны все сведения о человеке, что облегчает поиск информации о конкретном лице.

Ключевые слова: Новосибирская область, выплатные (пенсионные) дела граждан, участники и инвалиды Великой Отечественной войны, труженики тыла, герои Советского Союза и герои социалистического труда, получатели персональных пенсий, экспертиза ценности выплатных дел

Для цитирования: Чернобай О. Л., Чернобай Г. К. Выплатные (пенсионные) дела участников и инвалидов Великой Отечественной войны как новый вид исторических источников // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 90—98. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-90-98. EDN JWZNCW.

Historiography and source studies

Original article

Payment (Pension) Files of Participants and Invalids of the Great Patriotic War as a New Type of Historical Sources

Olga L. Chernobay¹, Georgy K. Chernobay²

^{1,2} State Archives of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation

¹ olgachernobaj@yandex.ru

² georgchernobay@yandex.ru

Abstract. The article features a new type of historical sources — payment (pension) files of participants and disabled veterans of the Great Patriotic War. This type of documents has not been described in Russian historiography before. The article is based on documentary materials from the state archive of the Novosibirsk region, collection R-2801 (Collection of payment (pension) files of citizens formed in the activities of territorial bodies of the Pension Fund of Russia in the Novosibirsk region). The documents are described and introduced into academic circulation for the first time. Payment (pension) files contain valuable information for historians in order to clarify not only personalized information about participants and their families, but also about settlements, including those that have disappeared. These files, as a rule, contain valuable archival materials: certified copies of documents and, sometimes, originals. The value for researchers is also in the fact that the payment file contains all the information about a person, which facilitates the search for information about a specific person.

Keywords: Novosibirsk region, payment (pension) cases of citizens, participants and invalids of the Great Patriotic War, home front workers, heroes of the Soviet Union and heroes of socialist labor, recipients of personal pensions, examination of the value of payment cases

For citation: Chernobay O.L., Chernobay G.K. Payment (Pension) Files of Participants and Invalids of the Great Patriotic War as a New Type of Historical Sources. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):90—98. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-90-98>. <https://elibrary.ru/jwzncw>.

Пенсионные дела граждан никогда в государственные архивы не передавались и не откладывались в истории региона и страны в целом. По законодательству после смерти получателя пенсии его пенсионному делу присваивается статус «закрытое». Закрытые пенсионные дела хранятся от 40 лет и больше, в зависимости от категории получателя пенсии. По истечении требуемого срока хранения пенсионные дела подлежат утилизации. Только пенсионные дела участников Великой Отечественной войны хранятся постоянно.

В соответствии с письмом Пенсионного фонда Российской Федерации и Федерального архивного агентства от 5 июля 2021 г. № СЧ-25-24/15157/7/2042-Ю «О проведении экспертизы ценности выплатных дел, хранящихся в территориальных органах ПФР, срок хранения которых истек», на основании решения внеочередного заседания экспертно-проверочной комиссии управления государственной архивной службы Новосибирской области от 1 июля 2022 г.

в целях включения выплатных дел, представляющих историческую ценность, в состав Архивного фонда Российской Федерации в период 2023—2024 гг. проведена экспертиза ценности выплатных (пенсионных) дел граждан в связи с истечением сроков их временного хранения. В результате экспертизы отобраны на постоянное хранение и упорядочены выплатные (пенсионные) дела участников, инвалидов Великой Отечественной войны, получателей персональной пенсии местного значения, образовавшиеся в деятельности государственного учреждения — управления Пенсионного фонда Российской Федерации в районах Новосибирской области и органов пенсионного обеспечения, являющихся предшественниками управления.

При проведении экспертизы ценности специалисты Государственного архива Новосибирской области, ПФР (на момент написания статьи — Социальный фонд России (СФР)) и Государственной архивной службы Новосибирской области пришли к выводу, что историческую ценность имеют не только выплатные (пенсионные) дела участников и инвалидов Великой Отечественной войны, но и дела героев Советского Союза, героев социалистического труда, жителей блокадного Ленинграда, участников трудового фронта в Великую Отечественную войну. Было принято решение отобрать для постоянного хранения дела этих категорий граждан. Основным состав выплатного (пенсионного) дела: распоряжения о назначении, перерасчете пенсии, заявления, документы, подтверждающие периоды службы в годы Великой Отечественной войны, стаж, заработную плату, родственные отношения, документы об инвалидности и др.

Начальными датами дел являются даты распоряжений о назначении пенсии, конечными — даты записей на обложке дел о прекращении выплаты пенсии. Записи заверяются печатями территориальных органов ПФР (СФР). Основанием для прекращения выплаты пенсии является копия свидетельства о смерти гражданина.

Выплатные (пенсионные) дела систематизированы следующим образом:

1. Дела участников Великой Отечественной войны.
2. Дела инвалидов Великой Отечественной войны.
3. Дела жителей блокадного Ленинграда.
4. Дела героев Советского Союза.
5. Дела героев социалистического труда.
6. Дела несовершеннолетних узников фашистских концлагерей.
7. Дела вдов участников и инвалидов Великой Отечественной войны.
8. Дела участников войны в Афганистане.
9. Дела получателей персональных пенсий.
10. Дела граждан, внесших значительный вклад в социально-экономическое развитие региона.
11. Дела участников трудового фронта в Великую Отечественную войну.

Большинство выплатных (пенсионных) дел содержат уникальные документы, свидетельствующие не только о фактах биографии конкретных людей, но и о разных этапах истории нашей страны. Например, в пенсионных делах персональных пенсионеров хранятся пенсионные удостоверения партизан, грамоты к юбилейным датам, наградные листы (рис. 1, 2). Среди документов получателей пенсии

по случаю потери кормильца, назначенной в период Великой Отечественной войны, есть похоронки — извещения о смерти мужей, сыновей, братьев, документы, содержащие информацию о составе семьи, даты призыва на фронт, места работы до призыва (рис. 3).

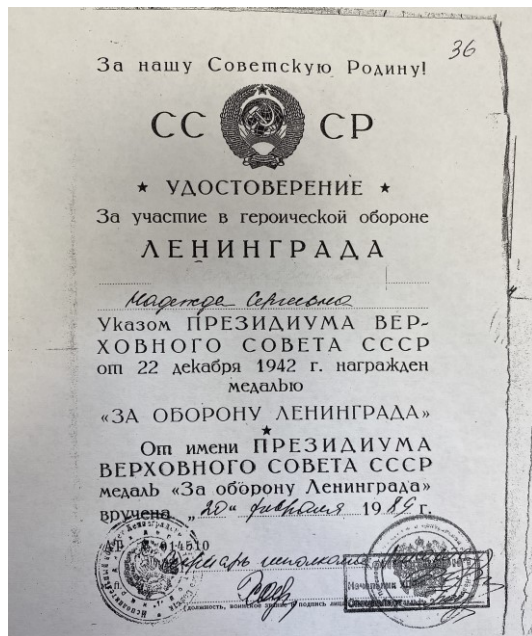

Рис. 1. Удостоверение за участие в героической обороне Ленинграда [1, л. 36]
Certificate for participation in the heroic defense of Leningrad [1, p. 36]

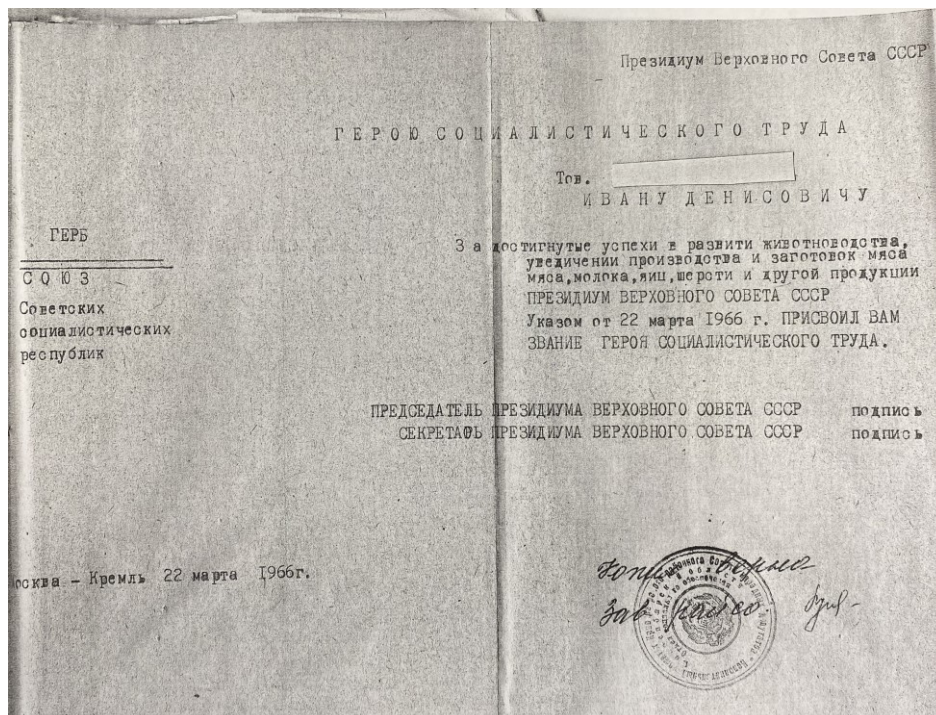

Рис. 2. Свидетельство о присвоении звания Героя Социалистического Труда [2, л. 22]
Certificate of assignment of the title Hero of Socialist Labor [2, p. 22]

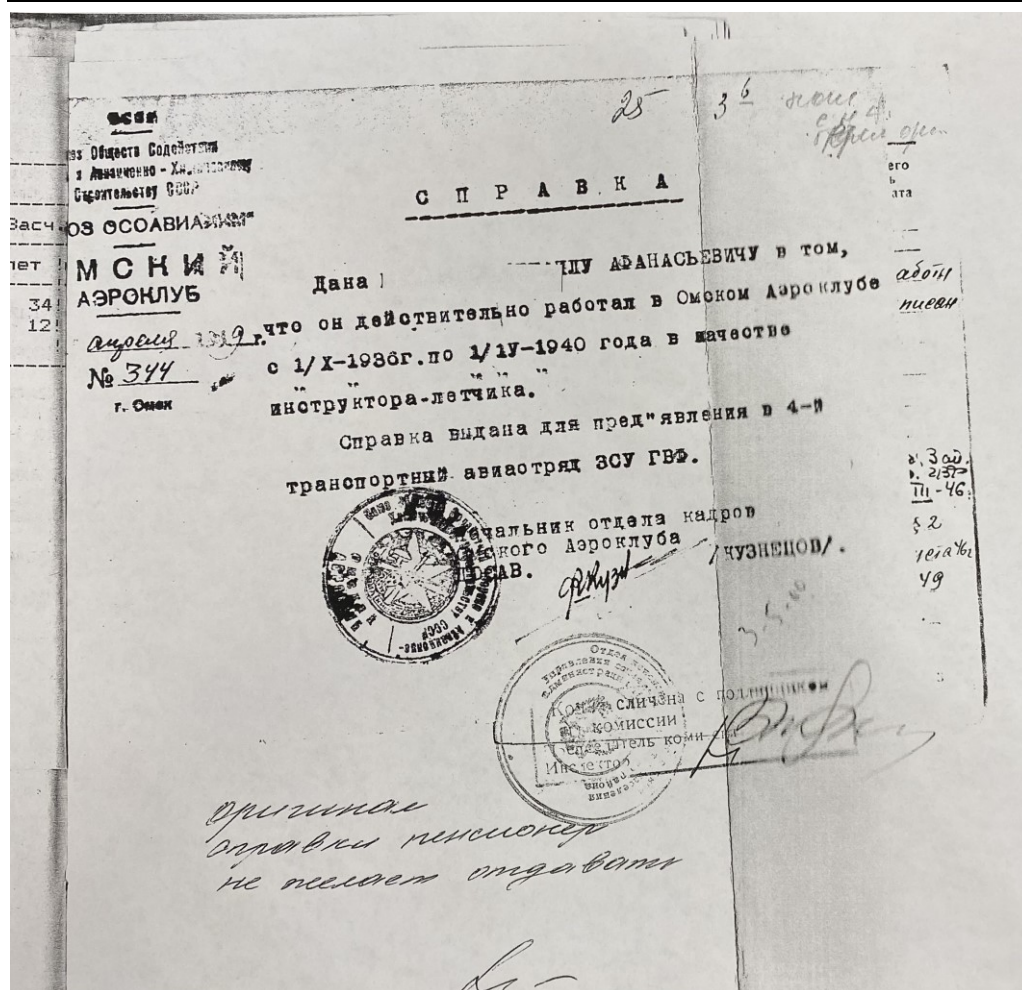

Рис. 3. Справка, подтверждающая работу в Омском аэроклубе с 1936 по 1940 г. [3, л. 25]
Certificate confirming work at the Omsk flying club from 1936 to 1940 [3, p. 25]

Важным документом в составе выплатного (пенсионного) дела является справка о составе семьи (рис. 4). В первые годы Советской власти и до начала паспортизации в середине 1930-х многие граждане не имели фамилии. В одной семье родные братья и сестры могли носить разные фамилии: по имени отца, по отчеству отца, по девичьей фамилии матери или ее отчеству. Без справки о составе семьи эти лица считались друг другу чужими людьми. Если по какому-то региону акты книги органов ЗАГС не сохранились, то доказать родство возможно только в суде. При отсутствии документов, подтверждающих родство (справка и свидетельство ЗАГС), подобная справка может быть использована для комплексного анализа документов, как косвенное подтверждение родства между членами семьи. Кроме того, справка ценна тем, что в ней могут быть указаны представители трех поколений и упоминаться лица, рожденные в дореволюционный период.

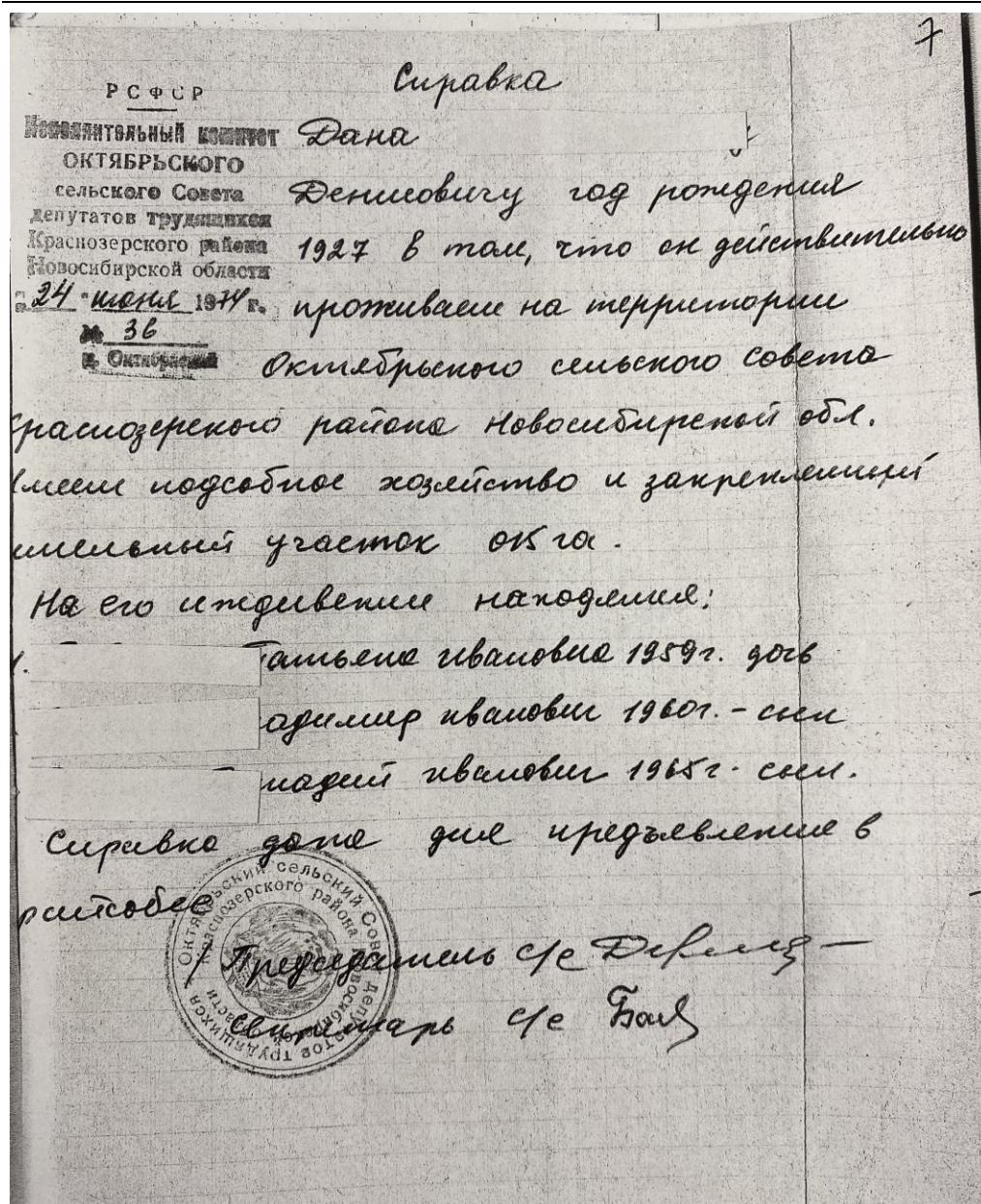

Рис. 4. Справка о составе семьи [2, л. 21]
Certificate of family members [2, p. 21]

В различных регионах Российской Федерации сохранность фондов отделов ЗАГС разная. Это связано, например, с тем, что в годы Великой Отечественной войны на оккупированных и прифронтовых территориях некоторые архивы были уничтожены. Но в регионах, где не было военных действий, также случались чрезвычайные ситуации: пожары, наводнения, паводки, влекшие за собой полную или частичную утрату архивных фондов. Ненадлежащие условия хранения документов, низкое качество бумаги и чернил тоже влияли на сохранность фондов. В связи с этим справка о составе семьи может быть единственным документом, позволяющим подтвердить

родство с погибшим солдатом. Супруги, официально зарегистрировавшие брак, нередко продолжали числиться под своими добрачными фамилиями. Такая справка подтверждает, что женщина — действительно жена своего мужа, а также, что она не могла работать и обеспечивать себя сама, поэтому нуждалась в помощи государства.

Справка с места работы до призыва иногда является единственным подтверждением существования села или колхоза. В военное время фашисты уничтожали не только документы, но и организации, колхозы, совхозы и даже целые населенные пункты. Такая справка — доказательство того, что поселок и колхоз существовали, а человек там работал (рис. 5). Другие документы о их существовании могли не сохраниться ни в районных, ни в региональных архивах страны.

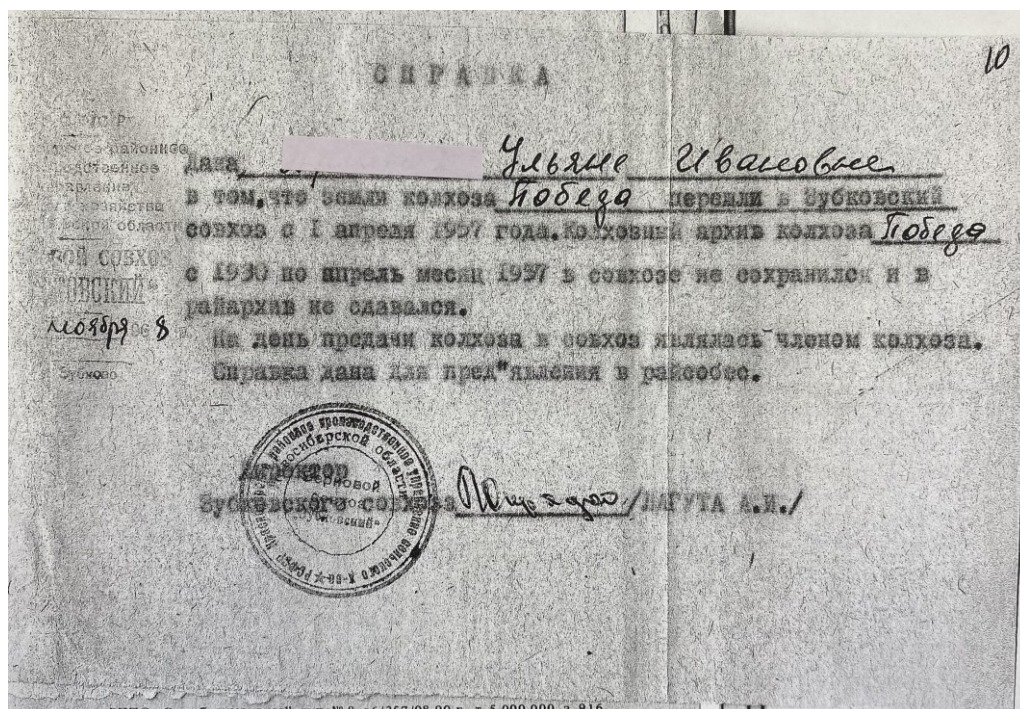

Рис. 5. Справка о том, что документы колхоза «Победа» за 1930—1957 гг. не сохранились, земли колхоза перешли в Зубковский совхоз [4, л. 10]

Certificate that the documents of the "Pobeda" collective farm for 1930—1957 have not been preserved, the lands of the collective farm were transferred to the Zubkovsky state farm [4, p. 10]

Также в архивных делах хранятся оригинальные документы делопроизводства периода его создания, которые отсутствуют на сегодняшний день, например оригиналы протоколов опроса свидетелей, подтверждающих стаж работы в колхозе (рис. 6).

ПРОТОКОЛ № _____ **от** 5. июня 1968 г.

Совета социального обеспечения колхоза

Красноярский Район
Новосибирская область, края, АССР

Об установлении стажа работы в колхозе **Победа**

р. **Ильина, Ивановна**
(фамилия, имя, отчество)

д. рождения 1910 с 1930 г. по 1957 г.

Я, свидетель **Трапезникова Любовь**
(фамилия, имя, отчество)

член колхоза **"Победа" совхоза**
(наименование колхоза)

д. рождения 1909 г. по 1957 г.

адрес **с. Н. Балашиха**

предупрежденный об ответственности за ложные показания, показываю:

что действительно гр-ка **Ильина Ивановна** работала в колхозе **"Победа"** на разных работах с 1931 по 1957 и была членом колхоза.

Знаю по совмещенной работе в одном колхозе она была членом колхоза на день перехода колхоза в совхоз.

Пояпись свидетеля **Косраманова**

5. июня 1968 г.

2. Я, свидетель **Трапезникова Любовь**
(фамилия, имя, отчество)

член колхоза **"Победа"**
(наименование колхоза)

с 1930 г. по 1957 г.

д. рождения 1913 г. по 1957 г.

адрес **с. Н. Балашиха**

предупрежденный об ответственности за ложные показания, показываю:

что действительно гр-ка **Ильина, Ивановна** работала в колхозе **"Победа"** на разных работах с 1931 по 1957 и была членом колхоза.

Знаю по совмещенной работе она была членом колхоза на день перехода колхоза в совхоз.

Подпись свидетеля **М. Гиль**

5. июня 1968 г.

Решение совета: считать установленным, что гр. **Ильина, Ивановна** работала в колхозе с 1931 г. по 1957 г.

Председатель совета: **Бирне**
Члены совета: **М. Гиль**
Утверждено управлением кадров
М. П. Председатель колхоза **Б. Чернов**

РАСПИСКА

В получении документов:

Красноярский район (городским) отделом социального обеспечения

Новосибирская область, края, АССР

Член колхоза **Ильина, Ивановна**
(фамилия, имя, отчество)

1. Заявления
2. Справки
3. Справки
4. Справки
5. Справки
6. Прочие.

Представление (заявление) зарегистрировано под № **202**

5. июня 1968 г.

Документы приняты **Тиль**
(ст. инспектор, инспектор)

Расписку получил **Ильина**
(подпись)

Н. П. Рубанова

Рис. 6. Протокол об установлении стажа работы в колхозе «Победа» [4, л. 8, 8 об.]
Protocol on establishing length of service at the "Pobeda" collective farm [4, p. 8, 8 rev.]

Историческая ценность выплатных (пенсионных) дел не вызывает сомнений. Для родственников, для исследователей могут представлять интерес рукописные автобиографии; свидетельства о болезни или полученных ранениях при защите Родины с указанием места и военных операций, в которых человек получил ранения; госпиталей, в которых получал помощь и проходил реабилитацию. Сегодня много говорят о попытках фальсификации истории, умалении подвига советского человека в годы Великой Отечественной войны. Данные справок, хранящихся в выплатных (пенсионных) делах, подтверждают исторические факты.

Список источников

1. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Новосибирской области» (ГКУ НСО ГАНО). Ф. Р-2801. Оп. 5. Д. 13.
2. ГКУ НСО ГАНО. Ф. Р-2801. Оп. 21. Д. 15.
3. ГКУ НСО ГАНО. Ф. Р-2801. Оп. 5. Д. 26.
4. ГКУ НСО ГАНО. Ф. Р-2801. Оп. 21. Д. 51.

References

1. *Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstven-nyj arxiv Novosibirskoj oblasti" (GKU NSO GANO) [State Archives of the Novosibirsk Region (Hereinafter referred to as GANO)]*, coll. R-2801, aids. 5, fol. 13.
2. *Hereinafter referred to as GANO*, coll. R-2801, aids. 21, fol. 15.
3. *Hereinafter referred to as GANO*, coll. R-2801, aids. 5, fol. 26.
4. *Hereinafter referred to as GANO*, coll. R-2801, aids. 21, fol. 51.

Информация об авторах

Чернобай Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, начальник отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: olgacher-nobaj@yandex.ru

Чернобай Георгий Константинович — архивист, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Information about the authors

Olga L. Chernobay — Candidate of Historical Sciences, head of the Acquisition, Departmental Archives and Office Work Department, State Archives of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: olgacher-nobaj@yandex.ru

Georgy K. Chernobay — archivist, State Archives of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN TRACE

Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 99—124.
Siberia Humanitarian. 2025;(2):99—124.

Сохранение исторической памяти: русский след

Научная статья
УДК 94(47).084.3-054.7(092):325.25
DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-99-124
EDN KEGYBH

Из Царского Села в Ирландию: воспоминания Елизаветы Николаевны Курис о ее последнем годе в России

Анна Сергеевна Быкова

Независимый исследователь, Грейстоунз, Ирландия, abykovaireland@gmail.com

Аннотация. В статье представлены мемуары Елизаветы Николаевны Курис (1874—1950) «Дни террора в Царском Селе», публикуемые на русском языке впервые, а также исследуется биография Елизаветы Николаевны и членов ее семьи, анализируются обстоятельства написания и обнаружения воспоминаний, содержание и язык текста, прослеживаются параллели с воспоминаниями княгини А. Н. Голицыной. В воспоминаниях Е. Н. Курис подробно описаны испытания, выпавшие на долю ее семьи в период с октября 1918 по октябрь 1919 г.: арест, допросы в ЧК, заключение, эпидемия тифа, выживание после освобождения и отъезд из России.

Ключевые слова: Царское Село, 1918—1919 гг., революция 1917 г., мемуары, красный террор, белая эмиграция

Для цитирования: Быкова А. С. Из Царского Села в Ирландию: воспоминания Елизаветы Николаевны Курис о ее последнем годе в России // Сибирь гуманитарная. 2025. № 2. С. 99—124. DOI 10.32324/2949-1568-2025-2-99-124. EDN KEGYBH.

From Tsarskoe Selo to Ireland: Elizaveta Nikolaevna Kuris's Memories of Her Last Year in Russia

Anna S. Bykova

Independent researcher, Greystones, Ireland, abykovaireland@gmail.com

Abstract. The article presents the memoirs of Elizaveta Nikolaevna Kuris (1874—1950) *Days of Terror in Tsarskoye Selo*, published in Russian for the first time. It examines the biography of Elizaveta Nikolaevna and members of her family, analyzes the circumstances of writing and discovery of the memoirs, the content and language of the text, and traces parallels with the memoirs of Princess A.N. Golitsyna. The memoirs of E.N. Kuris describe in detail the trials that befell her family in the period from October 1918 to October 1919: arrest, interrogations in the Cheka, imprisonment, typhus epidemic, survival after liberation and departure from Russia.

Keywords: Tsarskoe Selo, 1918—1919, 1917 revolution, memoirs, Red Terror, White emigration

For citation: Bykova A.S. From Tsarskoe Selo to Ireland: Elizaveta Nikolaevna Kuris's Memories of Her Last Year in Russia. *Siberia Humanitarian*. 2025;(2):99—124. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2025-2-99-124>. <https://elibrary.ru/kegybh>.

Воспоминания русских эмигрантов, оказавшихся после революции 1917 г. в изгнании в разных странах, важны и ценны. Независимо от своих художественных качеств они являются документами эпохи, свидетельствами персонального опыта и идентичности со всеми плюсами и минусами эго-документов. В данной статье мы хотим представить мемуары Елизаветы Николаевны Курис «Дни террора в Царском Селе», где она рассказывает о своей жизни с октября 1918 по октябрь 1919 г. в Царском Селе, об арестах, заключении в тюрьму, допросах в Чрезвычайной комиссии и пережитой эпидемии тифа, а также бегстве из России.

Елизавета Николаевна Курис родилась 11 (24) ноября 1874 г. в Санкт-Петербурге в семье Николая Ивановича Петрова (1841—1905), на тот момент полковника, начальника отделения Главного штаба, и Елизаветы Михайловны Зеленко, тоже происходившей из семьи военного. Елизавета Николаевна была старшим ребенком в семье, судьба ее младшего брата Владимира (род. 1878) нам не известна. Отец происходил из дворян Саратовской губернии, но семья была небогата, родовых или благоприобретенных имений не имела. К моменту замужества Елизаветы Николаевны ее отец в чине генерал-лейтенанта занимал должность директора Департамента полиции МВД, затем был назначен начальником Главного управления почт и телеграфов (1895—1905), в 1901 г. произведен в генералы от

инфантерии «за отличие по службе», в 1903 г. назначен членом Государственного совета¹ [1].

Девятого сентября 1894 г. в возрасте 19 лет Елизавета Николаевна вышла замуж за корнета Ивана Ивановича Куриса (1871—1938). Кúрисы — дворянский род с греческими корнями, история которого тесно связана с Новороссией, Таврией, Одессой. Муж Елизаветы Николаевны около 15 лет прослужил в лейб-гвардии Гусарском Его Императорского Величества полку, в 1907 г. вышел в отставку в чине полковника. Именно тем, что Иван Иванович давно оставил службу и жил помещиком, объясняется факт, что он избежал участи многих своих знакомых быть расстрелянным.

Так как полк квартировал в Царском Селе, то и жизнь четы Курисов была связана с этим местом. После свадьбы они снимали квартиру в доме светлейшей княгини Имеретинской на Средней улице, а после выхода Ивана Ивановича в отставку купили дом № 13 на Павловском шоссе [2, с. 15]. В семье родились двое детей: сын Николай (род. 1895) и дочь Любовь (род. 1896). Население Царского Села было небольшим, многие дружили или были хорошо знакомы. Во время Первой мировой войны Курисы организовали госпиталь в своем доме, Елизавета Николаевна бывала в больницах, хорошо знала врачей и медсестер в Царском Селе, так что неудивительно, что ее с дочерью тепло принимали в госпитале после их заключения.

Иван Иванович, как старший сын в семье, после смерти отца Ивана Ираклиевича Куриса (1841—1898) унаследовал богатое родовое поместье Курисово-Покровское (сейчас село Петровка, Одесская область, руины усадьбы и ныне известны как «замок Курисов»), а также коллекции отца. Иван Ираклиевич был известным коллекционером. Основу его коллекции составляли бумаги А. В. Суворова, Г. Р. Державина, графа Д. И. Хвостова и других знаменитых людей, автографы таких русских писателей и поэтов, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Ф. В. Булгарин. У него была большая коллекция редких и антикварных книг, собрание археологических древностей (скульптуры, фарфор, предметы мебели, картины, гравюры). Славилась его нумизматические и филателистические коллекции. Историки считают, что большую часть коллекций Иван Иванович перевез в свой дом в Царском Селе [2]. Страх потерять эти сокровища и держал Курисов в Царском Селе после революции. Как и многие их знакомые, они, вероятно, верили, что беспорядки скоро закончатся, восстановится прежняя жизнь и все вернутся к привычному укладу. Им даже оставляли на сохранение вещи уезжавшие друзья (например, так поступили Чеботаревы, жившие от Курисов через дорогу) [3, с. 201]. Второй причиной, по которой Курисы не покинули свой дом, была эпидемия испанки, грипп поразил Елизавету Николаевну и Любовь Ивановну.

¹ На государственной службе отличился и старший брат отца — Александр Иванович Петров (1838—1915). На свадьбе племянницы он присутствовал как гофмейстер Двора Его Величества. В 1886—1895 гг. харьковский губернатор, в 1895—1897 гг. он станет помощником варшавского генерал-губернатора по гражданской части, в дальнейшем — сенатором и получит чин действительного тайного советника.

Княгиня Г., упомянутая в мемуарах, не кто иная, как княгиня Александра Николаевна Голицына (ур. Мещерская, 1864—1940) — вдова князя Павла Павловича Голицына (1856—1914). После смерти мужа она с детьми переехала в Царское Село, где поселилась в квартире «на тихой Новой улице, расположенной на южной окраине города и шедшей параллельно Бульварной (Ленинградской)» [4, с. 606]. Ее и дочь, княжну Марию Павловну (1895—1976), арестовали в те же дни, что и Курисов. Написанные княгиней Голицыной в эмиграции воспоминания опубликованы в Москве в 2017 г. под названием «Когда с вами Бог: воспоминания»¹. К сожалению, она не указывает конкретную дату ареста, пишет, что он «длился шесть недель. <...> Нас отпустили 22 ноября старого стиля 1918 года» [5, с. 180]. Из этого можно высчитать, что арест был произведен 22—24 октября 1918 г. (по новому стилю)

Ее описание дней, проведенных в ЧК, во многом совпадают с историей Курис. В отличие от Елизаветы Николаевны, Александра Николаевна рассказывает больше подробностей и упоминает гораздо большее число людей, что ценно для исследователей, при этом она более эмоциональна и несдержанна в оценках. Так, из ее воспоминаний мы знаем, что женщин, которых увезли вместе с Курисами в больницу, звали госпожа Тевяшова и Ефимович [5, с. 169, 172]. Княгиня Голицына пишет, что, когда ее отпустили, она ходила в больницу навещать подруг и даже отнесла им маленькую елочку на Рождество [5, с. 181], что свидетельствует о том, что надзор в больнице был не так уж строг и визиты были возможны.

В мемуарах Курис упоминает Устинию Александровну Тевяшову (ур. Козлова, 1843—1919) — вдову генерал-адъютанта Николая Николаевича Тевяшова (1841—1905). Женщина «около восьмидесяти лет... позже она умерла от тифа», «замечательный пример того, как человек может сохранять все свое благородство и гордость в самых тяжелых и унижительных обстоятельствах». Вместе с мужем они занимались благотворительностью. В собственном доме Тевяшовых в Царском Селе, расположенном на Захаржевской улице, дом 12, во время Первой мировой войны располагался лазарет для выздоравливающих раненых [6, с. 198]. В воспоминаниях Татьяны Боткиной она описана так: «Госпожа Тевяшова излучала благородство. Высокая и стройная, она очень прямо держалась, у нее были красивые, слегка вьющиеся белые волосы. Зимой она носила скромный черный, летом серый костюм, который еще больше подчеркивал ее обаяние и породу. Присутствие молодежи ей было приятно, и я чувствовала себя в ее обществе очень уютно. Ей было по крайней мере столько же лет, сколько моей бабушке, но это мне не мешало. Она умела разговаривать со мной как с подругой, и я восхищалась ею» [7, с. 116]. Боткина считала, что Тевяшову «арестовали как жену генерала по доносу их слуги, почтенного старца, которого все считали преданным и который в начале революции держал нас в курсе текущих событий» [6, с. 431] и она погибла в петроградской тюрьме [6].

¹ Андрей Кириллович Голицын (1932—2023), готовивший книгу к публикации, неправильно идентифицировал, о каких Курисах идет речь, он принял наших героинь за Елизавету Владиславовну (ур. Машевскую, 1893—1960, жену Александра Ивановича, брата Ивана Ивановича) и ее дочь Любовь Александровну (1896—1968) [5, с. 442].

Из воспоминаний Елизаветы Николаевны и княгини Голицыной мы знаем, что Тевяшова умерла от тифа в больнице в 1919 г.

Были ли Курисы монархистами? В мемуарах Елизаветы Николаевны пишет, что на этот вопрос на допросе она ответила: «Кем же еще я могу быть, принимая во внимание класс, которому принадлежу, и службу моего мужа?» Ответ скорее вынужденный, чем искренний. В дневнике ее подруги и соседки по Царскому Селу Валентины Ивановны Чеботаревой сохранилась запись от 3 (16) апреля 1917 г.: «Ел. Ник. Курис повторила слова священника, отца Афанасия, из Знам[енской] церкви, что Государь сейчас часто плачет во время службы, но она холодна и непреклонна — „гордыня все та же”» [3, с. 191]. Это было то самое время, когда после отречения Николая II его семья находилась под арестом в Царском Селе и дети болели корью. Вероятно, она скептически относилась к действиям царя, поэтому не выказывала особой жалости к его новому положению. Также мы знаем, что сын Курисов — Николай — сражался в белой армии, был убежденным монархистом даже в зрелом возрасте. Иван Иванович после того, как семья решила уйти с белыми войсками, старался быть полезен армии Юденича, находился в распоряжении командующего войсками театра военных действий и генерал-губернатора, а также начальника Управления по осведомлению, затем был членом ликвидационной комиссии Северо-Западной армии [8, с. 186]. В эмиграции состоял в объединении лейб-гусар и Союзе пажей.

Вместе с отступающими на север белыми войсками Курисы покинули Россию. Сначала они добрались до Нарвы, затем до Таллина, переехали во Францию, а в 1931 г. — в Бельгию. В Бельгии сначала жили в городе Икселе, с 1935 г. — в Брюсселе, где Иван Иванович умер 20 декабря 1938 г. После смерти мужа Елизавета Николаевна вернулась в Иксель, а по окончании Второй мировой войны переехала к сыну в Ирландию, в деревню Коллон, графство Лауф. Там она умерла 29 октября 1950 г. и была похоронена на местном кладбище. Ее надгробие не сохранилось, хотя надгробия других членов семьи, увенчанные православными крестами, стоят и недавно были отремонтированы.

В эмиграции оказались и многие их друзья и родственники. Семья младшего брата (Александра Ивановича Куриса) выехала в Константинополь, затем в Прагу, а в 1926 г. переехала во Францию [9, с. 248—250]. Их жизнь сложилась вполне успешно, есть и ныне здравствующие потомки.

Николай Иванович Курис имел звание прапорщика лейб-гвардии Гусарского полка, воевал в Вооруженных силах юга России, к лету 1919 г. имел звание корнета. В 1920 г. оказался в Константинополе, где служил в Американском Красном Кресте. Затем работал секретарем британского консульства в Салониках (Греция), где познакомился с Полом Андерсоном¹. Третьего июня 1923 г. в Баден-Бадене женился на Ксении Николаевне Бибиковой (1894—1966) (дочери

¹ В письме Пола Андерсона от 17 июля 1982 г. историку Марвину Лайонсу есть упоминание: «Моя жена и я очень рады, что вы храните памятные вещи отца Николая. Мы не знали его лично, кроме короткого контакта давным-давно в Салониках» [10].

генерала от кавалерии Николая Валериановича Бибикова, бывшего президента (городского главы) Варшавы, и Анны Евгеньевны фон Розеншильд-Паулин), а 25 сентября 1925 г. в Салониках у них родился сын Илья — их единственный ребенок. Илья умер 24 сентября 1934 г. в возрасте 8 лет. Вероятнее всего, Николай Курис в Салониках подружился с кем-то из ирландцев — представителей благотворительных организаций для беженцев и ему обещали в Ирландии помощь. В 1931 г. семья получила разрешение на переезд и обосновалась в ирландской деревне Коллон. Николай Курис занимался куриной фермой, выращивал грибы на продажу, что было в Ирландии делом новым, выращивал и продавал цветы, овощи, фрукты.

После Второй мировой войны дом Курисов стал русской языковой школой, которая пользовалась популярностью у военных, дипломатов и представителей академических кругов и приносила неплохой доход. Спрос на занятия русским языком был большой, и Курисы стали также проводить занятия в Дублине. После смерти Ксении Николаевны последние десять лет своей жизни Николай Иванович служил православным священником, единственным постоянно проживающим в Ирландии, принадлежал к Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Русская паства в Дублине была небольшой — все прихожане были белыми эмигрантами, людьми уже преклонного возраста. Приход был очень бедным. Отец Николай Курис умер 16 августа 1977 г. [11 ; 12] Его с большим уважением вспоминают и по сей день русские, румынские и греческие эмигранты, а также многие ирландцы.

Любовь Ивановна (она писала свое имя как Люба де Курис) работала в американской ИМКА в Европе, в 1950-х гг. переехала в США. В 1967 г. переехала к своему брату в Ирландию, чтобы заботиться о нем и помогать ему в служении. Отец Николай Курис и его сестра жили в Дублине в доме, который им был предоставлен в безвозмездное пользование семьей Апраксиных¹. На втором этаже в доме была оборудована небольшая часовня. После смерти брата Любовь Ивановна вернулась в США. Она умерла 7 января 1979 г. в городке Оранж, Калифорния. После ее смерти найденные в квартире бумаги и фотографии, среди которых были и мемуары Елизаветы Николаевны, были отправлены Полу Андерсону, так как он хорошо знал Любовь Курис. Андерсон оставил себе лишь несколько вещей, в том числе и воспоминания Е. Курис. Остальное отправил близким друзьям Любове Ивановны и историку Марвину Лайонсу, который собирал материалы, сувениры и памятные вещи о Пажеском корпусе и Российской империи, ранее он уже получил часть материалов Ивана Ивановича и Николая Ивановича Курисов. Позже, в 1982 г., Лайонс получил от Андерсона и оригинальную машинописную версию мемуаров [10]. Ее судьба, как и судьба всего архива Марвина Лайонса, нам неизвестна, скорее всего, после его смерти документы были проданы и находятся в частных архивах. Фотокопия мемуаров «Дни террора в Царском Селе», сделанная для себя Андерсоном,

¹ Дом располагался по адресу: 45 Pembroke Lane, Dublin 4. Сначала он принадлежал дочери графа Петра Николаевича Апраксина Марфе Апраксиной (1913—1968), работавшей врачом в Дублине, после ее смерти — ее сестре Надежде Макаровой (ур. Апраксина, 1911—2002).

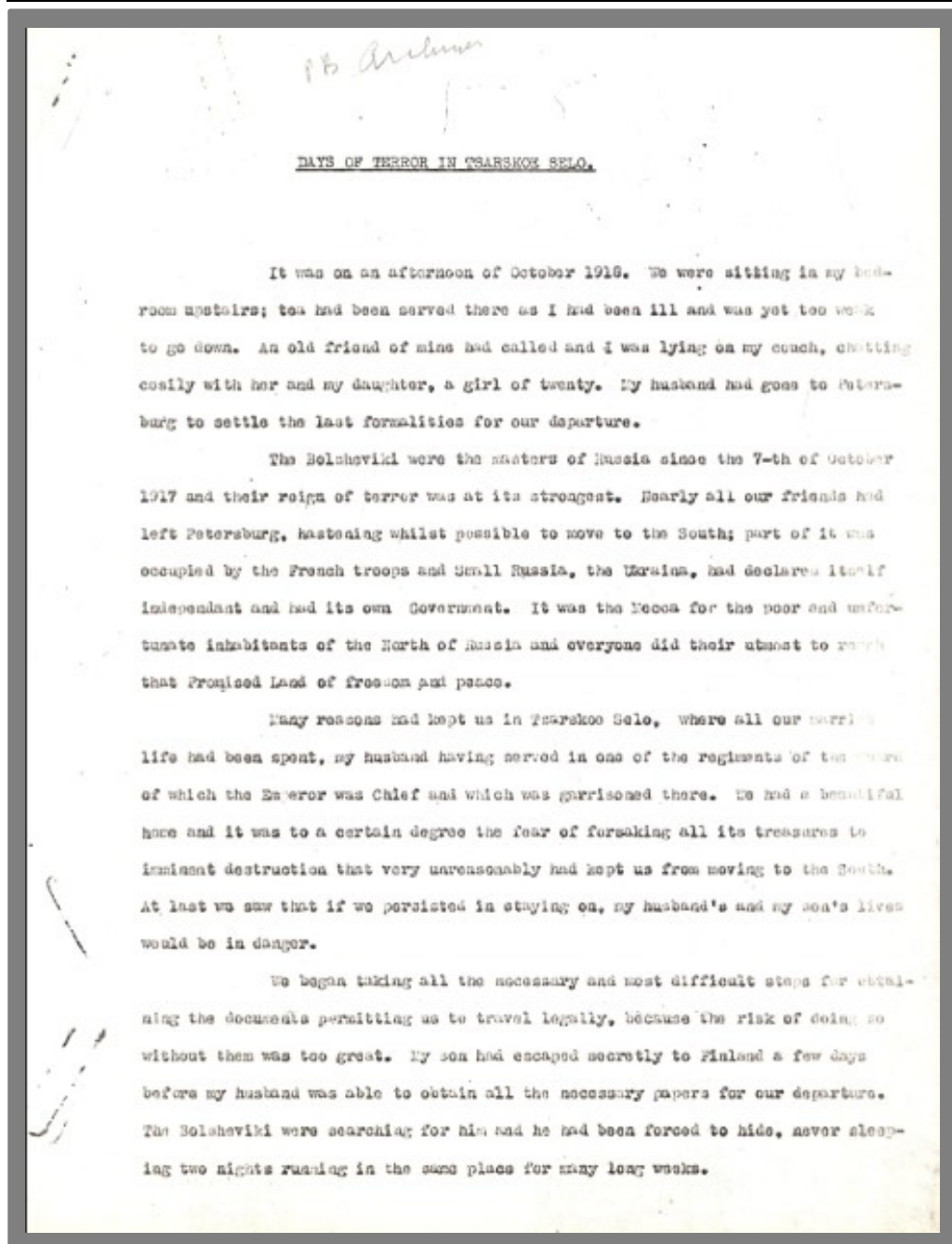
найдена среди его бумаг, она хранится теперь в архиве Университета Иллинойса, США [13].

Воспоминания Елизаветы Николаевны Курис написаны на английском языке. Мы не знаем точно, когда и для кого она их написала, но можем предположить, что это было сделано в середине 1920-х гг. Об этом свидетельствуют такие детали, как упоминание в конце повествования, что семья обосновалась в Европе и получила известие о Николае, который был эвакуирован в Константинополь и нашел там работу, при этом Любовь Ивановна работает уже второй год. Мы думаем, что она писала для коллег или знакомых дочери из Америки, поскольку не упоминает имена друзей и адреса в Царском Селе, которые должны были бы знать ее дети или родственники, не упоминает название полка, в котором служил муж, зато описывает русские реалии, например объясняет, что такое «извозчики», «черный хлеб» и «чрезвычайка». Предполагаем, что Елизавета Николаевна не раз рассказывала историю ареста и пережитых страданий, но ее убедили записать воспоминания, пока детали не стерлись из памяти. Как и многие эмигранты из Российской империи, Елизавета Николаевна не считала нужным описывать жизнь в изгнании и не называет страну, где находится в момент создания текста, как впрочем и год. Хотя для нас, живущих в XXI в., интересно узнать подробности жизни русских беженцев.

Больше 20 страниц текста воспоминаний отпечатаны на машинке (рисунок). Страницы пронумерованы, за исключением первых трех. С середины 10-й страницы текст не делится на абзацы, часто рассказ написан очень длинными предложениями, где части отделены точкой с запятой. Поля на страницах машинописи отличаются по ширине, на разных страницах используются разные интервалы между строками, что указывает на неопытность печатавшего. Можно предположить, что в какой-то момент при печати текста решили экономить бумагу. Встречаются опечатки и ошибки в написании английских слов. При переводе мы разбили текст на абзацы и разделили слишком длинные предложения на более короткие для удобства чтения.

Елизавета Николаевна использовала написание «Ukraina» вместо «Ukraine» и «Tcheka» и «Tchrezvitchaika» вместо «Cheka» и «Chrezvychaika», не использовала заглавную букву при написании слов «большевики» и «красные» (написание по правилам английского языка — «the Bolsheviks» и «the Reds»). Это может быть еще одним доказательством того, что воспоминания были написаны в 1920-х гг., до того, как подробное написание стало общепринятым. Однако нельзя исключать простую неопытность. Автор мемуаров всегда называла Санкт-Петербург Петербургом, а не Петроградом, что точно свидетельствует о неприятии нового наименования.

Мемуары написаны в сдержанном, спокойном тоне, события проанализированы и логично изложены. Помимо исторических и биографических сведений воспоминания Елизаветы Курис ценны, на наш взгляд, тем, что они написаны женщиной о женщинах и являются прекрасным примером того, как выдержка и спокойствие помогают сохранить себя в самых тяжелых испытаниях.

Первая страница машинописи мемуаров Е. Н. Курис «Дни террора в Царском Селе»
First page of the typescript of the memoirs of E. N. Kuris "Days of Terror in Tsarskoe Selo"

Отрывки из мемуаров со вступительной статьей и комментариями были нами опубликованы на английском языке в журнале итальянских славистов «Russica Romana» в 2023 г. [14] На русском языке воспоминания Е. Н. Курис публикуются впервые.

Приложение Annex

Дни террора в Царском Селе¹

(перевод с английского и комментарии А. С. Быковой)

Октябрьский вечер 1918 г. Мы сидели в моей комнате на втором этаже; нам подали чай, так как я все еще была больна и слишком слаба, чтобы спуститься. Зашла моя старинная приятельница, и я, расположившись на кушетке, вела милую беседу с ней и моей двадцатилетней дочерью. Муж отправился в Петербург уладить последние формальности перед нашим отъездом.

Большевики хозяйничали в России с 7 октября 1917 г., и их террор был в самом разгаре. Почти все наши друзья покинули Петербург, спеша, пока возможно, перебраться на юг, часть которого была занята французскими войсками, а Малороссия, Украина, провозгласила себя независимой и обрела собственное правительство. Нам, бедным и несчастным обитателям севера России, она казалась Меккой, и каждый делал все возможное, чтобы достичь сию землю обетованную, землю свободы и мира.

Многие причины удерживали нас в Царском Селе, где прошла вся наша совместная жизнь. Муж служил в одном из гвардейских полков, их шефом был сам Император, и полк был расквартирован именно здесь. У нас был прекрасный дом², и страх перед тем, что его богатства могут быть оставлены на разграбление, не давал нам решиться на отъезд на юг. Наконец мы поняли, что, если упорствовать и дальше, жизнь мужа и сына будут в большой опасности.

Мы начали предпринимать все необходимые и весьма непростые шаги для получения документов, разрешающих нам ехать легально, так как риски от путешествия без них были слишком велики. Сын тайно бежал в Финляндию всего за пару дней до того, как муж смог получить все необходимые для отъезда документы. Большевики искали его, и он вынужден был скрываться, ни разу не проведя две ночи подряд в одном месте на протяжении многих недель. Его отъезд был столь внезапным, а я так слаба и больна, что не смогла поехать в Петербург увидеться с ним и поцеловать на прощание. Он бежал в Финляндию под чужим именем, одевшись рыбаком. Мы долгое время ничего о нем не знали и очень боялись, что красногвардейцы застрелили его на финской границе.

Как я уже упомянула, тем вечером, когда берет начало мой рассказ, мы сидели за чаем, стремясь придерживаться разговора на нейтральные темы, чтобы отвлечься от постоянно мучающих нас мыслей о трагическом и безнадежном положении страны и всех нас.

Внезапно наш мирный разговор был прерван нетерпеливыми требовательными звонками и громким стуком во входную дверь, которые, как казалось, сотрясали весь дом. Мы переглянулись, отчетливо понимая, что означает этот шум: страшный визит агентов Чрезвы-

¹ Публикуется с разрешения архива Иллинойского университета в Урбана-Шампейн.

² Павловское шоссе, 13 (дом не сохранился).

чайной комиссии, известной как Чрезвычайка. Дочь поспешила вниз, и, когда она вернулась, за ней следовали два большевистских агента, вооруженные до зубов. Они напыщенно объявили нам, что мы арестованы по приказу Советского правительства и что дом окружен их людьми. Красногвардейцы с винтовками были расставлены по всему дому, один — дежурить у телефона. Он записывал имена звонивших, чтобы арестовать их позже и обыскать их дома. Все слуги и мы сами оказались заперты в моей спальне под охраной одного из агентов, который только и делал, что важничал: сидел, развалившись в кресле, держа руки в карманах, и курил прямо нам в лицо.

Все мои мысли были сосредоточены лишь на одном — когда же муж вернется из города и что его ожидает. Первой вернулась французская гувернантка дочери, женщина, которую мы любили и уважали. Ее немедленно препроводили в нашу комнату. Я выбрала момент, когда большевистский агент вышел, и передала мадемуазель свое самое ценное кольцо и изысканные жемчужные серьги. Я попросила ее сохранить их, полагаясь на наивное убеждение, что ее статус иностранки уберезет ее. Я сказала ей, что, если нас расстреляют, она вправе ими распорядиться. Сумма, что она смогла бы за них выручить, обеспечила бы ее на многие годы.

Никогда не забуду того острого чувства страдания, которое испытала, услышав голос моего дорогого мужа в коридоре. Он как раз вернулся, и его допрашивали и обыскивали большевики. У него все забрали. Я знала, что он должен был привезти из города мое жемчужное ожерелье, и, конечно, его забрали со всеми остальными ценными предметами. Эти люди сразу же присвоили себе часть наших вещей. Они разгуливали по дому с пенковыми курительными трубками моего мужа, а он собрал весьма ценную коллекцию, курили его сигареты и сигары.

Оглядываясь назад на те мрачные ужасные дни, мы теперь понимаем, что обыском дома и арестом мы обязаны двум нашим слугам, которые были коммунистами, что тогда нам было неизвестно. Они доложили Чрезвычайной комиссии о нашем возможном отъезде и о том факте, что мы принесли домой все драгоценности из тайника. Мужу, после того, как его допросили и обыскали, приказали сопровождать агентов по всему дому, доставать и показывать все наши пожитки. Это унижительное действие продолжалось всю ночь.

Сына моей подруги также арестовали и привели в нашу комнату. Они с матерью жили в нашем дворе в доме, который также принадлежал нам. Красногвардейцы отправились и туда и занялись грабеджом. Нас держали взаперти более двадцати четырех часов, в это время агенты опустошали наш дом. Они достали все из всех шкафов, набивая чемоданы и дорожные сумки нашими простынями и скатертями, одеждой, мехами и серебром. Еще долго мне казалось, что я слышу позвякивание друг о друга сваленных вместе в чемоданы тарелок и серебра.

На следующее утро нас вызывали по очереди в комнату моей дочери. Там, за экраном, который я сама вышивала для мужа с такой любовью, нам приказали раздеться. Специально привезенная большевиками женщина следила, чтобы мы разделись донага и обыскивала нас, в том числе и волосы, в поисках сокровищ, которые мы

якобы утаивали. Наша бедная мадемуазель не избежала той же участи, даже ее французское гражданство не имело значения для этих беспринципных людей. Слуги, за исключением двух коммунистов, принуждены были отдать все свои накопления и те недорогие мелкие безделушки, что заработали. Должна сказать, мы смогли сохранять спокойствие и самообладание, что еще больше приводило в ярость наших врагов, они угрожали пристрелить нас, потрясали кулаками перед нашими лицами и использовали самые страшные слова и выражения. Как же больно было видеть, с каким достоинством и спокойствием мой бедный муж встречал все эти оскорбления.

Когда нам наконец разрешили одеться, мужчина, сидевший за письменным столом моей дочери, приказал нам подойти. Он был начальником и, как и все остальные, пьян. Он велел нам снять все украшения, что были на нас, даже обручальные кольца. Мы молча подчинились, и наше внешнее равнодушие взбесило его. Он разразился яростной тирадой, полной самыми ужасными проклятиями: что мы грабили народ и отнимали то, что их по праву, что мы пили их кровь и что смерть была бы слишком легким наказанием для нас.

В час ночи на второй день нам приказали одеться и спуститься вниз. Агенты забрали все наши вещи, и в пустых шкафах мы нашли лишь зимнее пальто дочери и меховой жакет. Моей бедной подруге, женщине 65 лет, отказали в разрешении послать домой за ее пальто. Эти негодяи пригрозили застрелить ее, если она не последует за ними, так что ей пришлось идти в платье и легкой шали, накинутой на голову.

Никогда не забуду тот трагический момент: темные дубовые ступени слабо освещены лишь мерцающими свечами, пьяные, жестокие лица мужчин, их триумф и ненависть, и мы, спокойные и прекрасно владеющие собой, неслышно идем следом за ними по нашим собственным ступеням к грузовику, ожидающему во дворе, освещенном факелами. Также никогда не забуду и двух слуг-коммунистов, стоящих в верхнем коридоре, смеющихся и издевающихся над нами и другими арестованными слугами.

Во дворе стояло несколько багажных фургонов, забитых нашими чемоданами, готовые к отправке. Нам приказали забраться в грузовик, куда вместе с нами уселись четверо или пятеро вооруженных охранников. Они держали винтовки наготове. Должна сказать, я была абсолютно уверена в судьбе, которая ждала всех нас: Петербург, Чрезвычайная комиссия, а затем — рано или поздно — смерть.

Мы пронеслись по темным, хорошо знакомым улицам, пьяные сопровождающие постоянно палили в воздух, надеясь испугать нас и заставить кричать, чтобы иметь повод прикончить нас прямо там на месте. Мы определенно не доставили им такого удовольствия и были доставлены живыми к дому нашего друга графа С. Ф.¹, бывшего офицера — однополчанина моего мужа. Мы посещали данный дом по многим случаям, совершенно отличным от нынешнего. Нас оставили ждать в ледяном темном зале, полном пьяных красноармейцев. Ожидание показалось мне вечностью, потом пришли новые

¹ Дом графа Стенбок-Фермора на ул. Широкой не сохранился. Александр Владимирович Стенбок-Фермор (1878—1945) служил вместе с И. И. Курисом в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку.

агенты Чрезвычайки и увели мужа вместе с сыном моей подруги. Что за момент: я была уверена, что нас разлучают навсегда. Через какое-то время пришли и за нами, женщинами, и повели по темному дому, который я все никак не могла признать в его новом состоянии. Казалось, нас конвоировали прямо к крыше.

Тюремщик провел нас по длинному темному коридору мимо нескольких закрытых дверей. На следующий день мы узнали, что за ними были камеры, заполненные арестованными большевиками известными людьми, многие из которых были нашими друзьями. Мужчина остановился перед последней дверью, открыл ее и буквально втолкнул нас в темноту. Мы споткнулись обо что-то и упали. Кто-то зажег спичку, и мы увидели на мгновение маленькую комнату, где вповалку на полу лежали женщины. Было так тесно, что нам ничего не оставалось, как лечь там, где мы упали. В полной темноте и тишине, нарушаемой только тяжелыми вздохами и стонами заключенных, мы устроились в этой куче, как смогли. Мною овладело чувство полного равнодушия к происходящему, я жила только одной мыслью, одним мучением — куда они забрали моего мужа?

Дочь прижалась ко мне, и так мы провели нашу первую ночь в заключении.

Раннее утро началось с неожиданной большой радости: из соседней камеры мы услышали кашель моего мужа. Новые доказательства милости Божией были явлены нам: вскоре вошел новый тюремщик с кувшином теплой воды, в которой плавала пара листиков чая¹, — таков был наш завтрак на протяжении всех четырнадцати дней, что мы оставались в Чрезвычайной комиссии. Перед уходом он выкрикнул мое имя и показал знаками, чтобы я следовала за ним в коридор. Когда я вышла, он хрипло пробормотал, что мой муж в порядке и бодр. Я поблагодарила его, но не осмелилась передать какое-либо сообщение мужу, опасаясь предательства. Позже выяснилось, что этот тюремщик служил солдатом в полку мужа, он обращался с нами вполне прилично, даже умудрялся открывать двери наших камер в одно и то же время, позволяя обменяться несколькими словами приветствия. Это успокаивало, давало нам с дочерью силы и поддерживало в нас мужество.

В одной камере нас было пятнадцать женщин; она была так тесна, что, когда мы ложились, между нами совсем не оставалось свободного места. Мы спали на полу на тонких матрацах, используя свои пальто вместо подушек².

¹ Княгиня Голицына пишет, что именно Курис[с]ы принесли с собой чай: «Раз в день нам приносили большой кувшин кипятку, в который Курис[с]ы опускали несколько чаинок из спичечной коробки, принесенной с собой. Это называлось утренним чаем» [5, с. 169].

² Княгиня Голицына в своих мемуарах описывает комнату подробнее: «Женская камера была в третьем этаже в коридоре за кухней и, видно, служила когда-то комнатой кухонных мужиков. В ней было только одно окно, заделанное кирпичами с пролетами, через которые виднелся золотой крест Екатерининского собора. Комната была переполнена женщинами, там были: госпожа Курис[с] с дочерью и ее французской гувернанткой; Новосильцева, жившая прежде в соседнем доме; госпожа Ефимович; кухарка и горничная Тевяшовой; одна премилая баба по фамилии Мишура. <...> Еще была одна молодая жидовка и две какие-то женщины, которые, кажется, были чекистками, обязанными наблюдать и подслушивать. А еще была девушка Курис[с]ов, так что всего в маленькой комнате оказались двенадцать человек. <...> В комнате было две кровати: на одной лежала весь день госпожа Курис[с], на другой — Новосильцева. Была также небольшая тахта, на которой лежали три женщины. Для остальных были матрацы на полу, так что вся комната была заставлена» [5, с. 168—169].

Среди заключенных мы встретили троих наших знакомых, арестованных раньше нас. Это все были женщины, принадлежащие к лучшим семьям. Одной из них было около восьмидесяти лет, и позже она умерла от тифа¹. Слуги наших друзей также были арестованы.

Каждый день к арестантам добавлялись новые лица, но большинство из них оставались только на день или два. Обычно это были женщины из низших слоев общества, и казалось очевидным, что большевики специально сажали их в нашу камеру, чтобы сделать наше пребывание здесь еще более невыносимым. Они разговаривали ужасным языком, по ночам сыпали ругательствами и сплевывали на пол. Для меня и моей подруги, княгини Г., было невыразимо горько видеть наших дочерей рядом с такими низкими созданиями.

Мы проводили свои дни следующим образом: по утрам нашу дверь отпирали и нас вели на кухню; там, под насмешливым взглядом тюремщика, нам позволяли помыть руки и лицо под краном. Если охранник был в плохом настроении, он едва позволял нам умыться, крича, что нам лучше бы забыть о наших барских привычках, и приказывал немедленно вернуться в камеры. После этого он приносил наш завтрак, который состоял, как я уже упоминала, из кувшина с теплой водой². Затем он обычно уходил и запирали за собой дверь. Мы ненавидели звук ключа, поворачивающегося в замке.

Так как, когда мы покидали дом, нам ничего не позволили взять с собой, время тянулось очень медленно. Княгиня Г. оказалась более удачлива, она захватила с собой несколько книг и каждое утро читала нам из Евангелия, из святого источника мы черпали мужество и утешение.

В 3 часа дня нам давали обед. Обычно он состоял из крошечного кусочка черного хлеба, двух-трех отварных картофелин — чаще всего гнилых — и одной селедки, которую нужно было разделить на всех пятнадцать человек³. Ни ножей, ни вилок нам не давали, тогда моя горничная сообразила вынуть из корсета стальную косточку и с ее помощью чистила и делила рыбу. Случались и счастливые дни. Когда арестовывали крестьян, семьи передавали им большие ведра с супом, которые распределялись между всеми заключенными, каждому доставалось один-два половника. Мы лакали суп как собаки, очень аккуратно подталкивая редкие кусочки овощей к губам пальцами, чтобы ни в коем случае не пропустить ни одного драгоценного кусочка капусты. Обычным же состоянием к этому времени были голод и слабость с оглушительным звоном в голове.

¹ Устиния Александровна Тевяшова (ур. Козлова, 1843—1919), вдова генерал-адъютанта Николая Николаевича Тевяшова (1841—1905).

² Княгиня Голицына рассказывает так: «Дважды в день, утром и вечером, нас выпускали погулять в коридор для туалета <...>. Всего-то нам давали по десять минут, а утром нужно еще было исхитриться и забежать на кухню, чтобы вымыться под краном да вычистить зубы. Если же у крана нас заставлял чекист, то всегда кричал: „Нечего вам, буржуям, здесь размыться! И так хороши!“ и при этом прогонял» [5, с. 169].

³ У Голицыной несколько по-другому: «В 12 часов давали две селедки, полфунта на всех черного хлеба, завернутого в грязную тряпку, и несколько маленьких картошек. Со временем мы узнали, что все продукты приносили крестьяне для своих арестованных, но тем никогда не доставалось, так как отдавалось другим заключенным. Все это, конечно, делилось поровну, и обыкновенно просили почему-то делить меня» [5, с. 169].

Я жила в постоянном ужасе, две мысли все никак не давали мне покоя. Первая — страх услышать, как мужа забирают из соседней камеры и увозят, конечно же, в неизвестном направлении. И второй страх — видеть, как мою дочь уводят на допрос и представлять все, что этот кошмар может за собой повлечь.

Первые несколько дней тянулись монотонно: мы либо разговаривали намеками, но больше молчали, ослабевшие от голода и погруженные в свои печальные мысли. Мне было очень плохо. Старый недуг, от которого я так и не отправилась до ареста, обострился от новых телесных и душевных страданий. Все дни я проводила на жестком матрасе на полу.

На четвертый день, поздним вечером, дверь нашей камеры внезапно открылась, и при свете лампы, которую держал тюремщик, мы разглядели двух красноармейцев с винтовками. Они выкрикнули мое имя, приказывая следовать за ними. Так случилось, что именно в тот вечер я впервые расшнуровала ботинки, до того мы все боялись это делать, но ноги настолько сильно отекали, что невозможно было стоять. И хотя я даже не пыталась зашнуровать ботинки, а только трясущимися пальцами пыталась обмотать шнурки вокруг ног в совершенно темной камере, охранник посчитал, что я вожусь слишком долго и пригрозил застрелить меня, если я не потороплюсь. С большим трудом с помощью дочери и друзей я поднялась с пола и, шатаясь, последовала за охранником по темному коридору. Проходя мимо камеры мужа, я мысленно простилась с ним и молилась, чтобы издаваемый нами шум не привлек его внимания. Мы прошли через многие комнаты, некоторые из них были мне хорошо знакомы. Вот гостиная, в которой мы танцевали много раз веселыми вечерами. Теперь они были завалены кучами награбленного. Я узнала некоторые вещи, которые были взяты из нашего дома или домов наших друзей.

Конвоиры привели меня в комнату графини, она освещалась одной свечой, стоящей на письменном столе. За столом сидел мужчина с бледным грубым лицом. Он был вооружен с ног до головы, что, конечно, абсолютно естественно, когда имеешь дело с таким опасным преступником, как я. Он долго смотрел на меня, видимо, стараясь произвести впечатление своей твердостью и суровостью. Чувствуя, что из-за слабости я больше не могу стоять и вот-вот упаду перед ним, я попросила дать мне стул и стакан воды. Опасаясь, что моя слабость может быть по ошибке воспринята как трусость, я напомнила ему, что меня бросили в тюрьму после серьезной болезни. Он пододвинул мне кресло и затем, усевшись, немедленно приступил к допросу.

— Каковы ваши политические убеждения? Вы монархистка? — громко выкрикнул он свой первый вопрос.

— Кем же еще я могу быть, принимая во внимание класс, которому принадлежу, и службу моего мужа? — ответила я.

— Но вам должно быть стыдно за такие чувства, — воскликнул мужчина, — неужели вы не понимаете, что именно из-за таких как вы народ погряз в нищете и страданиях? Моя мать, несмотря на свой преклонный возраст, работает как проклятая, едва зарабатывая на кусок хлеба!

— Я прекрасно осознаю, как тяжело и беспросветно живетсЯ многим вашим людям, но разве так происходит только в нашей стране?

— Так вы признаете социализм? — нетерпеливо спросил мужчина.

— Как некий идеал, за который мы все должны бороться, — да, но, боюсь, его нельзя воплотить в жизнь и особенно в стране, где люди стоят на такой низкой ступени культуры, как здесь. Как бы то ни было власть теперь в ваших руках, вот и покажите нам, что равенство и свобода — не пустые слова и вы закладываете основание новой эры. Но, боюсь, случится все совершенно наоборот, и вместо царства равенства и свободы движущими силами станут ненависть и личная месть.

Затем мы обсудили политику во вполне мирном тоне, мой судья забыл о допросе, и мы проговорили до утра. Мы связывали наш арест с побегом сына в Финляндию, и я с волнением ждала вопросов об этом. К моему удивлению, большевистский агент лишь вскользь упомянул имя моего сына, так что стало очевидно, что нас арестовали, чтобы ограбить нас и наш дом. Достигнув таких блестящих результатов, обнаружив и награбив гораздо больше, чем ожидали, они, наверное, не хотели больше о нас думать, и я почувствовала уверенность, что если нас не отправили в Петроград в Чрезвычайную комиссию (ЧК, как ее называли), то, возможно, мы будем спасены. Я едва могла собраться с мыслями, голова кружилась от усталости и слабости, но я старалась изо всех сил не сдаваться перед моим врагом. Наконец он и сам устал, поднялся и важно заключил: «Теперь вы можете идти». Затем изменил тон и прокричал во весь голос: «Завтра я допрошу вас снова при совсем других условиях и найду средства заставить вас говорить и признать свои преступления!» Какие преступления? Когда ни слова о них не было сказано. Конечно же я понимала, что его громкие слова были адресованы не столько мне, сколько двум охранникам у двери. Они тут же вошли. Меня отвели обратно в камеру, где я в полубессознательном состоянии повалилась рядом с дочерью. Бедное дитя пережила агонию отчаяния, ожидая меня. Меня не было около трех часов, и она, и мои друзья были уверены, что я не вернусь. На следующий день я была слишком больна, чтобы куда-то идти, и это спасло всех нас.

Прошло несколько дней, но ничего не менялось, на допросы не вызывали. Состояние здоровья ухудшалось с каждым днем, я больше не могла держаться и попросила врача. Просьбу оставили без внимания. Однажды вооруженные люди пришли за дочерью, французской гувернанткой и мной и повели всех вниз. Каждую из нас по очереди отводили к человеку, которого мы прежде не видели. Он не участвовал в обыске нашего дома. Вскоре стало ясно, что, к счастью для нас, он был не большевиком, а социалистом. Он проявил себя хорошим и добрым человеком. Исключительно ему мы обязаны переводом из ЧК. Он был одним из судей Чрезвычайной комиссии, проводившим допросы, хотя его политические убеждения отличались от убеждений тогдашних властей, среди которых было совсем немного людей, обладавших культурой или профессией. Он разговаривал с нами по-доброму и допрашивал по-человечески.

Заметив мое тяжелое состояние, он поинтересовался, чем я больна, добавив, что в молодости изучал медицину, и предложил говорить

с ним откровенно. После моего рассказа о недуге он проникся сочувствием.

— Неужели вас арестовали и бросили сюда в таком состоянии? И теперь не позволяют увидеться с врачом? Назовите мне сейчас же имя вашего врача, и обещаю вам, что он будет у вас сегодня же.

Глубоко тронутая его добротой, такой редкой и ценной в подобном месте, я назвала имя своего врача. Он тут же отпустил меня. С такой же внимательностью он отнесся к дочери и мадемуазель. Когда последнюю привели к нему, он уверил ее, что выполнит обещание. Он сказал ей, что его ужасает наш арест:

— Эти люди совершенно невиновны, — сказал он, — их единственное преступление — их богатство. И все. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы добиться их освобождения. К несчастью, не будучи большевиком, я могу не так уж много, я сам под подозрением и за мной пристально следят. Но я обещаю вам, что врач сегодня осмотрит вашу подругу.

Вечером, часов в 11, дверь нашей камеры открылась, и в сопровождении двух красноармейцев и агента ЧК вошел наш доктор. Можете легко представить его ужас от встречи с нами при таких обстоятельствах, но он совладал с собой, чтобы не выдать своих чувств и эмоций перед охранниками, остававшимися рядом на протяжении всего его визита. В такой обстановке он, естественно, не мог провести осмотр, только дал лекарство. Доктор обещал ходатайствовать за нас и упросить, чтобы меня и мою дочь перевели в больницу. Я рассказала ему, что за все четырнадцать дней, проведенных здесь, мы ни разу не раздевались, и что боль, которую я испытывала, порой становилась столь невыносимой, что я сомневалась, выдержу ли еще хоть немного. И он, и я мало верили в успех, слабая надежда угасла совсем по прошествии нескольких дней, ничего не менялось.

На четвертый день после визита доктора дверь камеры вдруг распахнулась, и внутрь вошли несколько красноармейцев. Они были вооружены винтовками, также на поясах висели большие револьверы. Их сопровождали два агента ЧК. Они выкрикнули наши имена, а также имена двух пожилых дам и юной княжны Г. Нам приказали надеть пальто и следовать за ними. Бедную мать княжны Г. разлучили с ее дочерью, даже не сказав, куда ту уводят. Наша любимая мадемуазель и остальные слуги остались в Чрезвычайной комиссии. Пока мы собирались, я напряженно прислушивалась к тому, что происходит в соседней камере, где находился муж. Вокруг царила тревожная тишина, ничего необычного не было слышно. Когда мы оделись, красногвардейцы окружили нас и повели по коридору. Проходя мимо камеры мужа, я заметила, что она открыта, и с ужасом увидела, как он торопливо надевает пальто. «Куда они его увозят?» — меня охватило тошнотворное чувство ужаса, и тотчас же пришла мысль о жуткой Верховной чрезвычайной комиссии в Петербурге¹. Я знала слишком хорошо, что, если он попадет туда, то я потеряю его. В ее стенах был возможен только один вердикт —

¹ Правильное название «Всероссийская чрезвычайная комиссия» (полное — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, позднее — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). Видимо, Е. Н. Курис упростила название для понимания англоязычными читателями.

смерть. Мы даже не успели обменяться прощальными взглядами, с такой спешкой нас протащили по коридору, вниз по лестнице, через холл и парадную дверь прямо на улицу.

Нанятые повозки ожидали в готовности, нам приказали садиться, следом залезли солдаты. К счастью, дочь была со мной, и я молила Господа не разлучать нас до самого конца. Мы ехали по городу, пытаясь угадать, куда же нас везут. Наконец остановились перед военным госпиталем¹. Охранники вывели нас и конвоировали в приемное отделение. Пришлось очень долго ждать прихода врача. Солдаты потребовали, чтобы он записал наши имена, и пока это делалось, дверь снова открылась, и на пороге мы, к нашему изумлению и огромной радости, увидели моего мужа, его друга и еще нескольких заключенных из ЧК. Они были под бдительным надзором красноармейцев. Конечно, мы не могли разговаривать, но даже видеть друг друга и находиться в одной комнате казалось счастьем. Мы надеялись, что нас всех поместят в одну больницу, но нам не повезло. Врачи решили, что женщины не могут остаться здесь, поскольку это был военный госпиталь, и поэтому без промедления нас вывели из приемного отделения обратно к нашим «извозчикам», как мы в России называем эти конные повозки. Так мы снова расстались с мужем, не попрощавшись и не зная, будет ли нам суждено встретиться когда-нибудь снова.

Нас привезли в городской госпиталь², где нас наконец встретили дружелюбные добрые лица. Такая перемена казалась чудом, и мы полностью осознавали, как же нам повезло вырваться из Чрезвычайной комиссии. Мы были уверены, что здесь встретим много знакомых докторов, кроме того, главный хирург и его семья были старыми друзьями моей бабушки. И среди медсестер я знала многих, благодаря тому, что во время войны часто приводила сюда раненых солдат из госпиталя, устроенного в нашем доме, для рентгеновских исследований и операций. Вздых изумления встретил нас, когда охранники ввели нас в приемную. Никто не задавал вопросов; наши имена молча записали. Затем охранники потребовали провести их по госпиталю, чтобы выбрать палату, которая станет для нас новой тюрьмой. Солдаты тщательно проверили двери и окна, чтобы убедиться, что мы не сможем бежать. Покончив с этим, они оставили нас.

Глубокий вздох облегчения и благодарности вырвался у нас, и мы от всего сердца благодарили Бога за Его великую милость. Восторг от пребывания среди людей, не принадлежащих к ЧК, не являющихся большевиками, многих из которых мы знали раньше, заставил нас на мгновение забыть, что мы остались пленниками и всего лишь поменяли одно место заключения на другое. Когда мы увидели, что красноармейцы наконец ушли и что наша дверь не заперта, нашей радости не было предела.

Мы заглянули в другие палаты, переполненные людьми, привезенными сюда с водяной — следствием голода, который уже тогда явственно ощущался на севере России. Выглядели они ужасно,

¹ Царскосельский военный госпиталь располагался по адресу: Волконская улица близ Орловских ворот, сейчас Парковая улица, 58. Здание сохранилось, переделано в жилой дом.

² Вероятно, речь идет о Царскосельской дворцовой больнице, ныне Городской больнице № 38 им. Н. А. Семашко на Госпитальной улице, д. 7/2.

опухшие и почему-то прозрачные, многим уже нельзя было помочь, большинство умирало. Сама больница уже не была тем чистым, идеально организованным заведением, каким мы ее помнили в полностью рабочем состоянии, теперь она стала грязной и разрушенной. Тем не менее нам, после ЧК с его пьяными и жестокими солдатами, она казалась настоящим раем. Медсестры, подобно милосердным ангелам, встречали нас добрыми словами и выказывали искреннюю жалость. Мы мечтали помыться, но тут нас постигло первое разочарование. Больничные ванны уже долгое время не работали, и не было никакой надежды на восстановление канализации. Важно напомнить, что эпидемия тифа, принявшая впоследствии столь ужасающий масштаб, только что началась; если бы тогда чистота и санитарные условия поддерживались на должном уровне, эпидемия никогда бы не достигла такой тяжести.

Прекрасное ощущение свободы исчезло, когда на следующее утро в нашу палату вошел красноармеец с винтовкой и револьвером. С тех пор за нами непрерывно следил вооруженный солдат из ЧК. Охрану не снимали до тех пор, пока страх перед сыпным тифом, бушующим в больнице, не заставил их ослабить контроль и отозвать солдат. Охранники менялись каждый день в 12 часов дня. Оба охранника, прошлый и новый, входили в нашу палату, чтобы убедиться, что мы все еще там. Затем они находились в маленькой приемной перед нашей палатой, устраивая там «приемы». Их посетителями были как мужчины, так и, что еще хуже, женщины. Там они ели и выпивали, пели веселые песни и часто вступали в ожесточенные ссоры, совершенно не обращая внимания на окружающие их страдания. Охранники могли войти в нашу палату, когда им вздумается, поэтому мы всегда беспокоились, чтобы нас не застали в неподобающем виде.

Комната у нас была хорошая, большая и просторная, но окна ни разу не открывались на протяжении всех четырех месяцев нашего пребывания, и за все это время нам ни разу не разрешили выйти наружу. Кровати были крайне примитивные, первое время мы спали прямо на досках, пока главный врач не позаботился о том, чтобы хоть немного улучшить условия. Между каждой парой кроватей стоял стол, и, поскольку стульев не было, все время приходилось либо сидеть, либо лежать на кроватях. К стене крепился умывальник. Вот и вся наша мебель. Несмотря на отсутствие привычного комфорта, мы были рады, что находимся здесь, и считали палату райским местом отдыха и покоя.

В палате нас было пятеро, кровать дочери стояла рядом с моей, и ощущение, что мы вместе и так близко друг к другу, служило утешением. Через несколько дней после того, как мы устроились на новом месте, один из врачей тайно передал мне письмо от мужа. Он привез его из военного госпиталя, который регулярно посещал. Это было не просто проявление доброты с его стороны, это был очень смелый поступок, потому что, выступая нашим связным, он рисковал своей свободой и жизнью: если бы у него нашли такое письмо, большевики заставили бы его жестоко поплатиться. С тех пор мы часто переписывались через него. По получении письма немедленно его уничтожали. Узнав, что муж находится в относительном ком-

форте, мы смогли немного расслабиться и позволить себе наслаждаться положением. Такое кажется невероятным, если сейчас вспомнить те ужасные условия, в которых мы провели четыре месяца после ЧК, а тогда они не казались не только терпимыми, но мы ежедневно благодарили Бога за то, что Он привел нас в это убежище.

Наша еда, хотя и получше, чем в Чрезвычайной комиссии, была на самом деле очень скудна. Все пациенты больницы получали одинаковый рацион: по утрам чашку очень слабого чая с куском черного хлеба (наш русский хлеб делается из ржаной муки грубого помола), пол [порции] первого — тарелку супа, весьма водянистого, и или картофельные котлеты, или конину, по вечерам — немного соленой селедки или немного овощного салата. Исключения делались в серьезных случаях, но разница была лишь в количестве выдаваемой пищи, ее качество никогда не менялось по той единственной причине, что ничего другого достать было невозможно. Вспоминая время, проведенное в больнице, я правда не знаю, как нам удалось остаться в живых, и, что еще более странно, мы никогда не были уж слишком голодны. Я даже умудрилась ни разу не попробовать конину, даже сама мысль о ней мне противна. Полагаю, именно недостаток движения и свежего воздуха приглушал в нас чувство голода. Время тянулось невыносимо медленно, нам нечего было читать, и мы были полностью изолированы от внешнего мира: никому не было позволено навещать нас и никакие сообщения не доставлялись. Единственной отдушиной в монотонности нашего дня были визиты доктора, да и тогда нам редко удавалось открыто поговорить с ним, так как охранник обычно оставался в нашей комнате вместе с врачом.

Помню, однажды вечером произошел довольно забавный случай: дежуривший солдат вошел в нашу палату и, усевшись на одну из кроватей, заговорил с нами. Сначала он проинформировал каждую из нас, что из наших домов было вывезено все, что в них находилось, и что нам не надо спешить с освобождением, так как нам фактически некуда идти. Вероятно, он думал, что сообщает нам очень приятную информацию, которая наверняка улучшит наше настроение, потому что тотчас же после этого он пригласил княжну Г., мою дочь и меня сопровождать его и его товарища вечером в кино. Это предложение меня не только поразило, но, надо сказать, и изрядно напугало. Я чувствовала, что нам готовят ловушку, поэтому мы очень вежливо поблагодарили его, но сказали, что, будучи заключенными, мы не можем выйти из своей комнаты.

— Не беспокойтесь об этом, — ответил он, — никто не узнает. Верьте только мне. Мой приятель тоже не проболтается.

Я еще раз его поблагодарила, но настойчиво отказала, ссылаясь на недавнюю болезнь дочери, от которой она еще не оправилась.

— Ну, — сказал мужчина, — поступайте как хотите, а я все равно пойду.

И действительно, когда позже мы заглянули в приемную, охранника там не было. Мы слышали, как он вернулся поздно вечером в состоянии сильного алкогольного опьянения. Я не могла спать, меня терзал страх, что мужчина войдет в нашу комнату, наконец его тяжелый храп сказал мне, что мы в безопасности.

Единственными нашими радостями были визиты сестры главного врача; она была нашей старой подругой и очень доброй женщиной. Но ей также приходилось быть осторожной и не приходило слишком часто. Особую осторожность мы стали проявлять после получения информации от одной из наших сокамерниц: ее служанку освободили из ЧК и она пришла навестить хозяйку. В те несколько редких минут, когда охрана отсутствовала, она успела проскользнуть внутрь. Она рассказала нам, что одна из наших медсестер была агентом и шпионкой Чрезвычайной комиссии. Она ходила в ЧК несколько раз в неделю и докладывала о нас, жалуясь, что мы постоянно говорим по-английски и по-французски и она ничего не может понять из разговоров. Мы сразу догадались, о которой из медсестер идет речь, поскольку сразу заметили в одной из них что-то подлое.

Нам чудом удалось спастись в канун Нового года, что доказало нам, что ЧК о нас не забыла. Было 9 часов вечера, и мы раздевались на ночь. Все врачи ушли, и в приемной работала одна дежурная медсестра. Внезапно звук остановившегося перед нашей больницей автомобиля напугал нас, и мы посмотрели друг на друга с опасением; страх быть переведенными в Петербург, в ЧК, никогда не оставлял нас. В коридоре слышались тяжелые шаги и громкие голоса, затем наша дверь распахнулась, и в палату вошли два агента ЧК в сопровождении нашего охранника-красноармейца. В одном из них мы узнали человека, следившего за нами, когда мы были заперты в моей спальне во время обыска дома, другого мы никогда не видели, он был молод и казался немного более порядочным и менее зловещим, чем его спутник. Нас поразило его упорное молчание во время всего происходившего, и он произвел впечатление человека, неохотно участвовавшего в деле. Это легко объяснилось позднее, когда мы узнали, что он был лакеем великой княгини Марии Павловны и служил у нее в Царском Селе. Ему, естественно, не нравилось, что мы можем узнать его в его новом качестве. Все говорил другой агент, которого звали Марков: нам сообщили, что они приехали забрать меня и мою дочь в ЧК Царского, где давали большой ужин по случаю Нового года.

— Вы получите массу удовольствия, так как наверняка встретите кого-то из своих друзей, — цинично добавил он.

Я почувствовала, как на лбу выступил холодный пот. Что же я могла сказать или сделать, чтобы спасти нас? Мне совершенно ничего не приходило в голову, и тут самая старшая из нашей компании, женщина величайшей энергии и силы воли, несмотря на свои 80 лет, обратилась к молчавшему мужчине:

— Я уверена, — сказала она, — вы поймете, что обе мои компаньонки не могут сопровождать вас, когда узнаете, что они обе недавно серьезно переболели инфлюэнцей, и что по крайней мере требуется разрешение главного врача, чтобы они могли покинуть больницу. Не так ли?

Комендант, как его называл Марков, пробурчал что-то неразборчивое, что мы приняли за согласие. Но Марков гневно возразил, заявив, что мы должны немедленно последовать за ними. Я сохраняла молчание, думая, что будет мудрее предоставить дело нашей старшей защитнице. Комендант встал и, сказав, что сначала просмотрит

записи врача, вышел из комнаты. Мы сидели в полной тишине, ожидая своей участи. Они вернулись через несколько минут, и Марков торжественно объявил, что я могу остаться, но, поскольку о болезни моей дочери не было сделано никаких пометок, она должна пойти с ними.

— Тогда я тоже пойду, — твердо заявила я.

— В этом нет необходимости, — сказал Марков, — она не будет по вам скучать, она прекрасно проведет время с нами.

Но я не послушалась его и, обращаясь к коменданту, сказала, стараясь сохранять спокойствие:

— Что бы вы подумали обо мне как о матери, если бы я отпустила свою дочь одну в такой час и при таких обстоятельствах?

Мужчина молча взглянул на меня, затем резко повернулся к Маркову:

— Пошли сами, пусть обе остаются здесь.

И они вышли из комнаты, Марков открыто демонстрировал свое разочарование. Когда они ушли, я упала на подушки, совершенно обессиленная тем нервным напряжением, которое мы пережили.

После этого болезненного эпизода наша жизнь какое-то время была спокойной. Затем разразилась страшная эпидемия тифа, ежедневно уносившая бесчисленные жертвы. Каждое утро приходила медсестра и называла имена тех, кто покинул нас ночью, мы потеряли многих друзей. Больница была настолько переполнена, что койки заполнили все коридоры. Многие врачи и медсестры стали жертвами своего долга. Неудивительно, что эпидемия распространилась так широко: санитарные условия в больницах были невообразимыми: ни воды, ни белья вообще. Одни и те же простыни лежали на наших кроватях больше месяца, а когда нам дали чистые, мы побоялись их брать, так как они были полны вшей. Больные поступали в больницу покрытые ими, и так как ванны не работали, вскоре вся больница кишела этими насекомыми — переносчиками болезни, и число случаев сыпного тифа увеличивалось с ужасающей быстротой.

Никакое лечение не было возможно из-за полного отсутствия лекарств, и пациентам приходилось бороться самим со страшной болезнью. В то время в больнице не было электрического освещения и самые трудные операции выполнялись при свете свечи или лампы, когда получалось достать керосин. Нужно добавить, что температура в палатах колебалась между 5 и 7 градусами, так как топливо было тяжело достать и его не запасли на зиму. Поэтому, когда наша пожилая подруга и спутница стольких тяжелых месяцев заболела, мы знали, что ее конец близок. Мы с дочерью ухаживали за ней, пока ее не унесли умирать в другую палату, как было принято тогда в больнице. Это был очень печальный момент; она была в полном сознании и прекрасно знала, почему ее уносят. Она не хотела умирать и храбро сражалась, желая, по ее словам, стать свидетелем светлых дней, которые, как она была уверена, ждали ее любимую страну. Но, несмотря на ее мужество и энергию, она скончалась, и мы очень горько оплакивали ее утрату. Она была прекрасным человеком, и ее присутствие среди нас было очень ценно. Она подала замечательный пример того, как человек может сохранять все свое

благородство и гордость в самых тяжелых и унижительных обстоятельствах.

Я заболела через несколько дней после ее смерти, а через день или два моя дочь также слегла с этой ужасной болезнью. Когда мы вспоминаем нашу болезнь и условия, в которых мы находились, то не можем понять, как мы выжили. Эта болезнь ужасна, и люди редко выздоравливают от нее, даже когда за ними хорошо ухаживают, а мы были предоставлены сами себе, врачи и медсестры приходили к нам только из доброты и сочувствия, потому что они были совершенно бессильны облегчить наши страдания, врачи не могли прописать даже самые элементарные лекарства. Наше состояние стало еще более опасным из-за ослабленного состояния наших организмов из-за всего, что мы пережили.

Случай моей дочери был очень серьезным; она страдала от ужасных головных болей, и чтобы хоть как-то облегчить их, пришлось обрезать ее прекрасные волосы. Я не знала, что врачи потеряли всякую надежду на ее выздоровление и что они попросили ЧК разрешить ее отцу, который все еще был в заключении, навестить ее. Однажды, когда я лежала с закрытыми глазами, я услышала шум открываемой двери. Я открыла глаза и увидела, как в комнату вошел мой муж. С ним были двое вооруженных солдат. Он стоял и смотрел на нас с бесконечным страданием на лице, крупные слезы катились по его изможденным щекам. Ему разрешили остаться с нами на четверть часа. Солдаты с радостью ушли, и мы остались одни. Я никогда не забуду, что мы пережили в эти минуты после четырехмесячной разлуки. Сами охранники, несмотря на свою грубость, сжалились над нами и позволили нам побыть вместе дополнительные четверть часа. Потом они увели его, и бедный мой муж долгое время не знал, жива ли еще его дочь. Бог сжалился над нами, и с того дня она постепенно начала выздоравливать.

Болезнь длилась почти два месяца, и тут пришло известие о нашем освобождении. Однажды, когда мы были еще очень слабы, нам принесли официальную бумагу, и мы с радостью прочитали, что свободны. Вечером того же дня нам сообщили, что муж тоже освобожден. На следующий день он пришел к нам как свободный человек, но с подорванным здоровьем. Мы были вне себя от радости, что снова вместе, но наше положение было очень трагичным на самом деле. Нас арестовали, конфисковали все наше имущество и дом. Мы провели в заключении более четырех месяцев, и все это без предъявления нам каких-либо обвинений, и нас освободили без суда. Это казалось ужасным кошмаром, но пробуждение от него не принесло ни освобождения, ни покоя. Куда нам было идти? Где и как найти необходимые средства для нашего существования?

Наши друзья мало чем могли помочь нам, так как сами находились в очень тяжелых обстоятельствах, некоторые из них пережили то же, что и мы. Тем не менее именно благодаря им мы были одеты и нашли дом¹. Мы сняли жилье из трех комнат и прожили в них 6 месяцев. Жизнь была очень трудной, особенно потому, что мы

¹ Княгиня Голицына упоминает в своих мемуарах лесоторговца Белинского, который «тоже был очень хорошим человеком. Он много помогал Курис[с]ам во время их заключения и после, до самого их побега» [5, с. 190].

были крайне слабы после нашей тяжелой болезни и заключения. Помимо всей работы, которую нам приходилось делать дома, готовить и стирать, надо было рубить дрова и иногда привозить их издалека. Было очень трудно раздобыть продовольствие, мы ходили пешком несколько миль в соседние деревни за картофелем и молоком, крестьяне не хотели продавать свою продукцию, они хотели менять ее на соль или одежду. Нам нечего было им предложить, поэтому очень часто мы возвращались с пустыми руками. Я полагаю, что если бы мы не сбежали до зимы, то, вероятно, погибли бы от нищеты и голода.

Нам почти нечего было носить, у нас буквально не было ничего, кроме того, что было на нас в момент ареста. Муж отправился в ЧК через несколько дней после нашего освобождения, надеясь получить часть нашей одежды, белья и кухонных принадлежностей. Они заставили нас ждать своего решения больше месяца, а затем выдали на всех только два комплекта белья, поскольку, по их словам, именно столько должен иметь гражданин Республики Советов. Что касается любых других предметов одежды или предметов домашнего обихода, они отказались даже говорить об этом, добавив, что мой муж должен быть благодарен за то, что его не расстреляли. После такого приема он считал более безопасным воздержаться от посещения ЧК.

Помимо борьбы за существование, мы жили в постоянном страхе снова быть арестованными. Так много наших друзей ежедневно попадали в тюрьму, многие из них не в первый раз. Любой предлог считался достаточным, чтобы схватить их и бросить в тюрьму. Летом наши бедные комнаты постоянно обыскивали, хотя у нас не было ничего принадлежащего нам, кроме одежды, которую мы носили. Громкие удары в нашу входную дверь будили нас ночью, возвещая о страшном визите солдат и матросов. Нам приходилось впускать их и ходить с ними по всем комнатам, всегда дрожа от страха, что они уведут мужа. Он служил в то время простым рабочим на железной дороге, но это, конечно, не мешало им всегда подозревать его в контрреволюции.

Мы жили в таком ужасном положении до октября 1919 года, когда нас спасло наступление войск генерала Юденича на Петербург. Мы следили за событиями с сильным беспокойством, молясь, чтобы нас не взяли в заложники, как случилось со многими нашими друзьями. Все ближе и ближе раздавались выстрелы орудий белых войск, большевики из ЧК и комиссары уже бежали из Царского. Маленький городок, казалось, затаил дыхание, готовясь к великому событию. Стороны отчаянно сражались, большевики бросили в бой свои лучшие и самые надежные силы.

Город постоянно и очень сильно обстреливался из двух бронепоездов, которые большевики разместили на линии между Петербургом и Царским. Многие дома были подожжены снарядами, и много раненых и убитых лежало на улицах. Тем не менее белые имели временный успех, и их войска вошли и заняли Царское. Мы поняли, что сейчас для нас настал момент бежать; поэтому муж решил немедленно пойти к коменданту и попросить какой-нибудь транспорт. В то время обстрел был настолько сильным, что мы все спрятались в подвале нашего дома, где к нам присоединились многие жители

нашей улицы. Было доставлено несколько раненых, и мы оказывали им помощь, как могли.

Мне очень не хотелось отпускать мужа под таким обстрелом, но выбора не было. Он долго отсутствовал; наконец, мы увидели, как он вошел во двор с добытой им телегой. Мы собрали наши немногочисленные пожитки и отправились в соседний город Гатчину, где размещался штаб главнокомандующего белыми войсками. Излишне говорить, как душераздирающе было покидать место, где мы были счастливы много лет. Отойдя на небольшое расстояние от Царского, мы оглянулись: город был в огне. Вокруг нас были следы недавнего боя, мертвые солдаты и лошади лежали на полях. Проезжая через первую деревню, мы увидели на обочине тела двух мужчин, в которых узнали агентов ЧК — их расстреляли белые.

Мы добрались до Гатчины поздно ночью. Муж и дочь прошли весь путь пешком, чтобы дать мне возможность полежать в телеге из-за моей слабости. Здесь в штабе и среди командных офицеров мы встретили много старых друзей. Они хорошо заботились о нас. А затем белая армия была вынуждена отступить и покинуть Гатчину, мы ушли с ними.

Сначала мы добрались до Нарвы, затем наступление красных вынудило нас перебраться в Ревель. Оттуда мы переехали в Европу, и только здесь мы, наконец, получили известие о нашем сыне. Мы ничего не слышали о нем с тех пор, как расстались при таких трагических обстоятельствах. Бог в своей вечной милости спас его от всех опасностей и сохранил в сражениях с красными, в которых он принимал участие. Мы были рады услышать, что он находится в Константинополе и служит в Американском Красном Кресте, благодаря знанию английского языка.

Только оказавшись в Европе, среди цивилизации и вдали от красного террора, мы постепенно стали жить нормальной жизнью. Хотя для нас, беженцев, она была полна трудностей и лишений, все это казалось легким по сравнению с пережитым. Мы встретили много доброты как от друзей, так и от совершенно незнакомых людей.

<...>

Подписано: мадам Курис, мать Любы

Список источников

1. Формулярный список о службе члена Государственного совета, состоящего по Генеральному штабу генерала от инфантерии Петрова // Из глубины времен. 1995. Вып. 4. С. 165—176.
2. Красюков Р. Г. Дворянский род Курисов (историческая справка) // Генеалогические миниатюры. СПб., 2010. С. 9—25.
3. Tschebotarioff G. P. Russia, My Native Land. N. Y. ; London ; Toronto, 1964. 384 p.
4. Кузнецов С. О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка, 2012. 557 с.
5. Голицына А. Н. Когда с вами Бог: воспоминания / авт. предисл., сост. примеч., имен. указ. и прил. А. К. Голицын. М., 2017. 480 с.
6. Бровкина Т. Ю. Царскосельское окружение Боткиных. Тевяшovy — Ушаковы // Исторические Боткинские чтения. Вып. IV. СПб. : СПбГМИСР, 2021. С. 192—203.

7. Боткина Т. Воспоминания о царской семье // Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / [под ред. К. К. Мельник-Боткина и Е. К. Мельник ; сост. и авт. вступ. ст. О. Т. Ковалевская]. СПб. : Царское дело, 2010. 532 с.
8. Бойков В. А. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918—1920 гг.). Таллин, 2009. 375 с.
9. Михальченко В. А., Сивирин О. Г. Да будет правда: история дворянского рода Курисов — возрождение из забвения. Одесса, 2005. 328 с.
10. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. Record Series 15/35/54. Box 79. Letter of Paul B. Anderson to Mr. Lyons from July 17, 1982.
11. Быкова А. Николай Курис и школа русского языка для шпионов и дипломатов // МузееМания. 2020. 20 янв. URL: <https://muzeemania.ru/2020/01/20/nikolaj-kuris/> (дата обращения: 10.10.2024).
12. Быкова А. Священник Николай Курис (1895—1977) во главе русской общины Ирландии XX в. // РИПЦЗ. Обзор. Вопросы истории Русской Зарубежной Церкви. 2022. 11 марта. URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2022/04/25/священник-николай-курис-1895-1977-во-главе-р/> (дата обращения: 10.09.2024).
13. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives. Record Series 15/35/54. Box 79. Memories of Mrs Couriss «Days of Terror in Tsarskoe Selo».
14. Bykova A. Days of Terror in Tsarskoe Selo by Elizabeth Couriss: Extracts from a Memoir // RUSSICA ROMANA. Rivista internazionale di studi russistici. 2023. Vol. XXX. P. 203—212.

References

1. Formulyarny`j spisok o sluzhbe chlena Gosudarstvennogo soveta, sostoyashhego po General`nomu shtabu generala ot infanterii Petrova [Service record of the Member of the State Council, Serving on the General Staff, Infantry General Petrov], *Iz glubiny` vremeni* [From the depths of time], 1995, issue 4, pp. 165-176.
2. Krasnyukov R.G. Dvoryanskij rod Kurisov (istoricheskaya spravka) [The Noble family of Kuris (Historical Background)], *Genealogicheskie miniatyury`* [Genealogical Miniatures]. St. Petersburg, 2010, pp. 9-25.
3. Tschebotarioff G.P. Russia, My Native Land. New York, London, Toronto, 1964, 384 p.
4. Kuznecov S.O. Strogonovy`. 500 let roda. Vy`she tol`ko czari [Stroganovs. 500 years of the Family. Only the Tsars are Higher]. Moscow, Centrpoligraf, St. Petersburg, Russkaya trojka, 2012, 557 p.
5. Golicyna A.N. Kogda s vami Bog: vospominaniya [When God is with You: Memories]. Moscow, 2017, 480 p.
6. Brovkina T.Yu. Czarskosel`skoe okruzhenie Botkiny`x. Tevyashovy` - Ushakovy` [The Botkins' Tsarskoye Selo Entourage. The Tevyashovs - Ushakovs], *Istoricheskie Botkinskie chteniya* [Historical Botkin Readings], issue IV. St. Petersburg, SPbGMISR, 2021, pp. 192-203.
7. Botkina T. Vospominaniya o czarskoj sem`e [Memories of the Royal Family], *Czarskij lejbm-dik: zhizn` i podvig Evgeniya Botkina* [The Tsar's Personal Physician: the Life and Feat of Evgeny Botkin]. St. Petersburg, Czarskoe delo, 2010, 532 p.
8. Bojkov V.A. Kratkij biograficheskij slovar` oficerov, chinovnikov i sluzhashhix belo Severo-Zapadnoj armii (1918-1920 gg.) [Brief Biographical Dictionary of Officers, Officials and Employees of the White North-Western Army (1918-1920)]. Tallin, 2009, 375 p.
9. Mixal`chenko V.A., Sivirin O.G. Da budet pravda: istoriya dvoryanskogo roda Kurisov - vrozozhdenie iz zabveniya [Let the Truth Be: The History of the Noble Family of Kuris - Rebirth from Oblivion]. Odessa, 2005, 328 p.
10. University of Illinois at Urbana-Champaign Archives, record series 15/35/54, box 79. Letter of Paul B. Anderson to Mr. Lyons from July 17, 1982.
11. By`kova A. Nikolaj Kuris i shkola russkogo yazy`ka dlya shpionov i diplomatov [Nikolay Kuris and the Russian Language School for Spies and Diplomats], *MuzeeManiya* [Muzeemania], 2020, 20 January. Available at: <https://muzeemania.ru/2020/01/20/nikolaj-kuris/> (accessed: 10.10.2024).

12. By'kova A. Svyashhennik Nikolaj Kuris (1895-1977) vo glave russkoj obshhiny` Irlandii XX v. [Priest Nikolai Kuris (1895-1977) at the Head of the Russian Community in Ireland in the 20th century], *RPCzZ. Obzor. Voprosy` istorii Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi [ROCOR. Review. Questions of the history of the Russian Church Abroad]*, 2022, 11 March. Available at: <https://www.rocorstudies.org/ru/2022/04/25/svyashhennik-nikolaj-kuris-1895-1977-vo-glave-r/> (accessed: 10.09.2024).
13. *University of Illinois at Urbana-Champaign Archives*, record series 15/35/54, box 79. Memories of Mrs Couriss "Days of Terror in Tsarskoe Selo".
14. Bykova A. Days of Terror in Tsarskoe Selo by Elizabeth Couriss: Extracts from a Memoir, *RUSSICA ROMANA. Rivista internazionale di studi russistici*, 2023, vol. XXX, pp. 203-212.

Информация об авторе

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Information about the author

Anna S. Bykova — Candidate of Political Sciences, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

КОНФЕРЕНЦИИ, ЭКСПЕДИЦИИ CONFERENCES, EXPEDITIONS

Сибирь гуманитарная. 2025. № 1. С. 125—127.

Siberia Humanitarian. 2025;(1):125—127.

Конференции, экспедиции

Информационная статья

Презентация Книги памяти на международной научно-просветительской конференции «Русские герои европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны 1939—1945 гг.»

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Conferences, expeditions

Information article

Book of Memory Presentation at the International Academic and Educational Conference “Russian Heroes of the European Resistance during the Second World War 1939—1945”

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation,
msorokina61@gmail.com

24—25 апреля 2025 г. в Москве в Доме русского зарубежья им. Солженицына проходила Международная научно-просветительская конференция «Русские герои европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны 1939—1945 гг.». Конференция объединила историков, социологов, филологов, политологов, кинематографистов из России и многих европейских и азиатских стран. Это вторая после 2015 г. крупная международная конференция, лозунгом которой стал девиз «Никто не забыт! Ничто не забыто!»

На конференции был презентован проект уникальной Книги памяти. Книга, созданная российско-сербской научной группой о рус-

ских белых эмигрантах-антифашистах — участниках югославского Сопротивления в годы Второй мировой войны, способна изменить базовый исторический нарратив о русской эмиграции на Балканах, и прежде всего в Сербии. При содействии Русского научного института в Белграде итоговый труд на русском и сербском языках увидит свет в ближайшие месяцы.

Во время войны в Сербии активно действовал Союз советских патриотов, состоявший из белых эмигрантов и их детей. Общее число членов организации составляло около 150 человек. Основные направления деятельности Союза: агитация, подготовка побегов военнопленных из немецких лагерей, переброска людей в партизанские отряды. Некоторые из членов организации присоединились к партизанам, влившись в ряды Народно-освободительной армии Югославии.

В числе авторов проекта — сербский историк Милана Живанович, Марина Юрьевна Сорокина.

Авторы собрали и исследовали, а затем включили в Книгу памяти имена многих русских эмигрантов, боровшихся с фашизмом на территории Сербии и Независимого государства Хорватия. В борьбу с оккупантами на территории бывшей Югославии включились русские эмигранты, представители самых различных профессий — врачи, ученые, инженеры, художники, рабочие. По словам М. Живанович, в югославских научных кругах тема участия русских эмигрантов в борьбе с оккупантами в партизанском движении либо полностью замалчивалась, либо упоминались лишь отдельные имена, причем в основном их происхождение игнорировалось. Причина тому — сложные, часто меняющиеся отношения компартий Югославии и СССР, а также репрессии югославских властей в отношении представителей русского зарубежья, начавшиеся в июне 1948 г. и длившиеся до окончания советско-югославского конфликта в 1955 г. В связи с этим деятельность многих русских героев движения Сопротивления в Югославии не получила заслуженного признания, а их имена так и остались неизвестными. На сегодня установлено 295 имен и кратких биографий участников югославского Сопротивления, 17 имен тех, кто награжден советскими наградами за антифашистскую борьбу за рубежом, а также 32 героя, отмеченных наградами социалистической Югославии. Это означает, что примерно каждый десятый русский был удостоен награды, при этом некоторые — не единожды. Например, В. Ф. Смирнов получил семь орденов. Вклад В. Ф. Смирнова в борьбу с фашизмом — разрушение мостов на р. Неретве и потом строительство переправы через ту же реку, был увековечен в югославском кинофильме «Битва на Неретве», который в 1970 г. номинирован на премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке.

В концепции модулей истории русского зарубежья, которую готовит экспертный совет Центра содействия добровольному переселению «Путь домой», предусмотрено включение фактов биографий русских героев европейского Сопротивления. В будущем их имена включат в общероссийский пантеон героев-антифашистов, о которых будет знать каждый гражданин России.

Информация об авторе

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the author

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 14.05.2025.

Малбагар Мендикулов: победы на войне и в мирной жизни

М. М. Мендикулов. 9 мая 1986 г.
M.M. Mendikulov. May 9, 1986

Малбагар Мендикулович Мендикулов родился 10 ноября 1909 г. в Адамовском районе Оренбургской губернии Российской империи. По рекомендации Алиби Джангильдина его приняли в детский дом г. Орска в 1921 г. Осенью 1924 г. М. М. Мендикулов поступил в краевую казахскую опытно-показательную школу в г. Оренбурге. С огромной теплотой и благодарностью он всегда вспоминал своих учителей. В детском доме Малбагар Мендикулович встречался с Михаилом Ивановичем Калининым — всесоюзным старостой, который инспектировал детские дома Оренбуржья. В 1930 г. по окончании 8 класса он командировается в Ташкент для поступления в высшее учебное заведение.

После полугодовых подготовительных курсов Малбагар Мендику-

лович поступает на архитектурный факультет Среднеазиатского индустриального института. Окончив с отличием институт в 1936 г., он получает профессию архитектора по проектированию гражданских зданий и сооружений, его приглашают на должность преподавателя архитектурного проектирования. С 1937 г. он совмещает преподавание с работой в проектных институтах «Узлегпромпроект» и «Ташгорпроект», где последовательно проходит путь от архитектора до руководителя группы.

В институте «Ташгорпроект» он работал над проектированием центра столицы Узбекистана, в частности проспекта Навои и театра им. А. Навои. Одним из его любимых творческих детищ того периода был ангренский дюкер Большого ташкентского канала. Малбагар Мендикулович объяснял это тем, что Большой ташкентский канал дал воду в безводные районы Узбекистана.

В 1939 г. М. М. Мендикулов избирается председателем правления Союза архитекторов Узбекистана, в 1940 г. становится главным архитектором Ташкента.

Когда началась война, Малбагар Мендикулович, будучи главным архитектором Ташкента, мог воспользоваться союзной броней, однако он подал заявление и добровольцем ушел на фронт. Имея строительно-инженерную специальность, М. Мендикулов был направлен на ускоренные командные курсы Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. В январе 1942 г. по окончании курсов был направлен в зону московской обороны офицером по спецзаданиям. С сентября 1942 г. командует саперным батальоном сначала Центрального, а затем 2-го Белорусского фронта. Инженерно-саперный батальон под командованием М. Мендикулова участвует в важнейших военных операциях, обеспечивая оборону и штурм рубежей различного значения, в том числе и форсирование крупнейших европейских рек, таких как Днепр, Буг, Висла, Одер и др.

Его ратный труд отмечен орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За отвагу», «За боевые заслуги», а также польским орденом «Virtuti militari».

Малбагар Мендикулович с горечью вспоминал, как вместо звания «Герой Советского Союза» он получил орден Боевого Красного Знамени. В марте 1945 г. в Восточной Пруссии за успешное обеспечение продвижения советских войск 14-й инженерно-саперной бригады, 65-й армии М. М. Мендикулов был представлен к званию «Герой Советского Союза». В это время его заместитель по политической части (замполит) загулял — пьянствовал в соседней с расположением части деревне. За отсутствие в части во время боевых действий замполита ждал трибунал, М. Мендикулов пожалел его, не стал писать на него рапорт, но и не включил в наградной список. В отместку замполит написал рапорт на Мендикулова. Началось расследование, были проверены все действия батальона, которым командовал М. Мендикулов, и, хотя признали виновным замполита, вместо звезды Героя Советского Союза вручили орден Боевого Красного Знамени.

Еще один случай. В канун 1944 г. прямо на передовой М. Мендикулова разыскал его друг — архитектор из Узбекистана Абдулла Бабаханов. Представьте себе! Встреча двух давних друзей вдали от родины, под бомбежкой фашистов! Новый 1944 год они встретили вместе. Такое не забывается никогда!

Малбагар Мендикулович всегда отмечал, что ему посчастливилось служить под командованием таких выдающихся военных авторитетов, как маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, генерал 65-й армии П. И. Батов и командир 14-й инженерно-саперной бригады генерал-майор И. Габер.

Победу М. Мендикулов встретил в г. Росток в звании майора. А 18 мая 1945 г. вместе с боевыми товарищами он посетил поверженный Берлин.

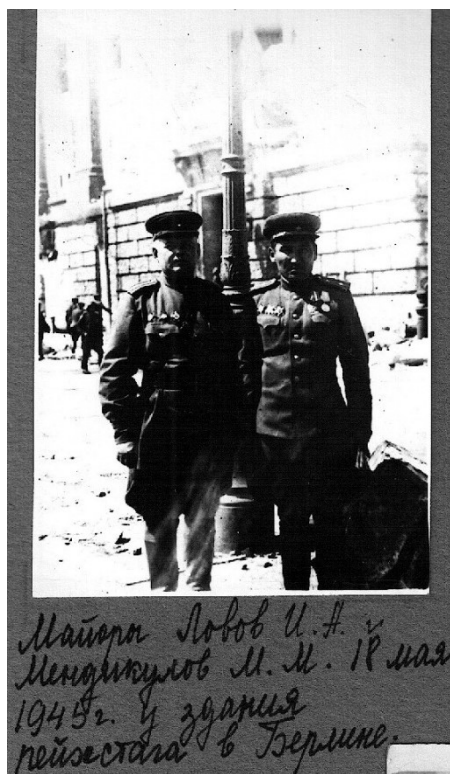

Страница из личного альбома М. М. Мендикулова. Росток. 9 мая 1945 г.
A page from M. M. Mendikulov's personal album. Rostock. May 9, 1945

В сентябре 1945 г. М. Мендикулов был демобилизован и, хотя командование предлагало ему остаться на сверхсрочную службу, он вернулся в Узбекистан.

М. М. Мендикулов с сослуживцами. Берлин. 1945 г.
M.M. Mendikulov with his fellow soldiers. Berlin. 1945

Страницы из личного альбома М. М. Мендикулова. Берлин. 18 мая 1945 г.
Pages from M.M. Mendikulov's personal album. Berlin. May 18, 1945

По возвращении в Ташкент М. М. Мендикулов возглавил республиканскую проектную организацию «Узпланпроект», где работал до 1947 г. В этот период в Ташкенте по его проектам был построен жилой дом для научных работников (ул. Фрунзе), главное здание газетно-журнального комбината (ул. Навои), а также крупные гидротехнические сооружения: Ташкентский и Большой ферганский каналы в Узбекистане и Чуйский канал в Киргизии. Он же является автором проектов школы на 22 класса в Ташкенте, административного здания наркомата внутренних дел в г. Нукусе Каракалпакской АССР, типового проекта многоквартирного жилого дома в Ташкенте и др.

В 1947 г. распоряжением Госстроя СССР Малбагар Мендикулович был направлен в Казахскую ССР на должность главного архитектора Алма-Аты, и с этого времени вся его трудовая и творческая деятельность протекает на родной земле. В 1948 г. Каныш Имантаевич Сатпаев, первый президент Академии наук Казахской ССР, предложил М. М. Мендикулову возглавить сектор архитектуры Академии наук. До 1956 г. Малбагар Мендикулович заведовал сектором архитектуры, затем руководил Институтом архитектуры, строительства и строительных материалов АН Казахской ССР, параллельно был председателем правления Союза архитекторов республики.

В 1950 г. в Москве Малбагар Мендикулович защитил кандидатскую диссертацию и стал первым кандидатом архитектуры в Казахстане. В 1951—1952 гг. он начинает изучать памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта, организывает научно-исследовательские экспедиции. Результаты этих исследований находят свое отражение в монографии «Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта» и серии научных статей.

Практическим результатом экспедиций на Мангышлак стало обращение М. Мендикулова к руководству ЦК компартии Казахстана и Совета министров Казахской ССР с предложением о промышленной разработке природных запасов ракушечника — прекрасного строительного материала. По рекомендации ученого ракушечник стал применяться в строительстве практически по всему Казахстану.

В 1955 г. Малбагар Мендикулович был назначен начальником Управления по делам архитектуры и строительства при Совете министров Казахской ССР; в 1957 г. — избран членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР; в 1958 г. стал первым президентом вновь образованного Казахского филиала Академии строительства и архитектуры СССР.

В 1964 г. М. Мендикулов становится начальником архитектурно-планировочного управления (АПУ) — главным архитектором Алма-Аты. Это был пик расцвета многогранной личности. Он разрабатывает Генеральный план застройки Алма-Аты, вводит многоэтажное строительство в сейсмоопасной зоне, делает многое другое. К этому времени М. М. Мендикулов — один из авторов проектов реконструкции и застройки общественных центров Ташкента, Алма-Аты, Нукуса, им оказана практическая помощь при планировке городов Чимкента, Джезказгана, Гурьева и др. По его проектам построены дворец бракосочетания, административный корпус винзавода, па-

мятники-бюсты Жамбылу Жабаеву и Мухтару Ауэзову, кафе «Карлыгаш» и «Айна-Булак» в Алма-Ате, реконструирован музей им. Абая в Семипалатинске. Также М. М. Мендикулов — один из авторов проекта павильона Казахской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Совместно с другими архитекторами участвует в разработке проектов дома культуры в с. Шубар Талды-Курганской области, дома архитекторов, микрорайона № 5 в Алма-Ате, экспериментального микрорайона в Чемкенте (ныне — Шымкенте), конкурсного проекта Монумента покорения целины, застройки центров городов Абай, Шахтинск и др.

Как ученый, Малбагар Мендикулович является автором более 70 научных работ, в том числе четырех монографий («Архитектура города Алма-Аты», «Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта», «Обновленная Сары-Арка» и «Памятники народного зодчества Западного Казахстана»), в которых исследует историю архитектуры Казахстана, богатейшее архитектурное наследие казахского народа.

Наряду с практической, творческой и научной работой, М. М. Мендикулов много сил и энергии отдавал общественной деятельности: избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР IV—V созывов, депутатом Алма-Атинского городского совета народных депутатов, председателем правления Союза архитекторов Казахстана, был бессменным членом президиума правления с 1948 г., постоянным членом Комитета по присуждению государственных премий Казахской ССР, членом президиума Центрального совета общества охраны памятников истории и культуры Казахской ССР, главным консультантом по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Яссауи, членом и главным консультантом главной редакции Казахской советской энциклопедии. Закономерным итогом стало присвоение Малбагару Мендикуловичу Мендикулову почетного звания «Заслуженный архитектор Казахской ССР» в 1970 г.

С 1971 г. Малбагар Мендикулович возглавляет основанную им кафедру истории и теории архитектуры Казахского политехнического института, продолжает активную научную работу: публикует статьи, пишет рецензии, выступает с докладами и сообщениями, руководит аспирантами, стажерами и соискателями, консультирует ученых, педагогов и проектировщиков. В 1976 г. М. М. Мендикулову впервые в Казахстане присвоено звание профессора архитектуры.

М. М. Мендикулов был педагогом и наставником не одного поколения зодчих Казахстана. Среди его учеников Ш. Е. Валиханов — председатель Общества охраны памятников культуры Республики Казахстан, К. Ж. Монтахаев — единственный Народный архитектор СССР в Казахстане, А. К. Капанов, О. Ж. Баймурзаев и С. А. Фазылов — главные архитекторы Алматы, Т. Б. Сулейменов — президент Союза дизайнеров Республики Казахстан, С. Е. Жунусов — главный архитектор Астаны, доктор архитектуры, профессор Б. У. Куспангалиев — директор Института архитектуры и строительства Satbayev University, президент Международной академии архитектуры, Б. Т. Туякбаева — член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, кандидат архитектуры, выдающиеся ар-

хитекторы Казахстана Марат Жаксылыков, Нурбахыт Койшибаев, Сакен Нарынов, Арыстан Кайнарбаев и многие другие.

Трудовые заслуги М. М. Мендикулова отмечены многочисленными правительственными наградами: двумя орденами «Знак Почета», медалями, тремя Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР, почетным званием «Заслуженный архитектор Казахской ССР».

Его дружба с выдающимися архитекторами Советского Союза, такими как: академики Алексей Щусев и Александр Гегелло, народные архитекторы СССР Юрий Яралов и Вадим Масляев, Митхат Булатов и Абдулла Бабаханов, была искренней и на всю жизнь, что мы, члены семьи, ощущали всегда.

Мэтр казахстанской архитектуры ушел из жизни 17 августа 1986 г. Память о выдающемся архитекторе жива: в Алматы в его честь названа улица — «Бульвар Мендикулова», на пересечении бульвара Мендикулова и улицы Аль-Фараби установлен памятник Малбагару Мендикуловичу. В городе Атырау также есть улица им. Малбагара Мендикулова. На доме, где он жил последние годы (г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 117), установлена мемориальная доска. В Satbayev University и Казахской головной архитектурно-строительной академии (КазГАСА) установлены мемориальные доски. Международной архитектурной академией учреждена медаль им. М. М. Мендикулова за вклад в развитие архитектурной науки. В КазГАСА учреждена стипендия и диплом им. М. М. Мендикулова за отличную учебу, открыта именная аудитория.

*Г. М. Мендикулова — доктор исторических наук, профессор,
Satbayev University, Алматы, Республика Казахстан*

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 14.05.2025.

**В Луганской области восстановлен мемориал воинам,
погибшим в годы Гражданской
и Великой Отечественной войн¹**

В Новосибирске действует историко-культурная мемориальная программа «Белый тополь», разработанная в 2006 г. по инициативе руководителя МУП «Похоронный дом ИМИ» Сергея Бондаренко. Цель программы — сохранение памяти о людях, чья судьба была связана с родным городом Новосибирском.

После освобождения части украинской территории в ходе СВО Новосибирская область взяла шефство над Беловодским районом Луганской Народной Республики. Тогда стало известно, что в братской могиле с. Городище похоронен новосибирец Александр Поликарпович Чертенков, погибший 18 февраля 1943 г. в боях за освобождение с. Городище. Тяжело раненный, он умер на руках местной жительницы, на попечение которой оставили бойца.

Родился Александр Поликарпович Чертенков в 1901 г. в с. Кошелево Тальменской волости Барнаульского уезда Томской губернии (ныне — Алтайский край). В 1919 г. его призвали в Красную армию, в которой он прослужил до 1924 г. После демобилизации вернулся в родное село. В 1936 г. вместе с женой Анастасией Алексеевной переехал в Новосибирск, оба работали на авиационном заводе им. Чкалова. В семье было шестеро детей — четверо дочерей и двое сыновей. Четверо детей также связали свою судьбу с авиационным заводом, на заводе работали и внуки.

Председатель совета ветеранов авиационного предприятия Людмила Михалева обнаружила в архивах завода данные о работниках из семьи Чертенковых, через родственников А. П. Чертенкова нашла его внучку — Людмилу Петровну Батрак. Л. П. Батрак рассказала, что в конце 1970-х гг. из с. Городище к ним пришло письмо от местной учительницы, которая разыскивала родственников Александра Поликарповича. Семью Чертенковых пригласили на Украину. В Городище побывали вдова Александра Поликарповича Анастасия Алексеевна и дети.

Прежде всего в Луганской области был найден памятник, установленный во время Гражданской войны на могиле убитых 36 мальчишек, охранявших обоз с продовольствием. В годы Великой Отече-

¹ Материал для статьи и фото предоставлены А. Е. Свиридовым, заместителем генерального директора мемориальной службы «ИМИ».

ственной войны на этом же месте были погребены подпольщики — жители села и красноармейцы, погибшие при освобождении села. Среди них — новосибирец Александр Поликарпович Чертенков.

На полученных специалистами «Похоронного дома ИМИ» фотографиях был изображен разрушающийся обелиск. Было принято решение восстановить памятник на братской могиле, в которой захоронен новосибирец. Задание дал лично губернатор Новосибирской области Андрей Александрович Травников.

Специалисты выехали в Городище. Изучив состояние памятника на месте, приняли решение, что его можно восстановить. Аккуратно осуществив демонтаж, отреставрировали бетонное основание, облицевали гранитом. Мемориал на братской могиле героев Гражданской и Великой Отечественной войн был восстановлен (фото).

Восстановленный мемориал воинам, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, 2025 г, с. Городище Луганской области
Restored memorial to soldiers who died during the Civil and Great Patriotic Wars. 2025, Gorodishche village, Luhansk region

Говоря о целях восстановления мемориала в далекой Луганской области, участники программы «Белый тополь» утверждают, что, восстанавливая ранее неизвестные мемориалы, мы сохраняем память народа о подвиге своих земляков. Это стержень национального самосознания, это гордость народа, величие его духа.

Бессмертный полк

Семейный архив А. А. Гундарева

Сведения об А. В. Гундареве и членах семьи Мироненко предоставлены А. А. Гундаревым

Алексей Васильевич Гундарев (фото 1) родился в 1923 г. в селе Верх-Ирмень Западно-Сибирского края. В ноябре 1941 г. был призван на фронт Ирменским военным комиссариатом. Принимал участие в боевых действиях. Был тяжело ранен.

В период наступательного марша сумел организовать и обеспечить личный состав батальона питанием. Полностью сохранил инвентарное и боевое имущество. В наградном листе записано: «Делу товарищей Ленина — Сталина и Социалистической Родине предан, морально устойчив, идеологически выдержан, дисциплинированный, культурный офицер, требовательный, авторитетом среди личного состава пользуется, обладает организаторскими способностями. Достоин награждения правительственной наградой орденом Красной Звезды» (фото 2).

*Фото 1. Алексей Васильевич Гундарев
(фотография из личного архива
семьи Гундаревых)
Alexey Vasilyevich Gundarev
(photo from the personal archive
of the Gundarev family)*

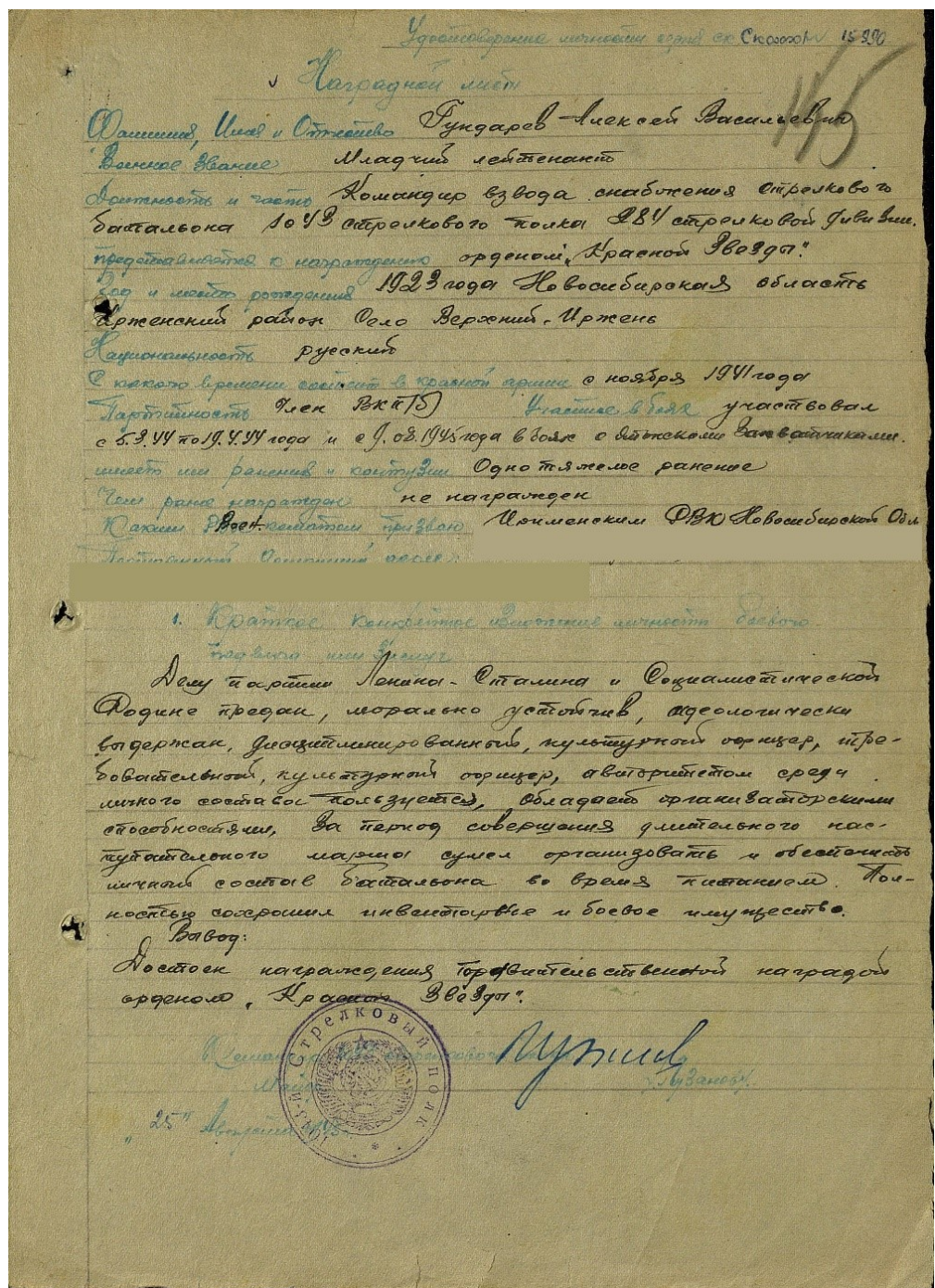

Фото 2. Наградной лист для представления А. В. Гундарева к награждению орденом Красной Звезды
Award sheet for the presentation of A.V. Gundarev for the award of the Order of the Red Star

После войны поступил на службу в милицию. За долгую службу в милиции был удостоен звания «Заслуженный работник милиции». Умер в окружении любящих жены и троих детей в 1994 г.

Силантий Васильевич Мироненко (фото 3) родился в 1898 г. в Брянской области. Женат. Имел семерых детей. Рядовой С. В. Мироненко погиб 30 ноября 1942 г. (считался пропавшим без вести) в возрасте 44 лет.

Фото 3. Силантий Васильевич Мироненко
(фотография из личного архива
семьи Гундаревых)
Silantiy Vasilyevich Mironenko
(photo from the personal archive
of the Gundarev family)

Петр Силантьевич Мироненко (фото 4) родился в 1923 г. В июле 1941 г. призван в армию Искитимским комиссариатом. Не женат. Лейтенант. Командир взвода управления 814 артиллерийского полка 274 Ярцевской стрелковой дивизии.

В наградном листе записано: «В наступательных боях 7 августа 1943 года товарищ Мироненко Петр Силантьевич постоянно находится в передовых линиях стрелкового подразделения, продвигаясь вперед, дает быстро связь на батарею, тем самым дает возможность быстро открывать огонь по рубежам противника. В результате повседневного наблюдения за противником товарищ Мироненко в районе деревни Постники 9 августа 1943 г. выявил концентрацию живой силы и танков противника для контратаки. Товарищ Мироненко помогает командиру батареи корректировать огнем и сам лично подавил 2 ручных пулемета в районе высоты Безымянная.

Фото 4. Петр Силантьевич Мироненко
(фотография из личного архива
семьи Гундаревых)
Petr Silantievich Mironenko
(photo from the personal archive
of the Gundarev family)

13 августа 1943 г. отбил две контратаки противника. Товарищ Мироненко в районе деревни Комиссаровки 27 сентября 1943 г. обнаружил скопление живой силы противника в сарае. Сарай разрушен огнем. Тяжелые батареи корректировал товарищ Мироненко, где уничтожено до 15 человек вражеских солдат и подавлен огонь ручного пулемета. За проявленное мужество и инициативу лейтенант Мироненко достоин правительственной награды ордена Красной звезды.

Погиб в бою 3 марта 1944 г. в возрасте 21 года Похоронен в деревне Заходники Витебского района Витебской области (Республика Беларусь).

Архив семьи Денисовых

Фотографии и документы из личного архива семьи Денисовых. Материалы предоставлены А. Ф. Евдокимовой

Степан Трофимович Денисов (фото 5) родился 1 января 1919 г. в с. Новый Заган Мухоршибирского района (Бурят-Монголия). 1 сентября 1939 г. был призван на военную службу Мухоршибирским районным военным комиссариатом. Воевал на Западном и Дальневосточном фронтах.

Фото 5. Степан Трофимович Денисов (фотографии из личного архива семьи Денисовых)
Stepan Trofimovich Denisov (photo from the personal archive of the Denisov family)

1 февраля 1943 г. севернее д. Коркодиново (отм. 148,4) сержант Степан Трофимович Денисов, стреляя из 76 мм орудия, установленного в траншеях переднего края нашей обороны, по дзоту противника прямым попаданием разбил дзот, который своим огнем стеснял и ослеплял нашу оборону. За мужество и отвагу, проявленные в бою, награжден медалью «За отвагу» (фото 6).

Денисов Степан Трофимович

Наградной документ

Дата рождения: __.__.1919

Наименование военкомата: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Дата и место призыва: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Воинское звание: сержант

Воинская часть: [1297 сп](#)

Кто наградил: 1297 сп 160 сд Западного фронта

Наименование награды: Медаль «За отвагу»

Номер документа: 5/н

Дата документа: 19.02.1943

Место призыва: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Приказ подразделения

№: 5/н от: 19.02.1943

Издан: 1297 сп 160 сд Западного фронта

*Фото 6. Наградной документ на медаль «За отвагу» (по данным сайта «Память народа»)
Award document for the Medal "For Courage" (according to the "Memory of the People" website)*

В августе 1943 г. в период наступательных действий полка С. Т. Денисов, будучи командиром орудия, под ураганным огнем противника выкатывал свое орудие на прямую наводку в результате чего его расчетом были уничтожены: одна противотанковая пушка, пять пулеметов противника с расчетами и один блиндаж противника. В этот же период при наступлении на д. Алферово Денисов прямой наводкой из орудия уничтожил до 15 немецких солдат и частично рассеял ряды противника, этим он помог пехоте отбивать контрнаступление противника. За проявленное мужество и отвагу С. Т. Денисов награжден орденом Красной Звезды (фото 7).

Денисов Степан Трофимович

Наградной документ

Дата рождения: __.__.1919

Наименование военкомата: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Дата и место призыва: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Дата поступления на службу: 15.07.1939

Воинское звание: ст. сержант

Кто наградил: 160 сд 49 А Западного фронта

Наименование награды: Орден Красной Звезды

Номер документа: 41/н

Дата документа: 22.10.1943

Место призыва: Мухоршибирский РВК, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский р-н

Приказ подразделения

№: 41/н от: 22.10.1943

Издан: 160 сд 49 А Западного фронта

*Фото 7. Наградной документ на орден Красной Звезды (по данным сайта «Память народа»)
Award document for the Order of the Red Star (according to the "Memory of the People" website)*

За время военной службы Степан Трофимович Денисов награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны II степени (фото 8, 9), медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Денисов Степан Трофимович

Наградной документ

Дата рождения: __.__.1919

Воинское звание: ст. лейтенант

Военно-пересыльный пункт: [49 стрелковый корпус](#)

Кто наградил: 49 стрелковый корпус

Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени

Дата документа: 31.05.1945

Денисов Степан Трофимович

Наградной документ

Дата рождения: __.__.1919

Воинское звание: ст. лейтенант

Военно-пересыльный пункт: [53 А](#)

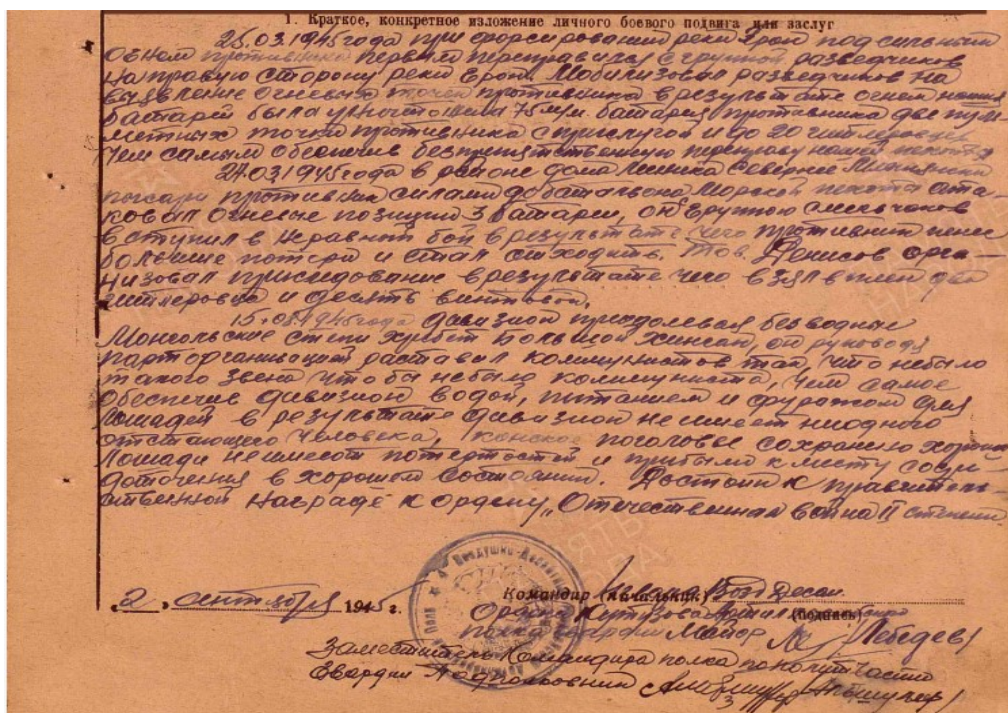
Кто наградил: 53 армия

Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени

Дата документа: 12.09.1945

*Фото 8. Наградные документы на ордена Отечественной войны II степени
(по данным сайта «Память народа»)*

*Award documents for the Order of the Patriotic War of the 2nd degree
(according to the "Memory of the People" website)*

143

Семейный архив Н. А. Шутовой

Фото из семейного архива Н. А. Шутовой, дочери А. Г. Недозорова. Материалы предоставлены Н. В. Отургашевой.

*Фото 10. Анатолий Григорьевич Недозоров (1947) (фотография из семейного архива Н. А. Шутовой)
Anatoly Grigorievich Nedozorov (1947)
(photo from the N.A. Shutova's family archive)*

Анатолий Григорьевич Недозоров (фото 10, 11) родился 18 июля 1925 г. Призван в действующую армию из с. Парабель в 1943 г. Воевал на 2-м Белорусском фронте в составе стрелкового полка 385-й стрелковой дивизии 33-й армии. Был тяжело ранен в 1945 г. В наградных документах записано: «За время наступательных боев с 23 января по 12.2.1945 г. показал исключительные образцы личного мужества и отваги. Всегда находясь в боевых порядках наступающих подразделений, он личным примером воодушевлял бойцов на подвиги. 12.2.1945 г. наступающие подразделения батальона закрепились под ураганным огнем противника. Тов. Недозоров с возгласом «За Родину, за Сталина» ринулся вперед и увлек за собой личный состав роты. Быстрым и стремительным рывком рота ворвалась в траншею противника и выбила его оттуда. Постановленная задача была выполнена».

Демобилизовался в звании лейтенанта после тяжелого ранения. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени,

медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

*Фото 11. Анатолий Григорьевич Недозоров с сослуживцем (1943)
(фотография из семейного архива Н. А. Шутовой)
Anatoly Grigorievich Nedozorov with a fellow soldier (1943)
(photo from the N.A. Shutova's family archive)*

После войны работал на предприятиях торговли и сельского хозяйства. Удостоен звания «Ветеран труда». Воспитал двоих детей.
Умер 12 июля 2012 г.

Архив семьи Симаковых

Материалы предоставлены С. А. Симаковой

Всего из семьи Симаковых на фронтах Великой Отечественной войны погибло пять мужчин, их имена размещены на памятнике в с. Хорошеборка Кемеровской области.

Фото 12. Гордей Васильевич Симаков
(фотография из личного архива
С. А. Симаковой)
Gordey Vasilyevich Simakov
(photo from the S.A. Simakova's
personal archive)

Гордей Васильевич Симаков (фото 12) родился 3 января 1897 г. (по старому стилю) в селе Перхляй Тепловской волости Инсарского уезда Пензенской губернии. Проживал в с. Красная Зорька Хорошеборского сельсовета Топкинского района Кемеровской области. Был призван на фронт в самом начале войны Топкинским районным военкоматом.

Красноармеец, сапер 265 стрелковой дивизии. В 1941 г. Г. В. Симаков принимал участие в Выборгско-Кексгольмской операции в Карелии, в 1942 г. — в обороне Ленинграда: участвовал в боях на Невском пятачке, Любаньской операции, Синявинской операции, которая стала для Гордея Васильевича последней.

Фото 13. Место перезахоронения Г. В. Симакова
(фотография из личного архива С. А. Симаковой)
Reburial site of G. V. Simakov (photo from the S.A. Simakova's personal archive)

Погиб в бою 16 сентября 1942 г., похоронен в 1-м Эстонском поселке, Ленинградской области. Перезахоронен в мемориальном комплексе «Синявинские высоты» (фото 13).

Андрей Гордеевич Симаков (фото 14) родился в 1916 г. и до войны проживал в с. Красная зорька Хорошеборского сельсовета Топкинского района Кемеровской области. На фронт призван в 1941 г. Топкинским РВК. Красноармеец, связист 49 гвардейского стрелкового полка.

Погиб в бою 7 мая 1942 г. Похоронен в г. Велиж Смоленской обл. На месте захоронения в 1955 г. был открыт мемориал «Лидова гора» (фото 15).

*Фото 14. Андрей Гордеевич Симаков
(фотография из личного архива
С. А. Симаковой)
Andrei Gordeevich Simakov
(photo from the S.A. Simakova's
personal archive)*

*Фото 15. Мемориал «Лидова гора» в г. Велиж Смоленской обл.
(фотография из личного архива С. А. Симаковой)
“Lidova Gora” Memorial in the town of Velizh, Smolensk region
(photo from the S.A. Simakova's personal archive)*

В братской могиле захоронены 9 906 советских воинов 4-й Ударной армии, сражавшихся здесь с января 1942 г. по 20 сентября 1943 г.

Фото 16. Григорий Иванович Симаков
(фотография из личного архива
С. А. Симаковой)
Grigory Ivanovich Simakov
(photo from the S.A. Simakova's
personal archive)

Григорий Иванович Симаков (фото 16) призван в армию в 1939 г. Топкинским РВК.

Служил на Дальнем Востоке. Сержант. По окончании службы в 1946 г. возвращался домой на поезде, который потерпел крушение в районе озера Байкал. Домой пришла похоронка: «Сержант Симаков Григорий Иванович, находясь на службе в Советской Армии, погиб во второй половине 1946 г. в результате несчастного случая».

Фото 17. Иван Иванович Симаков
(фотография из личного архива
С. А. Симаковой)
Ivan Ivanovich Simakov
(photo from the S.A. Simakova's
personal archive)

Иван Иванович Симаков (фото 17) родился в 1923 г. в с. Красная зорька Хорошеборского сельсовета Топкинского района Кемеровской области. Призван в армию 9 июля 1941 г. Топкинским РВК. Курсант Высшей авиационной школы г. Канска.

Погиб в бою в январе 1943 г., похоронен в станице Богоявленская Константиновского района Ростовской области.

Семен Петрович Симаков (фото 18) родился в 1910 г. в с. Перхляй Рузаевского района Инсарского района Пензенской губернии. Участник советско-финской войны, где был ранен. В 1939 г. вернулся домой. 27 июля 1941 г. призван на фронт Топкинским РВК. Красноармеец. Пропал без вести в августе 1943 г.

*Фото 18. Семен Петрович Симаков
(фотография из личного архива
С. А. Симаковой)
Semyon Petrovich Simakov
(photo from the S.A. Simakova's
personal archive)*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Джорджевич Александра — докторант, факультет политических наук, Белградский университет, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Живанович Милана — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Ломбарди Мария Маддалена — доктор философии, преподаватель итальянского языка, литературы и истории, автор многих публикаций, занималась литературными начала XIX в. (Уго Фосколо, Джакомо Леопарди, Винченцо Монти), курирует группу студентов, создающих цифровой архив по партизанам, павшим во время борьбы за освобождение от нацифашизма (1943—1945), Нови-Лигуре, Италия. E-mail: mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

Мендикулова Гульнара Малбагаровна — доктор исторических наук, профессор, Satbayev University, Алматы, Республика Казахстан. E-mail: gmendikul@hotmail.com

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Талалай Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, итальянист, специалист по русско-итальянским связям, член совета Международного научно-исследовательского центра им. П. Муратова, независимый исследователь, Милан, Италия, talalaym@mail.ru

Чернобай Георгий Константинович — архивист, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Чернобай Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, начальник отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: olgachernobaj@yandex.ru

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Ярченко Юлия Витальевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация. E-mail: july-248@yandex.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Anna S. Bykova — Candidate of Political Sciences, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Aleksandra Djordjevich — Doctoral Student, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Maria Maddalena Lombardi — PhD in Philosophy, teacher of Italian language, literature and history, author of many publications, studied literary figures of the early 19th century (Ugo Foscolo, Giacomo Leopardi, Vincenzo Monti), curator of a group of students creating a digital archive on the partisans who died during the struggle for liberation from Nazifascism (1943—1945), Novi Ligure, Italy. E-mail: mariamaddalena.lombardi@ciampiniboccardo.edu.it

Gulnara M. Mendikulova — Doctor of Historical Sciences, Professor, Satbayev University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: gmendikul@hotmail.com

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Mikhail G. Talalay — Candidate of Historical Sciences, Italianist, specialist in Russian-Italian relations, member of the board of the P. Muratov International Research Centre, independent researcher, Milan, Italy. E-mail: talalaym@mail.ru

Georgy K. Chernobay — archivist, State Archives of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Olga L. Chernobay — Candidate of Historical Sciences, head of the Acquisition, Departmental Archives and Office Work Department, State Archives of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: olgacher-nobaj@yandex.ru

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Yuliia V. Yarchenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Tourism Department, Pryazovskyi State Technical University, Mariupol, Russian Federation. E-mail: july-248@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);
- 5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);
- 5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором:

- УДК;
- заглавие статьи — на русском и английском;
- подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;
- сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;
- аннотация — на русском и английском (*Abstract*);
- ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);
- благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов)¹ (полностью);
— наименование организации (организаций)², ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подрубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смешение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU) [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]*. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism]*, 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.